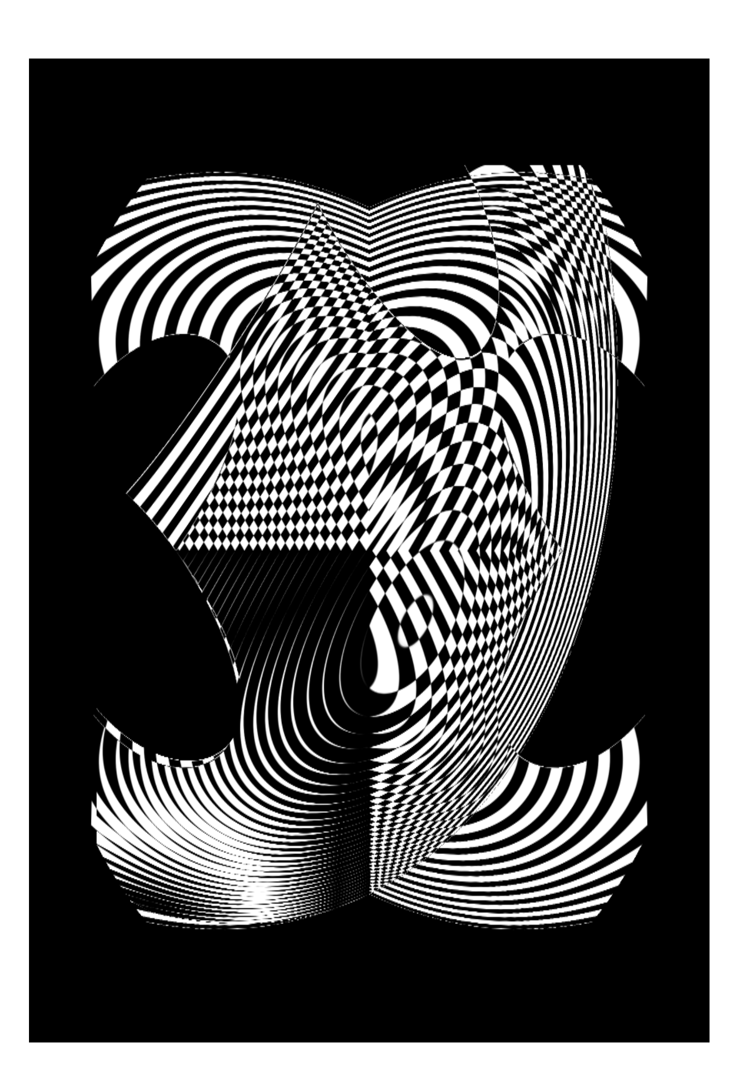

Экзегетика снов: европейские хроники сновидений

Текст подготовлен
В. Чугуновым

Москва
ЭКСМО
2002

— Ему снится сон! — сказал Траляля.— И как, по-твоему, кто ему снится?

— Не знаю,— ответила Алиса.— Этого никто сказать не может.

— Ему снишься ты! — закричал Траляля и радостно захлопал в ладоши.— Если б он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была?

— Там, где я и есть, конечно,— сказала Алиса.

— А вот и ошибаешься! — возразил с презрением Траляля. — Тебя бы тогда вообще нигде не было! Ты просто снишься ему во сне.

— Если этот вот король вдруг проснется,— подтвердил Труляля,— ты сразу же — фьють! — потухнешь, как свеча!

Льюис Кэрролл. Сон Короля. Алиса в Зазеркалье

Видишь ли ты сны?
Какие они, эти сны?
Откуда они пришли,
что есть их источник:
детство ли, долгая повседневность
или же это вообще не твоя память?
Толковал ли ты сны?
Или кто-то делал это за тебя —
другие глаза, иные чувства,
чужой смысл?
Знаком ли ты с правилами
аналитики, интерпретации,
экзегезы, слышал ли ты о них —
или нет?
Доверял ли ты свои сны?

Раскрывал ли ты свои
сокровенные чаяния,
побуждения, чувства?
Видел ли ты, как менялось
лицо слушавшего тебя?
Посмотри на того,
кто трактовал чьи-то сны
и доверял объяснения своих снов
кому-то,— хорошо ли ему теперь?

Не делай этого больше,
даже если тебе тяжело.

Помни: только ты сам можешь
понять свой сон.

Я вижу сны. Я полнюсь картинами,
которые мне хотелось бы показать
и вам — показывать снова и снова,
потому что они — ваши сны тоже,
каждого из вас.
Разнящиеся телами и жизнями,
мы все сплетены своими снами.
Тот мир у нас общий, иногда нас
двое или трое, иногда много
больше; мы вместе, навсегда. Мне
снятся сны. Иногда это кошмары,
иногда — теплые видения,
иногда что-то родное, что, однако,
не имеет имени. Иногда это земля —
теплая, живая земля, бесконечное
пестрое разнотравье, в котором
тут и там я вижу вас, как и вы,
уверен, видите меня тоже:
ко мне обращены ваши глаза,
ваши ликующие лица. И тогда мне
кажется, что вы — мои сны,
лучшее, что у меня есть, и лучшее
из того, что прошло, но вы,
в отличие от прошедшего, будете
всегда. Я сплю на земле;
тогда же, когда и вы.

Встречаясь в устье закатов,
мы входим в один и тот же сон,
в одну расцвеченную ночь,
где мириады чаяний сливаются
в единое грозовое поле,
изливающееся после потоками снов.
Я долго не решался, но теперь
хочу спросить вас: это ведь так?
Я хочу показать вам свои сны,
и сны других, живших раньше,
и спросить вас — ведь это ваши
сны тоже? Ведь так? И тогда,
встречаясь с вами глазами, я буду
знать, что ночью мы были вместе,
ведь мы видели один и тот же сон.
Я вижу сны. Это и ваши сны тоже:
ваши реликтовые, архаические,
готические, эзотерические сны
а также сны вашего собственного
прошлого, прошедшего детства,—
сны памяти, сны времени,
требующие аналитики и объяснений.

Я покажу эти наши сны — и Вы,
несомненно, сразу узнаете их.

Обыденный Элизиум каждого: введение

Каждый без труда ответит на вопрос: видит ли он сны; другое дело — помнит ли он их?

Сны, сновидения, грезы — ими заполнена та, ночная жизнь, где они конкурируют с долгими днями повседневности. Сны были всегда. И кажется, всегда были их толкования.

Мы — раса сновидцев, стремящихся стать расой толкователей, раса внезапно прозревших в неведомом мире, полном света, и красок, и чувств-ощущений, которые ярче любых красок.

Быть может, мы превратились в расу толкователей и не сразу, не вдруг. Было ли это в один день или нет — теперь уже неважно. Но каждый век — каким бы летосчислением мы не пользовались,— избирал свой особый предмет для толкования: так, для доантичных цивилизаций — это порядок мироздания; для античности — оракулы, толкования, обращенные в будущее; излюбленный предмет средних веков — символы, числа,

цвета, и краски, и тексты, тексты и тексты; для Просвещения — это природа, целесообразная, изящная и полная тайн; для нового времени — это физический мир, требующий позволяющих овладеть им интерпретаций; для новейшего времени — это психика, в тончайших оттенках ее проявлений.

Однако всегда был — и видимо, он не исчезнет никогда — особый предмет толкования: это *сновидения*; каждое действие, каждая мысль, каждая эмоция, обращенные к ним, связанные с ними,— интерпретативны по своей сути.

Для древних доантичных культур сновидение — продолжение дневной жизни, может быть, только с несколько измененным — облегченным — доступом в иные миры, мир богов, мир мертвых.

Для античности сон — тот же мир понятных взаимосвязей и отношений, должное, данность с перечислением статусов и положений, в которых можно увидеть себя, спящего; это также человек и его тело, скорее даже члены последнего. Сны подлежат учету, их можно записать все до одного простым пересчетом; их типология нецелесообразна — они легко собираются в новый том онейрокритики.

Для средних веков — это видения, среди которых настоящие, истинные (опасное слово!), ночные сны теряются; они не имеют преимуществ или отличий, разве что отношение к ним более настороженное; дьявол активнее в темное время суток.

Для нового времени — это эзотерика, диковинно сочетанная с элементарной физиологией сна, когда дает о себе знать двойственность природы человека.

Обыденный Элизиум каждого

Для времени новейшего сновидение — это смутный, оторванный от реальности, но продолжающий жить ею мир, перипетии прошлого, детства, влечений и страстей, грешного и противодействия ему, стыдного и подавленного, а еще это эра символики — символики плотной, увязанной в тугой комок, всепроникающей и, кстати, очень неоднозначной: куда там средним векам, когда были Книги, когда были правила, кодексы значений и смыслов. Только теперь мир воистину утратил определенность, и только теперь каждый требует все более изощренных и истинностных *толкования*, *аналитики*, *экзегезы* — как никогда ранее.

* * *

Конечно, толкование снов — целиком культурное, даже этническое, явление. Однако их истолкование в рамках одной культурной эпохи всегда однопланово. *Парадокс же состоит в том, что разнятся сами сны* (это хорошо понимали древние, однако только в отношении свойств предсказательности, истинности-ложности сновидений и не более).

Итак, сновидения, в отличие от многих других явлений душевной жизни, не могут быть подогнаны под единый критерий. Их типология поэтому призвана ответить всего лишь на один вопрос: *какими бывают сны?*

Никакое основание не может быть единственным: ни «сбывшиеся» сны в духе Артемидора, ни архетипы Юнга, ни «фазы» физиотерапии-гипнологии, ни концепты символики тела и ассоциаций психоанализа, ни, тем более, древние и возобновленные несколько веков назад спиритические верования.

Сны — проводники психического во всем многообразии его проявлений; каждый видит разные сны — под влиянием ли поразивших душу впечатлений, или неуловимых для сознания, но все же воспринятых воздействий окружающего мира, или в силу способности, иногда обостряющейся, предугадывать, или же в силу срабатывания феномена, сопрягающего ощущения, когда возникает чувство, что *это уже было*.

Мы видим все эти сны — мы видим сны-реликты, древние, времен сотворения мира; античные сны, сны полисов, площадей и базаров, сны обитаемого острова в центре непознанной Земли, архаичные сны ойкумены; сны средних веков, соборные, готические сны, когда ты в потоках витражного света — ими залит неф, но они же сгущают тени в нишах; сны нового времени, вызванные, публичные сны, сны с подмостков, внушенные, осмеиваемые, и они же — показывающие иные измерения трансцендентные сны; наконец, мы видим сны настоящего, повседневности, сны обыденные, привычные, но — парадокс — их истинный смысл мы не в состоянии уловить сами,— это сны, подчас неузнаваемо меняющиеся под влиянием их аналитики.

* * *

Я попытался проследить основные вехи европейской истории сновидений, вкупе с техниками и ориентациями их толкований, относительно чистой истории снов, так как история видений, сопряженных с особыми условиями, более актуальна в иных культурах (за исключением, конечно же, европей-

ского средневековья). Только там, где сновидение напрямую увязывается с другими формами измененного сознания — помимо средних веков, это также новейшее время (психоделическая психотерапия, аналитическая психология, психиатрия онейроидных состояний и пр.),— я привожу сны-видения наряду с обычными снами.

В силу этого сновидения, которые я буду рассматривать, соотнесены с основными культурными типами, включая, разумеется, манеру интерпретации — как моей волей, так и прихотью сновидца — такого, например, как Юнг,— или же желанием толкователя — Фрейда например. Это реликты снов — снов-ощущений, проходящих за гранью сознания, снов из мира, куда невозможно довести хронологию; архаика снов, снов ребенка; это готика снов, снов универсума мира; это трансцендентность снов, снов из другой жизни; это, наконец, аналитика снов, тех снов, которые можно объяснить, исходя из переживаний повседневной жизни. Такими сны предстают в современном понимании, где сновидение — хроно-мнестический феномен, т. е. явление ряда «времени — памяти»; важный фактор, лежащий в основе одной из прогрессирующих форм психотерапии[1].

* * *

И еще. Я говорю только об *экзегетике снов* — насколько возможно отделить толкование сновидения от обращения к собственно *процессу сна*[2]. Также я говорю лишь о *европейской* (хотя затрагиваю, естественно, и древние евразийские

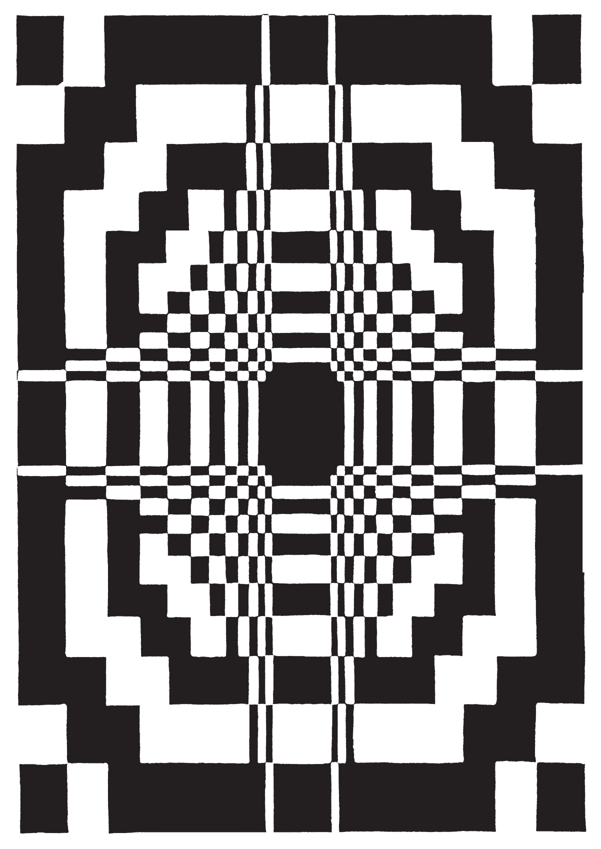
цивилизации) традиции, потому что есть еще множество других традиций — Китая и Индии, Африки и Америки — той, настоящей, Америки, и пр., а также масса персонифицированных снотолковательных методов, и все они — очень интересны и очень различны.

Примечания

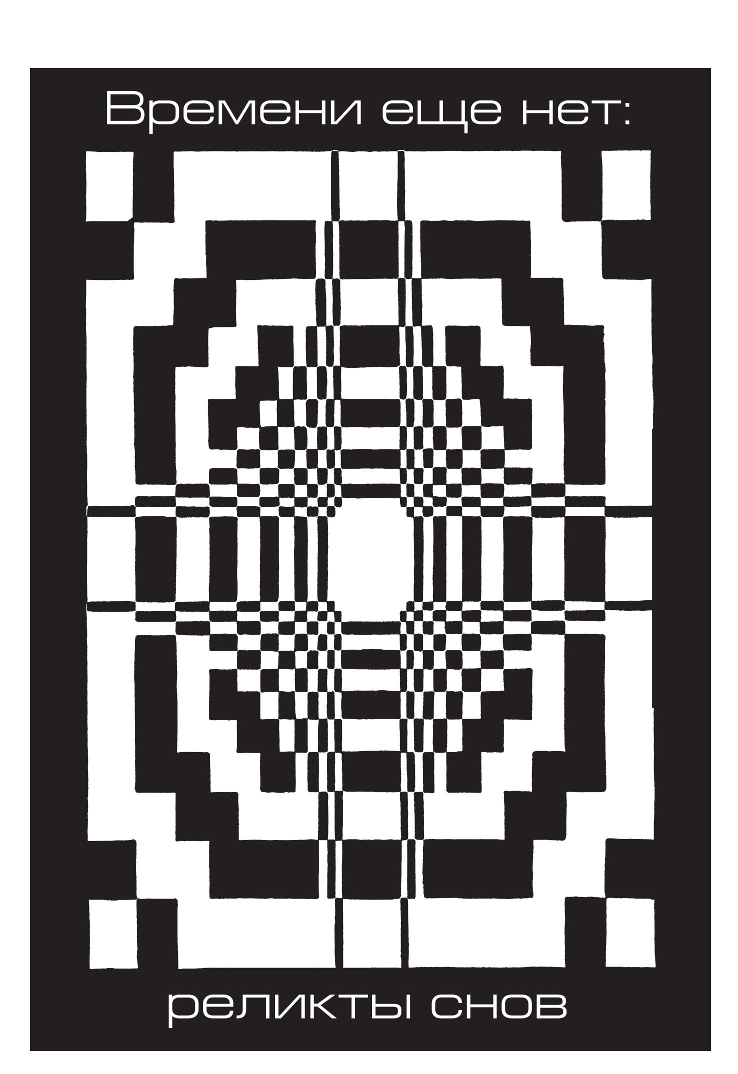
[1] Речь идет о симультанно-мнестической психотерапии, или психометодологии.

[2] Книга адаптирована для русскоязычных читателей; материалы, в целом, несколько расширены, особенно описания сновидений, и частью заменены; цитированные места приведены по имеющимся русским изданиям в целях доступности обращений, даны ссылки на переводы (*В. С.*, *В. Ч.*). Мощная отечественная традиция физиологически-ориентированной трактовки сновидений освещена в наиболее общем виде, поскольку она неэкзегетична, монотонна и, в целом, довольно скучна.

Времени еще нет:

реликты снов

Времени еще нет:
реликты снов

Реликты снов — самые древние из тех, что мы видим. В истории древней европейской (точнее, евразийской) культуры они жестко вписаны в контекст мировоззрения, который в этнокультурологии принято называть «анимизмом»; исследования-описания последнего ассоциированы с именами Тайлора, Фрэзера, Леви-Брюля и других. К их зарисовкам мы и обратимся. Затем я покажу стародавние шумеро-вавилонские и египетские снотолковательные традиции, известный сон из эпоса о Гильгамеше,

а также, конечно,— что есть реликтового
в Ваших снах, какие сны Вы можете
понимать как реликтовые.
Что важно — времени пока еще нет:
сны предсказательные
имеют власть событий, будущее
подобно непрерывно отмирающему
настоящему, откровения равнозначны
иным формам обмена информацией,
и даже более ценны,
повседневность не подлежит ничему,
что хотя бы отдаленно
напоминало анализ,
и уж тем более никто не озаботится
прошлым, чтобы понять сон.

Наскальные сны

Представления о древности снов — древности доантичной, доцивилизационной, которую, как казалось на рубеже XIX—XX веков, можно понять, изучая жизнь так называемых первобытных народов[1],— тесно ассоциированы с понятием-клише первобытного же анимизма; якобы сновидения сыграли определенную роль в происхождении представлений о душе.

«Учение о снах, которые приписываются многими племенами вмешательству духов, относится скорее к религии, чем к магии,— говорит А. Б. Тайлор.— Здесь перед нами снотолкование, искусство извлекать предвещания из снов, которые рассматриваются как сверхъестественные явления. <...> Снотолкование, дающее... символическое объяснение виденному во сне, известно и примитивным племенам.

Рассказывают, что целое австралийское племя переселилось вследствие того, что кто-то из туземцев увидел во сне сову известной

разновидности, а их мудрецы объяснили, что этот сон предвещает нападение другого племени. <...>

Зулусы, узнав из опыта, насколько ошибочно ожидать прямого и буквального исполнения снов, но все же продолжая верить в их вещий характер, ударились в другую крайность. Если в случае чьей-нибудь болезни они видят во сне, что больной умер, что его вещи разбросаны, что его хоронят с плачем и причитаниями, то они говорят: "Мы видели его смерть во сне, стало быть, он не умрет". Если же они видят во сне свадебные танцы, то это признак похорон. Маори также думают, что видеть во сне родственника умирающим — к выздоровлению, а видеть его здоровым — к смерти. Таким образом, оба названных народа выработали аксиому, согласно которой "сны всегда говорят противное"»[2].

В европейской этнографии в течение долгих десятилетий, даже веков, полагалось, что «первобытный» человек был склонен воспринимать события, виденные им во сне, как действительно свершившиеся; он-де далеко не всегда мог отличить яркий, эмоционально насыщенный продукт своего сновидного воображения от повседневной реальности.

Вот типичные аргументы — из области все той же занимательной евроцентристской этнологии; правда, помещены они в авторитетный сомниологический текст.

«Еще в недавние времена у некоторых народностей пережитое во сне считалось реальностью. <...>

Дикарь видел себя во сне действующим далеко от того места, где он в данный момент находился. Отсюда он заключал о существовании «души», которая во время сна покидает тело и свободно странствует (Францов, Фрэзер). Первобытный человек считал, что события, пережитые им во сне, происходили с его душой, что снови-

дение есть следствие временного ухода души из тела, а смерть наступает при уходе ее из тела навсегда. <...>

Душа, по представлениям первобытного человека, не умирает; умирает только тело, когда душа покидает его. Сон есть как бы временная смерть тела.

Леви-Брюль противопоставляет "иллюзионистской" теории Тайлора свою теорию *пралогического мышления*, которую он обосновывает богатым фактическим материалом: описаниями обычаев, обрядов, гаданий, произведений изобразительного искусства, мифами, фактами поведения, о которых сообщали путешественники и исследователи жизни различных отсталых племен. По Леви-Брюлю, в основе мышления первобытного человека лежат коллективные представления, до сих пор еще существующие в среде отсталых племен. Эти представления, образовавшиеся в незапамятные времена, передавались из поколения в поколение и безраздельно господствовали над индивидуальным сознанием.

По Леви-Брюлю, первобытный человек отнюдь не смешивает сновидение с действительностью. Он отлично различает сон и явь. Но для него это различие не имеет никакого значения, для него и действительность и сновидение одинаково полны мистического, сверхъестественного содержания. Всякое сколько-нибудь необычное явление представляет для первобытного человека знамение сверхъестественного: небольшой вихрь пыли, поднятый ветром, странный вид облака, появление миссионера в одежде непривычного вида, а тем более всякое сновидение — все это полно тайного магического значения. Мировоззрение первобытного человека основано, по Леви-Брюлю, не на логических основаниях, а на законе *партиципации*, т. е. сопричастия, общности магических свойств. Эти свойства передаются от предмета к предмету путем прикосновения, переноса, изображения и другими способами. То, что человек цивилизованного общества воспринимает как противоречие, для первобытного человека противоречия не представляет. Для него все, что он воспри-

нимает — будь это явь или сновидение,— составляет единый мир, полный сверхъестественного содержания. Поэтому и сновидение представляет для него нечто такое же реальное, как и мир, воспринимаемый в бодрствовании. <...>

Дикарь убежден, что во сне его посещают духи умерших предков и руководят им в повседневной жизни (Тайлор). Племена, стоявшие на низком уровне культуры, руководствовались сновидениями при выполнении обрядов, ритуальных праздников и церемоний (П. Г. Богораз). Сновидения у первобытных народов влияли на решение важнейших общественных и хозяйственных вопросов (Тайлор).

Дикарь подчас активно стремился вызвать сновидение для получения указания духов при решении важного вопроса. С этой целью он прибегал к наркотическим средствам, к длительному посту. При помощи сновидения дикарь находил свой фетиш, свой тотем, своего гения-покровителя (Тайлор)»[3].

Подытожим: якобы сновидения, способствуя развитию анимистических представлений, сами приобретают в первобытном обществе большое значение как средство общения с духами; думается, что эта сентенция — такой же предрассудок, как те, о которых так снисходительно говорилось в приведенных цитатах.

Что до «первобытных народов» — а дискурс о них звучит еще и сегодня,— то речь на самом деле идет о социетальных практиках — культурных и коммуникативных, гностических и ритуальных, хронологических и прогностических — не подлежащих, разумеется, прочтению с помощью скудного позитивистски-этнологического набора. Если же мы обратимся к древности снов — тем снам, которые я образно назвал *наскальными*,— то мы можем только констатировать факт их

наличия. Каким он был, тот мир, и в каком отношении он находился к этим самым сновидениям? Может быть, это тот вариант замкнутой на себе эзотерики, когда сны как раз и имели значение реальности — в силу существования практики оказания доверия видевшему сон, комформного приятия желаний, велений и побуждений его души. Тогда — сны царили, тогда это был золотой век снов. Кто знает это сейчас?

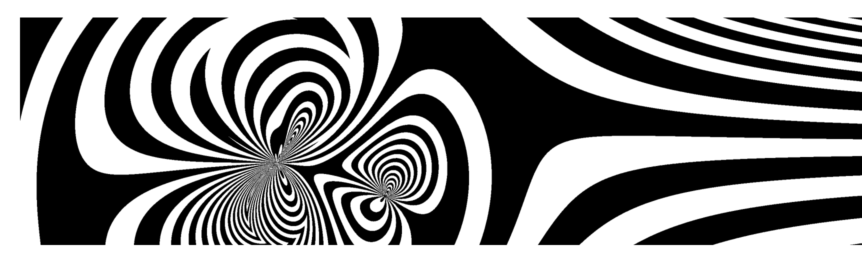
Наскальные сны снились долго —
так долго, что мы не можем
сосчитать их век;
времени еще не было,
и никто не заботился о том,
чтобы по крайней мере сложить их
в некую последовательность,
хронологический ряд,
записать друг за другом,
эти наши долгие наскальные сны.

Примечания

[1] Эти заблуждения были хорошо разъяснены Клодом Леви-Строссом.

[2] Цит. по: *(Tylor E.B.) Тайлор А. Б.* Первобытная культура: Пер. с англ. Д. А. Коропчевского / Предисл. и прим. А. И. Першица.— М.: Политиздат, 1989.— С. 97—98.

[3] Цит. по: *Вольперт И. Е.* Сновидения в обычном сне и гипнозе / Под ред. Д.А. Бирюкова.— Л.: Медицина. Ленинградск. отд., 1966.— С. 7—9.

Снотолкование в доантичном мире

«Пробудись в мире, имеющий лицо позади в мире, смотрящий назад в мире, барка небесная в мире, барка Нут в мире, барка богов в мире! Идет к тебе имярек — перевези его в барке, в которой она перевозит богов. Идет имярек... Если ты откажешь перевезти его, он сядет на крылья Тота, и Тот переправит его на ту сторону».

Этот набор фраз, эта формула — все обаяние, все влияние которой, очевидно, заключалось в ритмике речитатива,— говорит не о сне, но о пробуждении, которое суть покидание сна.

* * *

Считают, что традиция снотолкования как таковая возникла в Вавилоне; Вавилон действительно славился своими сногадателями (они звались *халдеями*). Процветало снотолкование и в Ассирийском царстве.

Вавилонские астрологи якобы считали, что сновидения возникают под влиянием звезд.

Древние египтяне различали сновидения, даруемые Гором[1] и посылаемые Сетом[2].

Случалось, что сновидения царей давали повод к возникновению новых культов; так, например, культ Сараписа[3] в Александрии был установлен в связи со сновидением царя Птолемея I Сотера (ок. 367/366—283 гг. до н. э.).

У древних финикийцев и египтян существовал обычай советоваться со điсногадателями и даже ночевать в храмах при различных заболеваниях, чтобы в сновидениях получать лечебные советы божеств. Обычай сна в храме с целью получения в сновидении целительных предписаний из стран Древнего Востока впоследствии перешел в Грецию (так называемая *инкубация*).

* * *

Обратимся к интересному переложению из египетской мифологии, повествующему о *ночном плавании «солнечной ладьи»*; приводимый ниже рассказ изложен, в основном, по «Книге Врат» и «Книге Дня и Ночи»[4]:

«Путешествие через Дуат еще опаснее, чем дневное путешествие.

Начинается оно с торжественного восхождения Ра и его свиты на западную гору. Затем бог богов усаживается на золотой трон — солнечное святилище, которое расположено посреди Ладьи Месктет. Трон обвивает кольцами своего те-

ла гигантский змей Мехен-та, защитник ночной Ладьи. Ху, Сиа, Сехем и Хех занимают места гребцов, дружно взмахивают веслами,— и начинается плавание, полное опасностей и приключений.

Подземное побережье Нила разделено двенадцатью вратами на двенадцать долин, соответствующих двенадцати ночным часам. Каждую долину Ладья проплывает в строго определенный час. Все врата охраняются чудовищами и огнедышащими змеями. Самостоятельно Ра не смог бы преодолеть ни одной преграды: для того, чтобы изрыгающие пламя стражи открыли врата и пропустили Ладью, надо знать их имена и волшебные заклинания. Имена и заклинания известны только богу, который командует богами, тянущими солнечную Ладью канатом. Ему помогает Хека, бог волшебства и магии. Он придает заклинаниям магическую силу.

Вход в Дуат охраняют змей по имени Страж Пустыни и боги Упуаут и Нехебкау.

Нехебкау — змееглавый бог, властелин времени и покровитель урожая. Он присоединяется к свите Ра и сопровождает Владыку всего сущего через все двенадцать долин Дуата.

Волк Упуаут — воинственный, до зубов вооруженный бог, тоже восходит на Ладью Вечности и занимает место во главе всей свиты Ра, на носу Ладьи. Имя Упуаут означает «Открывающий пути», и ему предстоит открыть все двенадцать врат, разделяющих долины Дуата.

Все врата имеют имена. Первые — «Вход в Тайный Зал» — охраняет Страж Пустыни. *Он над этими вратами и от-*

крывает их для Ра. Бог Разум (Сиа) говорит Стражу Пустыни:

— *Отверзни свое Загробное Царство для Ра, открой врата Обитающему на горизонте!*

Ладья солнечного бога минует Вход в Тайный Зал. Врата с лязгом закрываются, *и те, кто в пустыне, плачут, слыша, как запирается дверь.*

Во второй долине Дуата навстречу Ладье выходят бог урожая Непри и его жена Непит. Тело Непри обвито пшеничными колосьями. Он кормит в Дуате умерших, а его загробная ипостась имеет эпитет «Тот, кто живет после смерти». На земле же Непри вместе с другими богами плодородия заботится о живых египтянах, которые очень любят за это доброго бога и в знак благодарности справляют в его честь праздники урожая.

Ночная Ладья плывет мимо захоронений, и Ра посылает мумиям животворящий свет своих лучей. Умершие выходят из гробниц, приветствуя Солнце и наслаждаясь его сиянием. Они поют:

Слава тебе, Ра! <...>
Поклоняются тебе обитатели Дуата.
Восхваляют они тебя, грядущего в мире. <...>
Ликуют сердца подземных,
Когда ты приносишь свет обитающим на западе.
Их очи открываются, ибо они видят тебя.
Полны радости их сердца,
Когда они смотрят на тебя,
Ибо ты слышишь молитвы лежащих в гробах,

Ты уничтожаешь их печали
И отгоняешь зло от них прочь.
Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда твой свет озаряет их лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,
И каждый вновь ложится в свой гроб.

— *Вы сильны благодаря вашим* [жертвенным] *возлияниям*,— говорит Ра мумиям.— *Ваши души* (Ка) *не будут погублены, ваши подношения не будут уничтожены*. <...> [Воистину вы те,] *кто гонит Апопа прочь от меня*.

Солнечная Ладья плывет дальше, и по мере ее продвижения вперед умершие все выходят и выходят из своих гробниц и приветствуют бога Солнца.

В четвертой долине Дуата Ра *из слов, родившихся в его сердце*, дает имена четырем человеческим расам, устанавливая их иерархию на земле: «люди» (или «красные» — египтяне), «тегенну» («белые» — ливийцы), «аму» («желтые» — азиаты) и «нехсу» («черные» — нубийцы).

У пятых врат находится Великий Чертог Двух Истин — зал, где Осирис вершит Суд над умершими.

Пятые врата носят имя «Владыки Времени». Их охраняют стражи: Правдивый Сердцем, Склоняющийся перед Ра и Сокровенный Сердцем, а также два урея. *Имя каждого из двух уреев: «Тот, который светит для Ра»*.

Стражи и уреи говорят солнечному богу:

— *Приди к нам ты, Первый* [на] *горизонте, великий бог, открывающий тайны! Отвори священные врата, открой тайные двери. <...>*

После этого приветствия бог Сиа обращается к змею-хранителю врат, имя которого «Тот, чье Око опаляет»:

— *Разверзни преисподнюю свою для Ра! Отвори эти врата перед Обитающим на горизонте, когда он рассеивает глубокий мрак и освещает Тайный Зал.*

Врата открываются, и Ладья Месктет плывет дальше.

И вот наступает последний предрассветный час — час страшной битвы Ра с его извечным врагом, змеем Апопом. Апоп еженощно подстерегает Ладью. Завидев ее, он с утробным рыком разевает свою гигантскую пасть и выпивает всю воду подземного Нила. Ладья ложится днищем на речной песок, и боги вступают с Апопом в битву.

Могучего змея не одолеть даже великому Ра, если бог Солнца не прибегнет к помощи волшебства. Поэтому перед битвой бог магии Хека произносит заклинание:

«Заклинание об одолении Апопа. <...> *Сгинь, Апоп! Пропади, Апоп! Сгинь, Апоп! Пропади, Апоп! Это Ра и его Ка, это фараон и его Ка. Прибывает Ра — могучий. Прибывает Ра — сильный. Прибывает Ра — возвышенный. Прибывает Ра — великолепный. Прибывает Ра — ликующий. Прибывает Ра — прекрасный. Прибывает Ра — царь Верхнего Египта. Прибывает Ра — царь Нижнего Египта. Прибывает Ра — божественный. Прибывает Ра — правогласный. Прибудь* (Ра) *к фараону — да бу-*

дет он жив, невредим, здрав. Ты уничтожил всех его врагов, так же как он поверг для тебя Апопа. Он изгнал для тебя зло...».

После этого все защитники Ра бросаются в битву. Воинственный Упуаут, Онурис и Гор Бехдетский поднимают свои остроконечные копья, Уаджит-урей испускает огненные лучи, змей Мехен-та вонзает в тело Апопа зубы.

Солнечному богу и его свите помогает сражаться с Апопом великая богиня Нейт. Эпитет Нейт — «Устрашающая». Она — покровительница войск, неизменно возглавляет армию фараона и дарует ей победу.

Но хотя Нейт и безжалостна к врагам Ра, и беспощадна во время войны, в мирные дни она — добрая богиня, покровительница охоты и ткачества, подательница урожая и защитница умерших. В Дуате, на Суде Осириса, Нейт вместе с Исидой, Нефтидой и богиней-скорпионом Серкет защищает умерших.

Под предводительством Ра боги его свиты одерживают победу над Апопом — пронзают гигантское туловище копьями и заставляют змея изрыгнуть всю проглоченную воду. Апоп скрывается в пучине подземного Нила и до следующей ночи залечивает раны.

Одержав победу над Апопом, боги ликуют:

> ...Пали подлые под ножом его [Ра].
> И змей изрыгнул поглощенное.
> Восстань же, о Ра, в святилище своем!

Снотолкование в доантичном мире

Силен Ра,
Слабы враги!
Высок Ра,
Низки враги!
Жив Ра,
Мертвы враги!

Сыт Ра,
Голодны враги!
Напоен Ра,
Жаждут враги!
Вознесся Ра,
Пали враги! <...>
Есть Ра,
Нет тебя, Апоп!

Русло подземного Нила вновь наполняется водой, и Ладья Месктет плывет через последнюю, двенадцатую, долину Дуата. Перед восходом светила Ладья заплывает в тело исполинского змея и, пройдя сквозь утробу чудовища, оказывается у подножия восточных гор. Затем через пещеру она выплывает на небо. Распахиваются Двери Горизонта, Ра омывает свое тело в водах священного озера и под ликование богов переходит в дневную Ладью Манджет».

* * *

Сонники уже в ходу. В них используется принцип прямой символики — хотя ее истинный смысл часто довольно древний и глубокий, уже почти невосстановимый. Основные же

принципы, которые лежат в основе толкования сновидений, — это принципы «уподобления — противоположности», которыми, кстати, мы по-прежнему пользуемся.

**Египетские сонники до сих пор в чести:
малый египетский сонник, большой египетский сонник;
что, однако, они могут сказать нам —
забывшим даже, как выглядели древние египтяне, —
только один среди многих других народов,
населявших доантичный мир?**

Времени еще нет: реликты снов

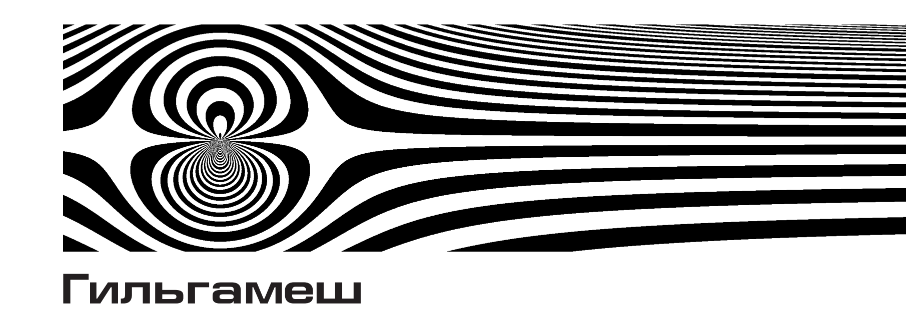
Примечания

[1] *Гор*, или, точнее, *Хор*,— египетское божество («высота», «небо»); изображался в виде сокола, человека с головой сокола, крылатого солнца; его символ — солнечный диск с распростертыми крыльями.

[2] *Сет*, или *Сетх (Сутех)*,— в египетской мифологии бог «чужих стран» (пустыни), олицетворение злого начала, убийца Осириса; в пластике и рисунках изображался человеком с тонким длинным туловищем и головой осла.

[3] *Сарапис* (эллинистическая версия египетского Осириса-Аписа) — бог плодородия, подземного царства, моря и здоровья. Изображался в виде человека с мерой зерна на голове. Птолемей I ввел в Александрии его культ и пропагандировал его. По его приказу из Малой Азии было привезено культовое изображение Зевса, которому он дал имя, составленное из имен божественного быка Аписа и бога мертвых — Осириса. О культе Сараписа речь пойдет ниже.

[4] Цит. по: *Рак И. В.* Египетская мифология.— 3-е изд., доп.— СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 2000.— С. 83—88.

Гильгамеш

Одно из древнейших известных описаний целой связки снов-откровений находим в сказании о Гильгамеше[1]:

«Гильгамеш, на две трети бог, на одну — человек, жил в Уруке. Превосходя всех в ратном деле, правил он железной рукой: юноши состояли у него в услужении, девушкам не было от него прохода. Взмолился народ, прося высшие силы о заступничестве. Бог Неба приказал Аруру (богине, создавшей из глины первого человека) сотворить создание, способное сравниться с Гильгамешем отвагой, чтобы народ успокоился.

Аруру слепила человекоподобное существо и назвала его Энкиду. Все тело его было покрыто шерстью, волосы были длинными, одевался он в шкуры, жил в лесу с дикими животными и ел траву. Он занимался тем, что уничтожал ловушки и спасал зверей от охотников. Когда Гильгамеш узнал

о его существовании, то приказал привести Энкиду обнаженную блудницу. Энкиду неустанно познавал блудницу семь дней и семь ночей, а когда насытился, то обнаружил, что газели и звери избегают его, а ноги у него уже не так легки, как прежде. Он превратился в человека.

Девушка нашла, что Энкиду красив. Она пригласила его посмотреть на сияющий храм, в котором сидели рядом бог и богиня, и на весь Урук, где правил Гильгамеш.

Был канун Нового года. Гильгамеш готовился к священной церемонии, но тут появился Энкиду и бросил ему вызов. Слышавшие это люди хоть и испугались, но испытали облегчение.

Гильгамешу приснился сон, что стоял он под звездным небом и упал на него из небесной выси дротик, от которого он не мог избавиться. А потом приснился огромный топор, сверкавший посреди города.

Мать Гильгамеша сказала, что сон предсказывает появление человека более сильного, чем он, который станет ему другом. Состоялся поединок, в котором Гильгамеш потерпел поражение от Энкиду. Энкиду понял, что его противник не хвастливый деспот, а храбрец, которому неведом страх. Он помог ему подняться, обнял его, и стали они побратимами.

Гильгамеш, охотник до приключений, предложил Энкиду нарубить кедра в священном лесу.

— Нелегкое это дело,— возразил тот.— Лес охраняет чудовище Хумбаба, обладающее громовым голосом; один толь-

ко взгляд его заставляет каменеть от ужаса, из ноздрей у него вырывается пламя, а дыхание его несет смерть.

— А что скажешь ты своим детям, когда они спросят тебя, чем занимался ты в день, когда погиб Гильгамеш?

Энкиду вынужден был принять предложение.

Гильгамеш поведал о своем плане старейшинам, богу Солнца, своей матери — небесной царице Нинсун, но не встретил одобрения. Нинсун, зная, сколь упрям ее сын, попросила для него защиты у бога Солнца, и тот внял ее просьбе. Затем она поручила Энкиду охранять сына.

Гильгамеш и Энкиду добрались до горы, поросшей кедрами. Сон сморил их.

Снилось Гильгамешу, что гора обрушилась на него, но какой-то славный человек извлек его из-под завала и помог встать на ноги.

Сказал Энкиду:

— Это предвещает, что мы одолеем Хумбабу.

Приснилось Энкиду, что раздался небесный грохот и земля содрогнулась, наступила темнота, сверкнула молния, полыхнуло пламя и смерть лила ливнем с неба, пока не померкла зарница, тогда погасло пламя, жар опустился, превратился в пепел.

Гильгамеш догадался, что это неблагоприятное предвестие, но призвал Энкиду совершить задуманное. Только принялись они рубить кедр, как появился Хумбаба. Впервые в жизни Гильгамеш испытал страх. Но друзья одолели чудовище и отрубили ему голову.

Гильгамеш

Гильгамеш омылся и облачился в царские одежды. Богиня-воительница Иштар предложила ему стать ее супругом, пообещав осыпать его богатством, окружить наслаждением. Но Гильгамеш знал, сколь коварна и непостоянна Иштар, убившая Думуза и бессчетное число возлюбленных. Оскорбленная отказом Иштар попросила своего отца ниспослать на землю небесного Быка, пригрозила открыть врата преисподней и выпустить мертвых, чтобы они пожирали живых.

— Когда Бык спустится с неба, семь лет нищеты и голода будут на земле. Предусмотрела ли ты это?

Иштар ответила согласием.

И тогда на землю спустился Бык. Энкиду ухватил его за рога и сразил ударом кинжала в шею. Вырвали они с Гильгамешем у Быка сердце и поднесли его в дар богу Солнца.

Иштар наблюдала за битвой со стен Урука. Спрыгнув с выступа крепостной ограды, она осыпала Гильгамеша проклятиями. Энкиду отсек Быку заднюю часть и бросил ее в лицо богине.

— Хотел бы я и с тобой сделать то же самое!

Иштар потерпела поражение, и народ шумно приветствовал тех, кто сразил небесного Быка. Но боги не терпят над собой насмешек.

Приснилось Энкиду, что собрались боги и стали совещаться, кто более виновен в смерти Хумбабы и небесного Быка, он или Гильгамеш. Кто более виновен, тот и умрет. Не могли они никак прийти к согласию, и тогда Ану, бог Неба, напомнил, что Гильгамеш не только погубил Хумбабу,

но и срубил кедр. Спор шел ожесточенный, и боги переругались между собой. Энкиду проснулся, так и не узнав, на чем они порешили. Он рассказал о своем сне Гильгамешу, а потом во время долгой бессонницы все вспоминал свою прежнюю беззаботную жизнь в лесу. Но казалось ему, что слышит он утешающие его голоса.

После многих ночей вновь вернулся к нему сон. И приснилось ему, что громкий крик донесся до земли с небес и страшное существо с головой льва, а крыльями и когтями, как у орла, схватило его и повлекло в пустоту. На руках у него выросли перья, и стал он похож на того, кто схватил его. И тут он понял, что умер и что гарпия повлекла его туда, откуда нет дороги назад. Они прибыли в обитель тьмы, где его окружили души земных правителей. Это были изнуренные злые духи с крыльями, наподобие птичьих, и питались они отбросами. Царица преисподней читала таблицу судеб и оценивала прожитую ими жизнь.

А поутру приговор богов стал известен. Гильгамеш закрыл названому брату лицо, словно невесте, и в глубокой скорби подумал: "Вот я и увидел лик смерти".

На острове, расположенном на краю света, жил Утнапишти, очень, очень старый человек, единственный из смертных, кому удалось избежать смерти. Гильгамеш решил разыскать его и узнать от него тайну вечной жизни.

Добрался он до края света, где высоченная гора вздымала два своих пика-близнеца, уходивших вершинами в небо, а подножие ее достигало преисподней. Горный проход сте-

регли ужасные и опасные существа, наполовину — люди, наполовину — скорпионы. Гильгамеш бесстрашно приблизился к ним и сказал чудовищам, что пришел он сюда в поисках Утнапишти.

— Никому не суждено добраться до него и узнать тайну вечной жизни. Мы охраняем Врата захода солнца, чтобы никто из смертных не смог проникнуть за край обитаемого мира.

— Я это сделаю,— сказал Гильгамеш, и чудовища, поняв, что перед ними не простой смертный, пропустили его.

Попал Гильгамеш в подземный ход, где была густая тьма, и шел по нему, пока не ощутил дуновения свежего воздуха и не увидел забрезживший свет. Выбравшись наружу, оказался он в волшебном саду, где сверкали драгоценные камни.

Тут услышал он голос бога Солнца: находился он в саду наслаждений, никому из смертных боги не даровали такой милости. “Не надейся достичь большего”,— предостерег голос.

Но Гильгамеш, покинув райское место, отправился дальше и дошел до дома на обрыве у моря. Там жила Сидури, хозяйка богов, которая приняла его за бродягу, но Гильгамеш представился ей и рассказал о цели своего странствия.

— Никогда ты не найдешь того, чего ищешь. Боги, создавая человека, определили ему смерть, а жизнь его в своих руках они держат. Знай, что Утнапишти живет на далеком острове, за Океаном смерти. Есть, правда, у него лодочник, Уршанаби.

Столь настойчив был Гильгамеш, что Уршанаби согласился отвезти его, только предупредил, чтобы не дотрагивался он рукой до воды смерти.

Запаслись они ста двадцатью шестами, но пришлось Гильгамешу скинуть одежду, чтобы использовать ее как парус.

Когда они прибыли на место, Утнапишти сказал ему:

— Эх, юноша, на земле нет ничего вечного! Бабочка живет лишь один день. Все имеет свой срок, все преходяще. Я расскажу тебе свою тайну, известную лишь богам.

И рассказал он ему историю о потопе. Благосклонный к людям бог Эа предупредил его о грядущем бедствии, и Утнапишти построил корабль, на который погрузил свое семейство и животных. Когда разразилась буря с потопом, их носило по волнам семь дней, а потом корабль прибило к вершине горы. Он выпустил голубя, чтобы узнать, не сошла ли вода, но голубь вернулся, не найдя суши. То же самое произошло с ласточкой. А вот ворон не вернулся. Тогда они высадились и принесли жертву богам, но бог Ветра вынудил их снова подняться на корабль и направил их в то место, где они теперь находятся, чтобы пребывать тут вечно.

Гильгамеш понял, что старцу неведом секрет, который он мог бы поведать ему. Он обрел бессмертие, но лишь по милости богов. То, что искал Гильгамеш, не находилось по эту сторону гробницы.

Прежде чем попрощаться, старик рассказал гостю, где можно найти морской цветок с шипами, как у розы. Тот, кто добудет его, вновь станет молодым. Гильгамеш отыскал на дне

океана волшебный цветок, но, когда, утомившись, уснул на берегу, змея утащила цветок, съела, сбросила старую кожу и вернула себе молодость.

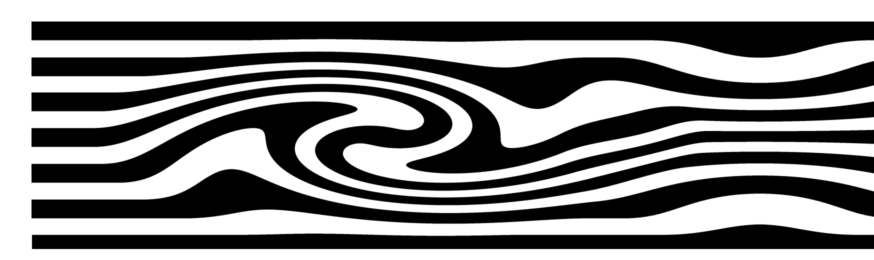
Понял Гильгамеш, что судьба его ничем не отличается от судьбы других людей, и вернулся в Урук»[2].

Сны говорят с тобой, и ты можешь им верить;
они, конечно, требуют толкований —
но таких, которые может дать каждый,—
если, конечно, его жизнь отвечает
героике жизненного стиля.

Примечания

[1] *Гильгамеш* — шумерский и аккадский мифоэпический герой (Гильгамеш — аккадское имя; шумерский вариант, очевидно, восходит к форме Бильга-мес, что, возможно, значит «предок-герой»). Этот якобы реальный исторический человек был пятым правителем I династии Урука в Шумере (конец XVII — начало XVI века до н. э.); продолжительность его правления составила 126 лет; его отец был демоном.

[2] Цит. по: Сказание о Гильгамеше. Вавилонское сказание 2-го тысячелетия до н. э.: Пер. с исп. Л. Бурмистровой// Книга сновидений/Сост. Хорхе Луис Борхес.— СПб.: Амфора, 2000.— С. 9—16.

Реликты Ваших снов

Реликтовые сны — это сны-впечатления, сны-отпечатки, сны-слепки, которые были знакомы, думается, каждому — от шумерского лугаля до средневекового крестоносца, от римского плебея до поэта Плеяды, от русского псаря до швейцарского ростовщика. И мы — не исключение; более того — наша родовая память много длиннее, нежели была у них, поскольку мы живем гораздо позже. Реликтовые сны — живые сны, в которых диалог с миром невозможен: есть только наслаждение им, боязнь его, любовь к нему; он же не замечает тебя. Не стоит, думаю, говорить о том, что прибегать к используемым в сонниках принципам *уподобления — противоположности* не следует. Также и попытки анализа, объяснения таких снов обречены на провал; когда ассоциации себя исчерпывают, в действие вступает символика — чаще говорят (психо-

анализ) о ранней, инфантильной, сексуальности, или детском же аутоэротизме, или об иных, более дробных, влечениях.

Посмотрим теперь эти реликтовые сны.

* * *

В качестве реликтового сна я приведу свое давнее, детское сновидение, общее ощущение от которого я могу передать словами «*живая земля*».

Я катаюсь, нежась, в ласковых, шелковистых складках травы, нежной, зеленой с золотистым отливом, покрывающей живую, подвижную землю; я перелажу через восхитительные пушистые холмики, попадая в глубокие, мягкие карманы. Приподнимаясь, я вижу бесконечный океан живой земляной шкуры, по которой, насколько хватает глаз, перекатываются мягкие, смыкающиеся волны. Ощущение счастья, уюта, бесконечности.

Другой сон — носящий, правда, скорее характер картины — я назвал «*Облака*».

Я иду вслед за родителями по заснеженной, блистающей, поднимающейся уступами равнине (плато?), гуськом, шаг в шаг, по протоптанной в снегу, но уже запорошенной тропке, немного проваливаясь в плотный, хрустящий, рассыпающийся наст. Мы все время глядим себе под ноги. Внезапно я поднимаю голову и вижу удивительно низко распластавшуюся над нами гигантскую, почти закрывающую небо,

гряду облаков, геометрически правильную, похожую на снежинку (?), с выступающим передним отрезком. Подавляюще красивая, величественная картина. Я испытываю одновременно чувства восхищения и благоговения.

В ином сне я видел, как представляется, *огонь* — возможно, это были какие-то детские впечатления от костра.

Мне снится черное озеро — обсидиановая гладь, неживая, отсвечивающая; кажется, посреди есть круглый островок. С него внезапно, вспугнутые, вспархивают огненные птицы (лебеди, жар-птицы?). Они улетают, точнее, растворяются во тьме (отчетливо помню только момент их взлета, когда они поднимаются сверкающей, переливающейся массой). Впечатление странное: красный огонь бьется, стелется, тускло отражаясь в беспросветном зеркале.

В другом сне я видел *первородное море*.

Снится море, по цвету похоже на чернила. Теплое, местами мелкое, так что можно плыть, перебирая руками по дну. В сумраке, в некотором отдалении, вырисовывается гигантская пара каруселей-качелей; видны также узкие деревянные мостки, преграждающие мне путь. Я направляюсь к качелям вплавь через залив. Ощущение восторга, уюта, ожидание счастья. Примешивается странное чувство защищенности: качели как бы ограждают залив от гигантской площади остального моря с его тайной жизнью — хотя я странным образом уверен, что там нет ничего живого.

И еще один реликтовый сон связан с *водоемом*, на этот раз созданным руками человека.

Мне снится земляной водоем, правильной прямоугольной формы, очень мелкий, наверняка искусственный. Он по периметру — так, что оставлена лишь узкая полоска черной, с редкой травой, земли — окружен довольно высокой живой изгородью, хотя в ней изрядное количество сухостоя; в изгороди этой проделан проход — так, что вход и выход расположены на одной из сторон и, проходя через занятый водоемом участок, нужно тесно прижиматься к изгороди, чтобы не соскользнуть в воду. Я лежу, раскинув руки, опираясь спиной на одну из стенок, как раз с той стороны, где проход. Напротив я вижу высящиеся над изгородью тополя; над ними, даже, скорее, среди них, висит неправдоподобно большое солнце. Ощущаю уют и счастье.

Восхитительный сон связан с видением *вселенной*.

Я стою на небольшом астероиде; его поверхность закругляется и уходит вниз — это как бы небольшая сфера. Вокруг — черная, бездонная пустота вселенной. Кое-где видны светящиеся огоньки: это звезды. Картина необыкновенно красива. Поверхность астероида являет собой растрескавшуюся, как бывает во время сильной жары, землю: я и сейчас отчетливо вижу перед собой неровный рисунок, глубокие темные щели, сухую, чуть пыльную поверхность. Спустя какие-то минуты я замечаю среди звезд яркий треугольный блик. Это вроде бы как знак. Вокруг меня, моего астерои-

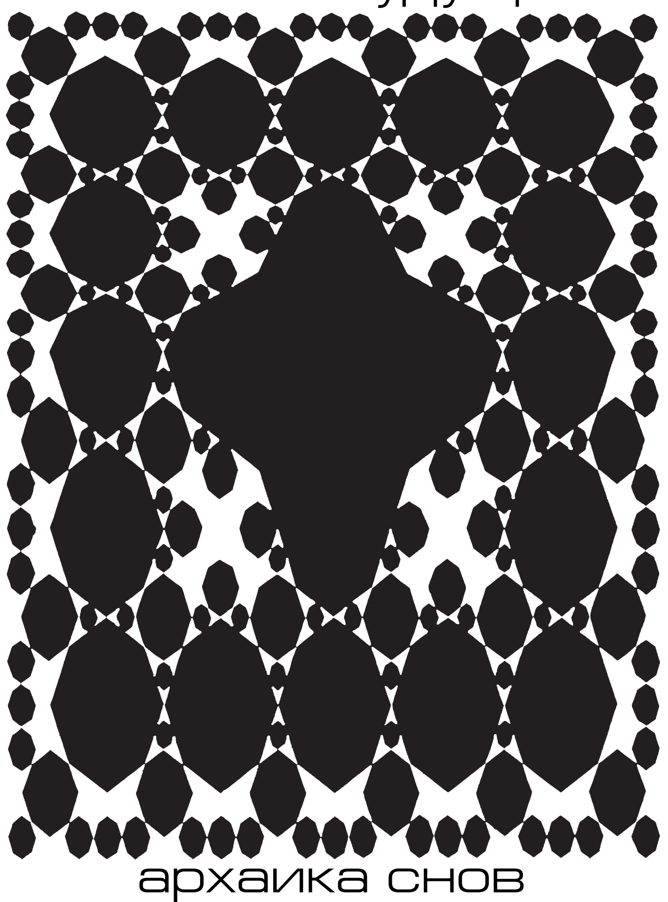
да начинают опускаться голубые светящиеся шары, похожие на прозрачные, прорисованные контурами глобусы: это сферы Земли. Я протягиваю руку и смотрю, как на нее опускается одна из таких сфер. Это наша Земля, я вижу контуры материков и океанов; она светится изнутри ярким, но мягким голубым светом. Восхищенный, я отпускаю ее и ложусь на теплую пыльную кору астероида, прижимаясь щекой. Я вижу уходящий вниз округлый контур моего астероида, вокруг безмолвная черная пустота, в которой все быстрее и быстрее скользят голубые планеты-шары. Ощущение глубокого умиротворения.

Еще в одном сне я видел *пологие песчаные карьеры.*

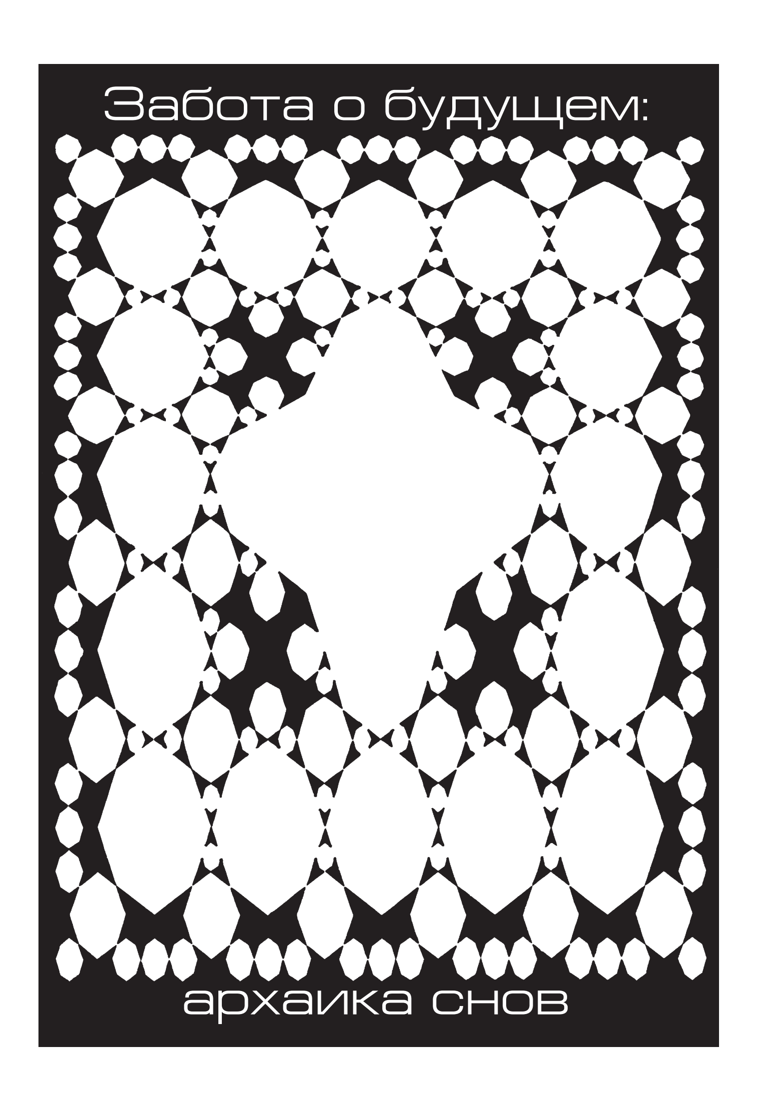
Мне снился жаркий летний день, ряды деревьев,— кажется, в основном ив и акаций; сквозь эти ряды полого спускались вниз песчаные карьеры, словно промытые течением огромного ручья. Чувствовался горячий песок; спускаться вниз было радостно. Ожидание чего-то интересного.

**Реликтовые сны — лучшее, что есть у нас,
как бы мы ни относились к своему детству;
впрочем, банальная наука-психология обнадеживает:
с возрастом воспоминания детства оживают,
и мы все чаще и чаще
встречаем реликты своих снов.**

Забота о будущем:

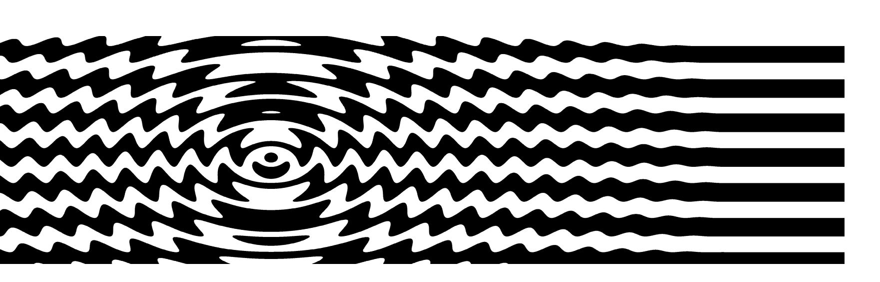

архаика снов

Забота о будущем:
архаика снов

Мы подошли к архаике снов.
Эти сны всегда устремлены в будущее.
Их толкования отвечают
на один-единственный вопрос:
к чему снится сон?
Это важно, ведь именно античными
образцами сонников мы, по большей
части, и пользуемся сегодня; даже
Фрейд заимствует у Артемидора.
Вот наши основные шаги
в архаическом мире снов.
Сны об ойкумене — сны об обитаемом
мире, мире известном, умопостигаемом;
мире, населенном людьми
и общительными, пристрастными
богами. Это — язычество сновидений.
Сновидениями пользуются;
существует их практика и традиция
толкования, которая оформлена

как особое занятие, деятельность, и даже имеет социальное расслоение: базарный снотолкователь не чета пишущему об объяснении снов литератору. Артемидор Лидийский прописывает подборки сбывшихся снов, пытаясь уловить в них некую типологию, сопряженную с методом толкования.
Есть и другие: ломаная линия толкований протянута от Гераклита Темного до Лукреция Кара. Кроме того, сны диететичны: так говорится в Гиппократовом корпусе. Еще я покажу на конкретных примерах архаику наших снов: какие сны можно считать архаическими. Наконец, рассмотрим прецеденты снов, которые войдут в канонический библейский текст.

Сны об ойкумене: язычество сновидений

Античный мир видел сны об ойкумене — своем мире, мире, который удалось познать, мире, населенном людьми, похожими или непохожими на греков. В этот мир входили люди и боги, причем сновидения — сбывающиеся сновидения, ведь только такие и имело смысл записывать и обсуждать,— были непосредственными проводниками воли богов. Это — *язычество сновидений*.

* * *

Одна из особенностей отношения к сновидениям в античной культуре,— которую греки и римляне, разумеется, унаследовали от культур более древних,— сохраняется по сей день: это представление об их достоверности, истинности; сны делятся на *правдивые* и *обманные* (*лживые*).

Это деление наглядно представлено в двух знаменитых литературных текстах: во сне Пенелопы (XIX песнь «Одиссеи»), а также в описании подземного царства (VI книга «Энеиды»). Картины сновидений похожи одна на другую.

Пенелопа видит двое ворот, ведущих в мир сновидений, подобный Аиду; одни ворота из слоновой кости — из них выходят лживые сны, которые не сбываются; через другие ворота, роговые, проходят правдивые сны, которые, напротив, сбываются.

В «Одиссее» находим:

Так, отвечая, сказала царица Лаэртову сыну:
«Странник, конечно, бывают и темные сны, из которых
Смысла нельзя нам извлечь; и не всякий сбывается сон наш.
Создано двое ворот для вступления снам бестелесным
В мир наш; одни роговые, другие из кости слоновой;
Сны, проходящие к нам воротами из кости слоновой,
Лживы, несбыточны, верить никто из людей им не должен;
Те же, которые в мир роговыми воротами входят,
Верны; сбываются все приносимые ими виденья...»

В «Энеиде» встречаем следующие строки:

Двое ворот открыты для снов: одни — роговые,
В них вылетают легко правдивые только виденья;
Белые створы других изукрашены костью слоновой,
Маны, однако, из них, только лживые сны вылетают.

Сны об ойкумене: язычество сновидений

То же изображает и Вергилий.

Эней в царстве Аида видит, как правдивые сны выходят из ворот роговых, в то время как ворота из слоновой кости пропускают сны лживые.

Прецеденты лживых снов хорошо известны. Так, вторая песнь «Илиады» начинается рассказом о том, как Зевс с целью отмщения за обиду, нанесенную Ахиллесу, посылает Агамемнону обманное сновидение, предвещающее ему одному — без помощи Ахиллеса — победу над Троей:

Все, и бессмертные боги, и коннодоспешные мужи,
Спали всю ночь; но Крониона сладостный сон не покоил.
Он волновался заботными думами, как Ахиллеса
Честь отомстить и ахеян толпы истребить пред судами.
Сердцу его наконец показалася лучшею дума:
Сон послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Зевс призывает его и крылатые речи вещает:
«Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным ахеян;
Вниди под сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;
Все ты ему возвести непременно, как я завещаю:
В бой вести самому повели кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, вещай, завоюет троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель».

Рек он,— и Сон отлетел, повелению Зевса покорный.
Быстрым полетом достиг кораблей мореходных аргивских,
К кущам Атридов потек и обрел Агамемнона: в куще
Царь почивал, и над ним амброзический сон разливался.

Стал над главой он царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, более всех Агамемноном чтимому старцу;
Образ его восприяв, божественный Сон провещает:
«Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник;
Он и с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения; ныне, он рек, завоюешь троянский
Град многолюдный: уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой; и над Троею носится гибель от Зевса.
Помни глаголы мои, сохраняй на душе и страшися
Их позабыть, как тебя оставит сон благотворный».

Так говоря, отлетел и оставил Атреева сына,
Сердце предавшего думам, которым не сужено сбыться.
Думал, что в тот же он день завоюет Приамову Трою.
Муж неразумный! не ведал он дел, устрояемых Зевсом:
Снова решился отец удручить и бедами и стоном
Трои сынов и данаев на новых побоищах страшных.
Вспрянул Атрид, и божественный голос еще разливался
Вкруг его слуха; воссел он и мягким оделся хитоном,
Новым, прекрасным, и сверху набросил широкую ризу;
К белым ногам привязал прекрасного вида плесницы,
Сверху рамен перекинул блистательный меч среброгвоздный,
В руки же взявши отцовский, вовеки не гибнущий, скипетр.
С ним отошел к кораблям медянодоспешных данаев.

Вестница утра, Заря, на великий Олимп восходила.
Зевсу-царю и другим небожителям свет возвещая;

И Атрид повелел провозвестникам звонкоголосым
Всех к собранию кликать ахейских сынов кудреглавых.
Вестники подняли клич,— и ахейцы стекалися быстро.
Прежде же он посадил на совет благодумных старейшин,
Их пригласив к кораблю скиптроносного старца Нелида.
Там Агамемнон, собравшимся, мудрый совет им устроил:
«Други! объятому сном, в тишине амброзической ночи,
Дивный явился мне Сон, благородному сыну Нелея
Образом, ростом и свойством Нестору чудно подобный!
Стал над моей он главой и вещал мне ясные речи:
— Спишь, Агамемнон, спишь, сын Атрея, смирителя коней!
Ночи во сне провождать подобает ли мужу совета,
Коему вверено столько народа и столько заботы!
Быстро внимай, что реку я: тебе я Крониона вестник.
Он с высоких небес о тебе, милосердый, печется;
В бой вести тебе он велит кудреглавых данаев
Все ополчения: ныне, вещал, завоюешь троянский
Град многолюдный; уже на Олимпе имущие домы
Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила
Гера мольбой, и над Троею носится гибель от Зевса.
Слово мое сохрани ты на сердце.— И так произнесши,
Он отлетел, и меня оставил сон благотворный.
Други! помыслите, как ополчить кудреглавых данаев?
Прежде я сам, как и следует, их испытаю словами;
Я повелю им от Трои бежать на судах многовеслых,
Вы же один одного от сего отклоняйте советом».

Так произнес и воссел Атрейон,— и восстал между ними
Нестор почтенный, песчаного Пилоса царь седовласый;
Он, благомысленный, так говорил пред собраньем старейшин:
«Други! вожди и правители мудрые храбрых данаев!
Если б подобный сон возвещал нам другой от ахеян,

Ложью почли б мы его и с презрением верно б отвергли;
Видел же тот, кто слывет знаменитейшим в рати ахейской;
Действуйте, други, помыслите, как ополчить нам ахеян».

Так произнесши, первый из сонма старейшин он вышел.
Все поднялись, покорились Атриду, владыке народов,
Все скиптроносцы ахеян; народы же реяли к сонму.
Словно как пчелы, из горных пещер вылетая роями,
Мчатся густые, всечасно за купою новая купа;
В образе гроздий они над цветами весенними вьются
Или то здесь, несчетной толпою, то там пролетают,—
Так аргивян племена, от своих кораблей и от кущей,
Вкруг по безмерному брегу, несчетные, к сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и меж ними, пылая, летела
Осса, их возбуждавшая, вестница Зевса; собрались;
Бурно собор волновался; земля застонала под тьмами
Седших народов; воздвигнулся шум, и меж оными девять
Гласом гремящих глашатаев, говор мятежный смиряя.
Звучно вопили, да внемлют царям, Зевеса питомцам.
И едва лишь народ на местах учрежденных уселся,
Говор унявши, как пастырь народа восстал Агамемнон
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданьем.
Скиптр сей Гефест даровал молненосному Зевсу Крониду;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргоубийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предал Фиесту,
И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным.
Царь, опираясь на скипетр, вещал к восседящим ахеям:
«Други, герои данайские, храбрые слуги Арея!

Зевс громовержец меня уловил в неизбежную гибель!
Пагубный, прежде обетом и знаменьем сам предназначил
Мне возвратиться рушителем Трои высокотвердынной;
Ныне же злое прельщение он совершил и велит мне
В Аргос бесславным бежать, погубившему столько народа!
Так, без сомнения, богу, всемощному Зевсу, угодно:
Многих уже он градов сокрушил высокие главы
И еще сокрушит: беспредельно могущество Зевса.[1]

Такие вот сложные ухищрения возводились вокруг истинности — лживости сновидений.

Тем не менее истинные, правдивые, вещие сны явно преобладают: в обыденном сознании большая часть снов считается достойной доверия,— иначе бы искусство снотолкования не получило бы столь широкого распространения.

* * *

В античном мире постоянно происходят разноплановые процессы осмысления сновидений, касающиеся их происхождения, типологий, иных теоретических планов, но связанные тем не менее исключительно с практическим, в целях предсказания, использованием этих снов.

Древняя философская традиция, восходящая к Пифагору (а до него — к орфикам), связывает сновидение и высвобождение души: сны — видения души, освободившейся из тела. Сон приходит ночью, когда душа свободна от тела, и значение сна зависит от чистоты этой души. Платон («Государство», IX) впоследствии углубил эту теорию. Стоики развили ее и сблизили онейромантию (гадание по снам) с мистицизмом, а жив-

ший в III веке до н. э. теоретик стоицизма Хрисипп написал трактат о гадании по сновидениям, впоследствии утерянный; однако есть основания полагать, что это сочинение оказало большое влияние на дальнейшее развитие теории сновидений[2].

Изучение сновидений периодически приводило к рефлексиям относительно их типологии,— которые, впрочем, постоянно сбивались на обсуждение их генеалогии и их вещих свойств.

Сновидения систематизируют на основании их происхождения, но преимущественное внимание уделено все же скорее пророческому характеру сновидения, нежели его источнику. Большей частью полагается, что сны имеют божественное происхождение. Во всяком случае, крепка вера в существование «посылающих сны», среди которых особое место занимает Гермес; сны также могут приносить мертвые[3]. Тем не менее стоики разработали примерную типологию сновидений, исходя из трех возможных источников их происхождения; в I веке до н. э. классификация была завершена Посидонием, который завещал ее своему ученику Цицерону. В трактате «О дивинации» Цицерон дал четкую формулировку этой классификации, являющуюся наилучшей из всех, которые сохранила для нас языческая античность. Три источника сновидений таковы:

— человек, точнее, его дух, порождающий сновидения из себя самого;

— бессмертные духи, во множестве обитающие в воздухе;

— сами боги, которые обращаются непосредственно к спящим[4].

Сны об ойкумене: язычество сновидений

Другая типология еще более утилитарна: существуют сны — предвестники будущего — и сны, которые не обладают свойствами предсказательности. Выйдя из подхваченного Платоном гомеровского мифа о воротах из слоновой кости и воротах роговых, эта классификация вполне могла бы,— говорит Ж. Ле Гофф[5],— сблизившись с «народной» типологией, совместиться с классификацией «по происхождению». Действительно, ассимиляция снов правдивых и снов лживых, с одной стороны, и дифференциация снов-предвестников и снов, не содержащих предвестия, с другой, подводит к делению сновидений на три класса:

— сны, не содержащие предвестия;

— сны-предвестники, посланные богом;

— сны-предвестники, посланные демонами (обитателями воздуха, не обязательно «хорошими» или «плохими»).

Но Посидоний, передавший Цицерону типологическую классификацию по происхождению, довел число категорий сновидений до четырех, подразделив сны-предвестники на *ясные* и *темные*, что снова выдвинуло на первый план деление на основании природы сновидений. Под влиянием медицинских теорий (сны, порожденные несварением желудка, опьянением, душевной болезнью и т. д.) в первые века нашей эры система была дополнена пятой категорией — сновидениями *иллюзорными*, что привело к созданию пятичленной классификации. Сны-предвестники разделились на три категории: темное сновидение (греческое «онейрос», латинское «сомниум»), ясное видение (греческое «орама», латинское «визио») и сновидение, посланное божеством, зачастую темное

(греческое «хрематизм», латинское «оракул»). Сны, не содержащие пророчества, делятся на две группы: сновидение — символическое или не символическое,— соотносящееся с прошлым или настоящим (греческое «инипнион», латинское «инсомниум»), и собственно иллюзия, наваждение (греческое «фантазм», латинское «визум»)[6].

Окончательное формирование пятичленной типологической классификации сновидений, исходящей из их природы, происходит в IV веке: два философа-язычника наконец придают ей завершенную форму.

Философ-неоплатоник Халкидий посвящает главы CCL—CCLVI своего латинского комментария к «Тимею» Платона рассуждениям о сновидениях. В зависимости от происхождения он различает следующие типы снов.

Сновидения, берущие происхождение в душе.

Эта категория делится на два класса:

— *сны, вызванные внешними впечатлениями и не предвещающие будущего* (речь идет о «сомниуме», состоянии сна, чему в греческом соответствуют «энипнион» и «фантазм»);

— *сны, рожденные на поверхности души*; чаще всего они бывают темными (это «визио», видение, или греческое «онейрос»).

Сны, содержащие сведения, переданные ангелами или демонами, которых послал Бог (этот вид снов называется «адмоницио», «предупреждение», по-гречески «хрематизм»).

Сны, посланные непосредственно Богом; они ясные, и греки относят их к категории «орама».

Сны об ойкумене: язычество сновидений

Завершенную же форму пятичленной типологии сновидений приводит Амвросий Макробий[7] в своем «Комментарии к Сну Сципиона»[8].

Так, существует две категории сновидений, не имеющих «ни пользы, ни смысла»; они соответствуют «лживым» снам Вергилия.

Первая категория, «инсомниум», состояние сна (греческое «энипнион»), может иметь три источника: *душу*, *тело* и *судьбу*; вторая, «визум», видение (греческое «фантазм»), является к спящему во время первой стадии сна и представляет собой блуждающие призрачные видения. Макробий дублирует ее дополнительной категорией, «эпиальтес», близкой к нашему определению *кошмара*. К трем оставшимся категориям «правдивых» снов, или снов-предвестников, относятся «оракулы» (греческое «хрематизмы»), где умершие родственники, «святые» или сами божества ясно показывают нам грядущее событие; «визио» (греческое «орама»), приоткрывающие картину ожидающего нас будущего, и «сомниум» (греческое «онейрос»), предвещающие будущее в завуалированной форме.

Мы все еще видим их, эти языческие сны,
они нам все еще снятся;
возможно, со временем мы будем видеть их даже чаще,
кто знает, ведь мир так быстро меняется,—
все более обжитой, но все менее понятный,
он скользит сквозь нас, и мы торопливо пытаемся
сложить лоскуты его событий и смыслов,
его отголоски и отзвуки в своих языческих снах.

**Мы все — язычники сновидений,
толпящиеся у зеркала мира; чуть пришла ночь —
и амальгама христианства сошла, мы теряем отражение
своих глаз, маленьких зеркалец бесконечной души,
и сквозь очистившееся стекло по-прежнему смотрим
в обжитую земную ойкумену.**

Примечания

[1] *(Ὅμηρος) Гомер*. Илиада: Пер. с греч. Н. И. Гнедича/Подг. изд. А. И. Зайцева; отв. ред. Я. М. Боровский.— Л.: Наука. Ленинградск. отд., 1990.— С. 19—21.

[2] Мистическое толкование снов не было чуждо ни Цицерону, ни первому христианскому теоретику сновидений Тертуллиану.

[3] Представления о тесной связи между сном и смертью, сновидением и загробным миром очень сильны. Сны — это тени, фантомы, туманные образы, имеющие пристанище в загробном царстве; мир усопших — это одновременно и мир сновидений. У Гомера сновидение может быть призраком живущего человека («Одиссея», IV), равно как и призрачной душой умершего («Илиада», XXIII).

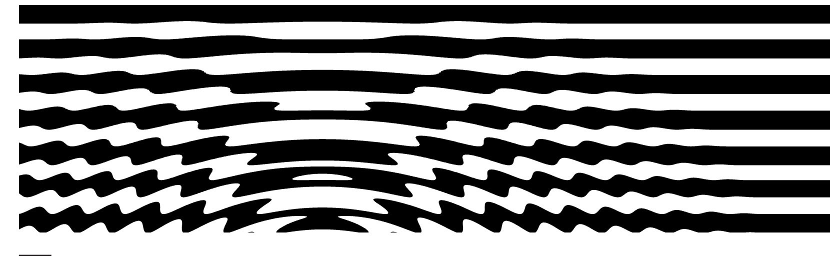
[4] Эта типология, в измененном виде, вновь возникает в христианстве.

[5] *(Le Goff J.) Ле Гофф Ж*. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. Е. В. Морозовой; с лат. И. И. Маханькова / Общ. ред. С. К. Цатуровой.— М.: Прогресс, 2001.— С. 330.

[6] Очевидно сходство данной типологии с той, которая содержится в Ветхом Завете, с делением снов на *ясные* и *темные*, с тенденцией установить различия между *сновидением* и *видением*, продолжающейся и в европейском средневековье.

[7] *Амвросий Феодосий Макробий* (ок. 360—422 гг.) является одним из тех малочисленных, но влиятельных эрудитов и энциклопедистов-язычников, обратившихся впоследствии в христианство, которые попытались упростить и сделать общедоступными классические свободные искусства и преподавание философии и научных дисциплин античности; последним и самым знаменитым компилятором из этой когорты считается Исидор Севильский.

[8] *Сципион Эмилиан Младший*, также называемый Африканским, видит во сне своего приемного отца, Сципиона Африканского Старшего; тот указывает сыну на Карфаген, предрекает ему победу и, дабы возбудить в нем достойные чувства, сообщает ему, что души тех, кто честно служил родине, получают вознаграждение от верховного божества, дарующего им после смерти счастливую жизнь в Млечном Пути. Верховное божество живет на самой верхней из девяти небесных сфер, вращение которых порождает гармонию. Отец призывает сына обратиться к вещам небесным, циклический оборот которых совершается продолжительное время, в течение «большого года». Тело человека смертно, но обитающая в теле душа подобна обитающему в миру богу.

Пользование сновидениями: от инкубации к онейрокритике

В античности сновидениями пользовались — это аксиома. На мой взгляд, резонно выделить две основные — думается, существенно различающиеся — манеры использования сновидений. Одна из них — это инкубация, практика, активная в плане преднамеренного совершения определенных действий, направленных на то, чтобы увидеть сон, но несколько более пассивная в истолковании[1]; другая — практика толкования произвольно приснившихся сновидений, но с активной стратегией выявления их смысла — смысла тайного, завуалированного, часто обратного тому, что видишь.

Можно определенно утверждать, что *пользование сновидениями развивается в направлении от инкубации к онейрокритике*.

На чем основано это утверждение? Отнюдь не на хронологических отношениях: бессмысленно сегодня спорить о том, какая традиция является более древней,— особенно с уче-

том условности их разделения. Подразумевается, что традиция толкования снов — назовем ее обобщенно *онейрокритикой* — является более активной: она способствует оформлению снотолкования в особое занятие, формированию когорты снотолкователей и, главное, влечет за собой появление текстов. Итак, это *технология толкования*, с примыкающей *онейрической текстологией*, *занятие снотолкованием*, а также, что немаловажно, *характерология сновидца*.

Практика снотолкования хорошо видна на примере дошедшего до нас сонника Артемидора и ряда других источников — их мы рассмотрим ниже; сейчас же обратимся непосредственно к пользованию сновидениями, точнее к сопровождающим эту практику процедурам.

* * *

Инкубация — храмовый сон. Желающий получить исцеление (или пророчество) приходил в храм и спал там и видел сны за малую, приемлемую плату.

Обряд возлежания, сна в храме с целью получения в сновидении лечебных предписаний[2] от божества-врачевателя (Сараписа, но главным образом Асклепия), пришел в Грецию из стран Древнего Востока.

Один из пользователей этой практики, Аристид Элий, оставил воспоминания об этом ритуале в «Священных речах»[3].

В них он рассказывает о своем лечении в храмах Асклепия и Сараписа, о своих сновидениях, где он получает от божества рекомендации по исцелению и, похоже, устанавливает прямые личные

отношения с божеством, являющимся ему в снах, воспринимаемых им как «реальные» и приводящих его в состояние экстаза. Он рассказывает, как с целью исцелиться старательно выполняет многотрудные упражнения (бегает, плавает в ледяной воде), предписанные ему божеством.

На этом примере мы видим, с какой страстью люди стремились к религии, дозволяющей личное общение с богом; в такой религии сновидение становится тропой, соединяющей с божеством. В пансионах при храмах богов-целителей собирается общество, жаждущее исцеления; оно состоит из больных, искателей сновидений, служителей храмов врачевания, толкователей снов; целыми днями они, собравшись в храме, обсуждают сны, увиденные во время возлежания, и их значения[4].

* * *

Взглянем на общие положения теории снотолкования — в предварение кропотливого изложения Артемидора.

С течением времени снотолкование стало профессией, требующей не столько божественного откровения, сколько просто искусства, знания. Аристотель говорит, что лучший сногадатель тот, кто улавливает сходство образа сновидения с реальным предметом. Как следствие, стремительно развиваются представления о символике сновидений.

По рассказу Плутарха, Кимону, когда он собрался в поход против Египта и Кипра, приснился сон. Ему представилось, что на него лает сердитая сука и вперемешку с лаем произносит такие слова: «Шествуй и мне самой, и щен-

кам моим будешь любезен». Столь непонятное видение было истолковано другом Кимона, Астифилом, обладавшим даром прорицателя, в том смысле, что оно предвещает ему смерть. Разъяснил он это так: собака, лающая на человека, враг ему, а врагу ничем нельзя больше удружить, как своей смертью. Смешение же звуков обозначает неприятелей-персов, ибо персидское войско представляет смесь греков и варваров.

Итак, мы видим два основных положения:

— толкование проводится по аналогии,— или же по прямой противоположности, что суть одно и то же;

— при толковании обязательно обращаются к символике сновидений,— которая, собственно, и является рафинированным, утонченным, аллегорическим воплощением, совершенствующейся типологией этих аналогий.

* * *

Тексты онейрокритики — *сонники*. Скажем несколько слов и о них, поскольку при наличии целой касты занимающихся онейрокритикой сонники были далеко не теми приватными, не обсуждаемыми, безличными пособиями, какими мы знаем их сегодня. Действительно, тексты сонников почти всегда имели авторов, известных читателю.

Существовало множество различного рода сонников, однако до наших дней они не сохранились. На сегодняшний день известны сонники Артемидора, Ксенофонта и Псевдо-Даниила.

* * *

Сегодня онейрокритика представляется персонифицированной практикой. Возможно, что это всего лишь иллюзия, вызванная временной дистанцией, отделяющей нас от античности. Хотя стилистика и манера снотолкования в целом были единообразны, сногадатели были разделены на различные классы.

Прежде всего — это «народные» прорицатели, занимавшиеся своим ремеслом на городских площадях.

За ними следуют ученые знатоки, черпавшие познания из особых книг и принимавшие посетителей у себя дома или в храмах и только изредка на рынках — во время ярмарок или праздников.

Элиту же прорицателей составляли теоретики, писавшие трактаты о смысле сновидений и подкреплявшие свои рассуждения разнообразными примерами, почерпнутыми как из собственной практики, так и из практики собратьев по ремеслу; примеры эти фиксировались как в устной, так и в письменной формах.

Следует также отметить, что в IV веке в некоторых городах наметилась тенденция объявлять практику прорицания вне закона; в это же время на уровне официальных институций прослеживается тенденция приравнивания искусства прорицания — прежде всего гадания по снам — к магии и последующее его подавление и истребление «из государственных соображений».

От инкубации к онейрокритике

* * *

В античности бытуют представления о связи между *истинностью сновидения* и *личностью* (нравом, положением и пр.) сновидца.

Впервые эта тенденция наметилась в трудах грека Синесия из Кирены (ок. 370 — ок. 414 гг.). Выходец из знатного семейства, числившего среди своих родоначальников царей Спарты, Синесий прославился тем, что произнес речь «О власти государя» перед императором Аркадием, обратился в христианство и стал епископом Птолемаиды. До нас дошел ряд его сочинений христианского периода. Еще будучи язычником, он написал трактат «О сновидениях», где предостерегает сновидца от обращения к толкователям сновидений, ибо, утверждает он, каждый мужчина и каждая женщина в состоянии самостоятельно истолковать свои сны. Более того, он даже усматривает в этом неотъемлемое право человека. Никакая власть, никакой тиран не могут отнять у человека это право; сон и сновидение являются областью личной свободы.

В XII веке теория сновидений, изложенная Макробием в «Комментарии к сну Сципиона» Цицерона, наряду с сочинениями «О духе и душе» Псевдо-Августина и «Поликратик» Иоанна Солсберийского, станет основой возрожденного христианством учения о снах. В ней, в частности, Макробий развивает традиционную для античной мысли идею об иерархии сновидцев, утверждая, что неопровержимыми и достоверными снами-пророчествами могут считаться только сновидения лиц, облаченных верховной властью. Тщательно аргументируя свои слова, Макробий оспаривает значимость сна Сципиона

для создания теории сновидений, ибо в тот момент, когда Сципион видел сон, он не был правителем города и не принадлежал к высшим государственным чиновникам. Тем не менее высокое положение его родного отца (Павла Эмилия) и отца приемного (Сципиона Африканского Старшего), образованность и достоинства самого Сципиона позволили ему увидеть правдивый сон о разрушении Карфагена, который ему предстояло превратить в развалины. Таким образом подтверждается концепция иерархического распределения сновидцев, включающая в себя известные со времен глубокой древности особые случаи «королевских» сновидений; в средние века эта иерархия, определенным образом преломленная, нашла свое отражение в христианской теории сновидений.

* * *

Возможно тем не менее, что предсказание на основании сновидений, несмотря на всю его популярность, расценивалось как второстепенное, менее престижное — по сравнению, например, с гаданием на внутренностях жертвенного животного или предсказанием по полету птиц. Авгурии и ауспиции[5] совершались жрецами, которых почитали больше, чем толкователей сновидений.

Мы унаследовали привычку пользования сновидениями; мы говорим: я пересплю с этим, утро вечера мудренее — и иногда, со значением: ты знаешь, мне снился сон — к чему бы?

От инкубации к онейрокритике

Забота о будущем: архаика снов

Примечания

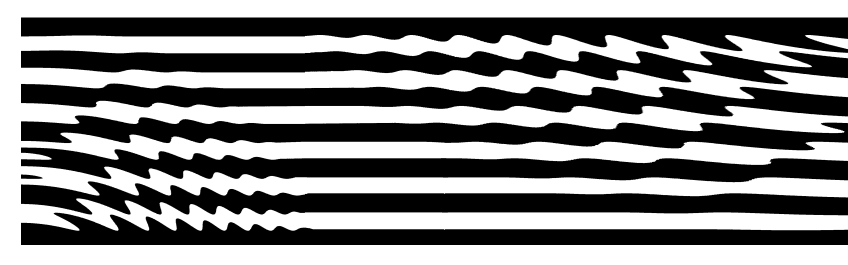
[1] Круг богов, к которым в этом случае обращается сновидец, конечно же, более узок: это Асклепий (Эскулап) да Сарапис; более конкретны тематика снов и их трактовки.

[2] Об этом свидетельствуют жертвенные таблицы с изображениями органов, заболевание которых послужило поводом к инкубации и которые были исцелены благодаря помощи богов. На этих таблицах можно прочитать надпись: «на основании сновидения».

[3] *Аристид Элий* (ок. 117 или 129—187 гг.) — греческий странствующий оратор. Из сохранившихся 55 речей Аристида шесть «Священных речей» в форме дневниковых записей повествуют об истории его болезни, длившейся 17 лет и от которой его излечил бог врачевания Асклепий в Пергаме. Написал также прозаический гимн, прославляющий Сараписа.

[4] Эти объединения сновидцев открыто заявляют о существовании связи между *сновидениями* и *здоровьем*, о которой вновь вспомнят в христианском средневековье, например в XII веке в трактате «Causae et curae» Хильдегарды Бингенской.

[5] *Авгурии* — предсказания по метеорологическим, природным явлениям (молнии, зарницы, гром и пр.); *ауспициями* же называли гадание по полету птиц.

Артемидор Лидийский: все возможные сны

Древнегреческий писатель Артемидор Лидийский (2-я половина II века н. э.) составил обширный труд «Сонник» («Онейрокритика»), в котором изложил накопленный к этому времени опыт снотолкования. Артемидор различал сновидения, объясняемые физиологически, и сновидения, имеющие значение для предсказания будущего; он различал также сновидения, соответствующие действительности, и сновидения аллегорические. Ему были известны и сновидения типические, дающие возможность истолкования душевного состояния человека.

К Артемидору в последующие века обращается каждый; более того, критикуя коллег по цеху снотолкования, каждый указывает им на сходство их манеры с таковой у Артемидора[1]. Впрочем, это вполне понятно: аналогия и есть возведенное в ранг правила сопоставление сотен типических случаев; символика же стара, как мир.

Ле Гофф подчеркивает тот факт, что общественные, политические и ментальные структуры древнегреческого города активно влияют на толкование снов[2]: «Смысл сновидения изменяется не только в зависимости от индивидуальности сновидца, но и — в большей степени — от его профессиональной принадлежности, правового и общественного статуса. Типология снов на основе профессиональной занятости и гражданских функций сновидцев присутствует на протяжении всего «*Сонника*» и включена в систему гаданий по сновидениям, в нем представленную. Сны меняют смысл и часто получают противоположное значение в зависимости от того, кем является сновидец — свободным гражданином, метеком[3] или рабом. Такое же разделение проходит между мужчинами и женщинами, сновидцами и сновидицами».

* * *

«Артемидор Кассию Максиму[4] шлет привет.

Часто я ощущал в себе желание обратиться к этому труду, однако воздержался "не от праздности низкой или от незнания дела", как говорит наш поэт[5], но устрашала меня грандиозность и широта исследований, нужных для него, и тревожили меня возражения людей, идущие в их речах или от убеждения, что ни гадания не существует, ни божественного промысла, или попросту от желания доставить себе упражнение ума и провождение времени. Ныне же насущная нужда заставляет меня не откладывать и не медлить, но изложить мои по-

знания, приобретенные опытом, ибо это полезно не только для нас самих, но и для потомков.

Я полагаю тем самым достигнуть двоякой цели: во-первых, дать отпор тем, кто пытается отвергнуть само искусство прорицания и виды его, выдвинув против них безукоризненно и целенаправленно собранный опыт и свидетельства исполнения снов, достаточные, чтобы противостать кому угодно; во-вторых, тем, кто хоть и занимается гаданием, но, не умея найти надежные книги, бродит в потемках и рискует разочароваться и отшатнуться от этого занятия, дать спасительное средство против их заблуждений. Ибо почти все недавние мои предшественники, желая снискать писательскую славу и полагая, что единственный путь прославиться — это оставить сочинение о толковании снов, умеют только перепевать друг друга — берут древние сочинения и сказанное хорошо пересказывают плохо или к сказанному кратко добавляют многословный вздор. Ведь они писали не по опыту, а наудачу, что кому придет в голову, причем одним были доступны все книги древних, а другим не все, ибо некоторые книги из-за древности были редкими и испорченными и остались им неизвестны.

Я же, во-первых, почитал делом чести добыть любую книгу о снотолкованиях, а во-вторых, я много лет, пренебрегая клеветой, водился с теми оболганными рыночными гадателями, которых люди важные и надменные обзывают нищими, обманщиками и шутами; и в эллинских городах, и на праздничных сборищах, и в Азии, и в Италии, и на самых больших

и людных островах я терпеливо выслушивал рассказы о древних вещих снах и их исполнении, ведь в таких исследованиях нельзя было и действовать иначе. Поэтому я могу подробно рассказать о каждом случае, сообщая истинную правду безо всякого вздора, и для всего, что я помню, предложить ясные и понятные для всех доказательства на основе самых простых рассуждений — разве что иное будет столь уж ясно, что толкование вообще не понадобится.

Теперь наконец я перейду к своему предмету, чтобы вступление не оказалось длиннее нужного. Ибо зачем слова без сути дела для тебя, столь красноречивого, что подобного доселе не видано было среди эллинов, и столь понятливого, что, не дожидаясь конца речи, ты угадываешь, куда она ведет? Итак, прежде всего необходимо дать точную меру некоторым основным понятиям.

1. Разница между обычным сновидением (*ενυπνιον*) и вещим сном (*ονειρος*) есть немалая, о ней я писал в других местах. И теперь, по-моему, хорошо начать именно с этого, поскольку иначе сочинение покажется тебе беспорядочным и начинающимся без отправных положений.

Вещий сон и простое сновидение различаются тем, что первый предсказывает будущее, а второе указывает на настоящее. Яснее, пожалуй, будет для тебя так. Некоторые переживания имеют свойство возвращаться, вновь возникать в душе и вызывать сонные видения: так, естественно, что влюбленный видит себя во сне с предметом своей любви, испуганный видит то, чего он боится, голодному снится, будто он ест, жажду-

щему — будто он пьет, а объевшемуся — что его рвет или что его душат из-за возникшей преграды трудноперевариваемой пищи. Стало быть, видно, что эти пережитые чувства содержат не предсказания будущего, но воспоминания о настоящем[6]. Исходя из этого, можно видеть, что одни переживания — собственность только тела, другие — только души, а третьи — и тела и души. Так, когда влюбленному снится, что с ним предмет его любви, а больному — что он лечится и разговаривает с врачами,— это примеры переживаний тела и души вместе; страдать рвотою, спать, пить, есть — надо полагать, переживания, свойственные телу, а радоваться и огорчаться — свойственные душе. Отсюда ясно, что переживания тела являются во сне или из-за недостатка, или из-за избытка чего-либо, а переживания души — или из-за страха, или из-за надежды.

О простом сновидении сказано достаточно. Называется оно точным именем — и не потому, что все спящие (*υπνουντες*) его (*ενυπνιον*) видят (ведь и вещий сон (*ονειρος*) — удел спящих), но потому, что оно имеет действие, только пока снится[7], а как закончится сон, перестает действовать. Вещий же сон, также будучи сновидением, действует тем, что ведет нас к осуществлению предсказания будущего; и это действие после пробуждения становится толчком к делу, возбуждая и расшевеливая душу. Поэтому и название ему дано от первопричины, или исходя из выражения "произносить сущее" (*το ον ειρειν*), что означает попросту "говорить", как у поэта: "да сбудется все, предреченное мною"[8]. А нищего Ира жи-

тели Итаки называли так, “потому что у всех он был на посылках”[9].

2. Среди вещих снов, в свою очередь, различаются прямосозерцательные и аллегорические. Прямосозерцательные сны — это те, свершение которых схоже с тем, что в них привиделось. Например, одному человеку в морском плавании приснилось, что он терпит кораблекрушение, и так оно и вышло. Когда сон его покинул, то судно его погибло, сам же он еле спасся среди немногих. Еще одному приснилось, что его ранит человек, с которым он договорился завтра идти на охоту; и точно, он был ранен тем самым человеком в плечо, как и во сне. Еще третьему приснилось, что он берет деньги у друга; и поутру он, действительно, получил от этого самого друга на хранение десять мин. Такого рода примеров есть немало.

Аллегорические же сны — это те, которые знаменуют одно через другое, и во время этих снов душа естественным образом намекает на что-то.

Я полагаю нужным по мере сил сказать и о том, почему аллегорические сны именно так снятся и сбываются, а также о происхождении их названия. И прежде всего мне придется дать общее определение вещего сна, не требующее пространного обоснования разве что для заядлых спорщиков.

Вещий сон есть разного вида движение или измышление души, указывающее на предстоящее добро и зло. В таком случае все то, что исполнится рано или поздно с течением времени, душа предсказывает посредством образов, присущих ее природе и называемых первоэлементами,— в пред-

положении, что между сном и его исполнением мы, размышляя и учась, можем уяснить это будущее. А все то, что свершается без всякого промедления, так что руководящий (кто бы он ни был) не дает нам времени его постичь, душа являет нам самими этими событиями, не тратя времени на косвенные знамения и как бы полагая, что нет пользы в предсказании, если мы все равно поймем не раньше, чем оно сбудется. Душа как бы кричит каждому из нас: «Смотри и будь внимателен, насколько это в твоих силах, то, что ты постиг через меня!» И все согласятся, что это так. Ведь никто никогда не скажет, что не сбывается сразу после видения то, чему не дана была даже малая отсрочка: ведь некоторые сны исполняются быстро, как сама мысль, пока сновидение, так сказать, еще держится: поэтому и наименование их не случайно: «одновременно и видение и исполнение».

Среди рассматриваемых нами разновидностей за незначащим сновидением следует фантазм (о котором рассуждали многие, в том числе и Артемон Милетский и Феб Антиохийский[10]), а за вещим сном следует сон-видение (*οραμα*) и сон-вещание (*χρηματισμος*). Мы умышленно отказались от их детального рассмотрения, ведь кому не ясна суть предмета, тот, верно, не может ни за кем следовать и в толковании его[11].

В свою очередь, аллегорические сны делятся на пять видов. Сны первого вида я назвал “своевещими”: в них каждый видит самого себя — и что он делает, и что с ним делается, а исполнится такой сон во благо или во вред лишь тому, кто его видел. Сны второго вида я назвал “чужевещими”: в них

человек видит, что кто-то другой что-то делает или переживает; и если приснившийся — человек более или менее знакомый, то такой сон исполнится во благо или во вред именно ему. Третий вид — сны «общие»: как указывает само название, в таком сне спящий видит себя действующим с кем-либо из знакомых. Те сны, которые относятся к гаваням, стенам, площадям, гимнасиям и другим общегородским украшениям, называются "общественными". Убыль или полное затмение солнца, луны и прочих светил, а также нарушение порядка на земле и на море предсказывают перемены космические, и сны об этом в точном смысле слова называются "космическими"...

Однако это общее распределение не вполне отчетливо, так как случается, что своевещие сны в точности сбываются не только для самих видевших сон, но часто и для их близких. Так, одному приснилось, что он умер, вышло же так, что умер его отец: ведь отец был ему "вторым я", единым с ним и телом и душой. Другому приснилось, что его обезглавили,— а случилось и тут, что умер его отец, который дал ему жизнь и свет, как голова для своего тела. Так и приснившаяся слепота предвещает гибель не сновидцу, а детям его, и всякий мог бы привести много примеров такого рода. Точно так же и чужевещие сны, как показывает опыт, сбываются и для самих сновидцев. Например, одному приснилось, что его отец был сожжен; а случилось, что умер сам сновидец, а отец остался погибать, сжигаемый, так сказать, горем, как огнем.

А другому человеку привиделось, что скончалась женщина, которую он любил; но скончался вскоре он сам, ли-

шась близости, самой для него сладостной. Так и сон о том, что болеет мать или жена, означает, что в упадке и беспорядке доходы от ремесла: ведь это вполне последовательно — недаром есть общая поговорка, что ремесло кормит, как мать, и ближе всего человеку, как жена. Видеть же друзей в печали — значит самому печалиться, а радующимися — самому наслаждаться.

Таким же образом требуют оговорок и общие сны, у которых тоже вместо общих исходов иногда сбываются только личные. Такова в обычном своем виде первая классификация, как ее составили древние.

Вторая же классификация применяется редко, но бывает, что те случаи, о которых мы говорим, вводят в заблуждение даже знатоков. Здесь следует дать такое различение. Те из личных снов, которые не затрагивают близких, относясь только к действиям сновидцев, а не к тем, для кого или от кого они направлены, исполняются только для самих сновидцев: это такие действия, как, например, говорить, петь, плясать, биться на кулаках, соревноваться, повеситься, умереть, быть распятым, нырять, находить сокровища, наслаждаться любовью, блевать, испражняться, ложиться спать, смеяться, плакать, говорить с богами и т. п. Сны, касающиеся тела или какой-нибудь его части, а также окружающих спящего вещей, как, например, носилки, шкатулка, ящичек, всякая другая утварь, одежда и так далее, хотя и являются личными, часто имеют обыкновение исполняться и для родственников, по сходству их роли: так голова указывает на отца, нога — на раба, правая рука — на отца, сына, друга, левая рука — на жену,

мать, подругу, дочь или сестру, половой орган — на родителей, жену и детей, голень — на жену и подругу. Из других видов снов мы для краткости так рассмотрим каждый вид. Те из общих снов и посторонних снов о чужом, которые касаются нас или совершаются через нас, можно назвать нашими личными; те же, которые нас не касаются или через нас не совершаются, будут исполняться для других. Если же во сне являются друг и благие предзнаменования, то, пожалуй, случатся и другу и нам радости и удовольствия; если же дурные предзнаменования, то они исполнятся для друзей, нас же постигнет печаль — и не обязательно из-за их неприятностей, а и просто какая-нибудь своя. А когда в таком сне являются враги, это должно предвещать противоположное сказанному.

Далее, о снах общественных и космических я могу сказать следующее. То, о чем не заботишься, не увидишь и во сне: ведь и в частных делах о чем не думаешь, того и во сне не видишь. Человеку ничтожному не дано во сне созерцать великие дела сверх его возможностей, само определение противоречит этому, если только сновидец не царь, не архонт, не какой-нибудь вельможа, поскольку эти личные вещие сны должны исполняться для самого сновидца. А цари и прочие пекутся о делах общественных и могут иметь сновидения об этом не как частные лица, которым вверено малое, но как властители, заботящиеся о всеобщем благе[12]. <...>

Правда, говорят, что и некоторые простые люди и бедняки видели общественные сны, объявляя, записывая и представляя которые, они снискали доверие, так как события сбыва-

лись по этим снам. Но сами сновидцы не понимали того, что это не сон одного простого человека исполнялся для всех, а совпадающие сны многих сновидцев, из которых одни рассказывали их всенародно, а другие в частном кругу: таким образом сновидцем оказывался не частный человек, но народ, а это не меньше, чем стратег и архонт; всякий слышал тысячи рассказываемых снов, сулящих благо целому городу, снов, которые предсказывают будущее, каждый по-своему и непохоже на других. Это же относится и к обратному случаю: если не многие, а один кто-нибудь увидит общественный сон, то он будет вправе отнести только к себе исполнение такого сна, если он в городе не стратег, не иной какой-нибудь архонт, и не жрец, и не гадатель. Такого мнения держатся и Никострат Эфесский, и Панисиад Галикарнасский[13], мужи известнейшие и прославленные.

3. Далее, знатоки говорят, что благоприятными следует считать видения, согласные с природой, законом, обычаем, ремеслом, именем и временем, не оговаривая, что для сновидца согласные природе сны серьезнее противоречащих ей, если из-за особых обстоятельств оказываются для дела бесполезными. Ведь чудится богатым... а причастным к таинствам — ясные дни, ночные “звезд хороводы сияющих”, восходы солнца и луны и т. п. Так же и видения, согласные с обычаем, не всегда оказываются уместны применительно к стечению обстоятельств. То же я могу сказать и обо всем остальном. Надобно притом соблюдать и меру: хотя названные шесть основ и не вполне всеобъемлющи, но смехотворно утверждение некоторых, будто их не 6, а 18, 100 или 250, так как все

то, что они могли назвать, неизбежно оказывалось из числа все тех же шести.

Для восполнения недосказанного древними я сообщил достаточно. Следует еще принять два общих подхода — родовой и видовой. Начнем с первого.

4. Одни вещие сны предсказывают многое через многое, другие — малое через малое, третьи — многое через малое, и четвертые — малое через многое.

Многое через многое. Например, одному человеку приснилось, что он сам собой поднялся в воздух, полетел к намеченной цели, к которой старался попасть, а достигнув ее, обретает крылья и улетает вместе с птицами, а после возвращается домой. Исполнился же сон так: сновидец покинул родину, что и было предсказано полетом; добился успеха в том, что ему предстояло и о чем он очень старался. Это было предсказано тем, что он не сбился во сне с пути; он весьма разбогател — недаром мы говорим, что кто богат, тот крылат, он пожил на чужбине — это было предсказано тем, что ведь человек и птица — не одно и то же; а в конце концов сновидец вернулся на родину.

Малое через малое. Одному человеку приснилось, что у него глаза золотые. И этот человек ослеп: ведь золотых глаз не бывает.

Многое через малое. Одному человеку приснилось, будто он утратил свое имя. Сбылся сон таким образом: во-первых, сновидец потерял сына (не потому только, что это — потеря самого дорогого, но и потому, что у них с сыном имя было одно и то же). Во-вторых, этот человек лишился всего

своего имущества — на него подали в суд и он был осужден как государственный преступник. В-третьих, бесправный и гонимый, он покончил с собой, удавившись, и поэтому не поминался по имени после смерти. Ведь только самоубийц родственники на поминках не называют по имени. Тут уж всякому ясно, что все это предсказано одним сном и одинаково из него выводится.

Малое через многое. Одному человеку приснилось, будто Харон играет с кем-то в камешки, и он, сновидец, сочувствует второму игроку. Поэтому Харон, проиграв, приходит в ярость и гонится за сновидцем. Тот пускается бежать, вбегает в гостиницу под названием "Верблюд", укрывается в спальне и запирает дверь. Демон уходит, а спящий видит, что у него на одном бедре вырастает трава. У всех этих видений исход был один: рухнул дом, где жил сновидец, и упавшие бревна сломали ему бедро. В самом деле, Харон, играющий в камешки, указывает, что речь была о жизни и смерти. Не поймав сновидца, Харон ясно дал понять, что тот не умрет; а погоней — что опасность грозит его ногам; а ночлежный дом "Верблюд" — что будет сломано именно бедро, так как животное верблюд при ходьбе сгибает ноги[14] посередине бедра, чтобы сделать их короче,— ведь и само слово "верблюд" (*καμηλος*) происходит от "сгиба бедра" (*καμμηρος*)[15], как говорит Эвен[16] в любовных стихах к Эвному. Выросшая трава указывала, что бедро у сновидца уже никогда не будет действовать: ведь трава обычно растет на невспаханной земле.

Кто умеет хорошо рассчитывать, тот согласится, что все перечисленные случаи сводятся к этим.

5. При видовом подходе сны разделяются на четыре вида: одни хороши внутри и снаружи, другие внутри и снаружи дурны, третьи внутри хороши, а снаружи дурны, четвертые внутри дурны, а снаружи хороши. “Внутри” — это значит то, что во сне видится, а “снаружи” — то, как сон сбывается. Вот примеры снов, которые хороши и в том, и в другом: видеть олимпийских богов радующимися, смеющимися, дающими или говорящими нечто хорошее (как самих богов, так и их статуи, сделанные из негниющего материала); или же видеть родителей, друзей, домочадцев, приумножающих благосостояние дома; или дорогие вещи и телесную силу, привлекательную на вид, и т. п. Ведь на все подобное и смотреть приятно, а когда такое сбывается, это еще гораздо приятнее.

Вот примеры снов, которые изнутри и снаружи дурны: представлять, что падаешь с горы или что попал к разбойникам, видеть Киклопа или его пещеру, видеть, будто ты расслаблен, болеешь или теряешь то, о чем старался. Какие состояния претерпевает душа человека во сне, таковы должны быть и результаты.

А вот сны, хорошие внутри и дурные снаружи. Одному человеку приснилось, что он пирует с Кроносом, а на следующий день он попал в темницу. Ясно, что зрелище пиршества с богом приятно, а оков и заключения — неприятно. Другому приснилось, что он берет у бога Гелиоса два хлеба,— после этого он прожил только два дня, ибо лишь на столько хватило ему полученного от бога пропитания. Если кто видит себя во сне сделанным из золота, или находящим клад, или получающим от покойника миро, розу и тому подобное, то это сводится к такой же судьбе.

А вот сны, дурные внутри, но хорошие снаружи: на благо видеть во сне бедняку, что его поражает молния, или рабу — что он отбывает военную службу, или собирающемуся в плавание — что он идет по волнам, или холостому — что он сражается, как гладиатор. Ведь первый сон предсказывает богатство, второй — свободу, третий — благополучное плавание, четвертый — брак. Это и есть сны с дурными видениями и хорошими исходами.

6. Нужно иметь в виду, что когда люди чем-то озабочены и сами просят богов о вещем сне, то видения, несходные с их хлопотами, будут значащими для их будущего, сходные же с их мыслями — будут незначительными, подобно простым сновидениям, как оно и следует из предшествующего рассуждения; некоторые называют такие сны заботными и вымоленными. Напротив, когда человек ничем не озабочен, то видения называются богопосланными. Я не ставлю здесь вопроса, какой ставил Аристотель,— вне ли нас лежит причина сновидения, исходящая от бога, или же внутри нас; имеется нечто, задающее расположение нашей душе и естественным образом устраивающее все, что с ней случается,— я просто называю богопосланным все неожиданное, как это водится в обиходе.

7. Далее, нужно уделять внимание всем сновидениям, не имеющим видимой причины, приснились ли они ночью или днем: ведь для толкования нет разницы между ночью и днем, между вечерними сумерками и утренними, если только перед сном человек поел умеренно — неумеренная же пища не дает видеть истину даже на утренней заре.

8. Далее, общие людские обычаи и частные — далеко не одно и то же, и кто их не изучил, тот будет введен ими в заблуждение. Вот общие обычаи: почитать и поклоняться богам (ибо нет народов без богов, как нет и народов без властителей; разные народы чтят разных богов, но все обращают мысль к одному и тому же), воспитывать детей, покоряться женщинам и соединяться с ними, бодрствовать днем, спать ночью, принимать пищу, отдыхать от усталости, иметь кров, а не жить под открытым небом. Все это общие обычаи. А частные мы называем также племенными: так, фракийцы татуируют благородных отпрысков, а геты — рабов (геты живут на севере, а фракийцы — на юге); моссийцы понтийские совокупляются с женщинами у всех на виду, как собаки, а у других народов такое считается позором; все люди едят рыбу, кроме лишь сирийцев, поклоняющихся Астарте; зверей и всяких ядовитых гадов чтят как кумиров только египтяне, да и то не все одних и тех же. И в Италии я узнал один древний обычай: италийцы не истребляют коршунов и считают посягнувшего на них нечестивым[17]. Эфесцы в Ионии, “чада Афин при урочном исходе годов круговратных” у элевсинских богинь в Аттике и знатнейшие из жителей фессалийского города Ларисcы охотно сражаются в бое быков, а в других частях света это выпадает лишь на долю осужденных на смерть. Так же и среди всех других обычаев нужно исследовать каждый особо, не соблюдается ли он только у этого народа: ведь местные обычаи служат знаком добра, а чужеземные — зла, если только какое-нибудь обстоятельство не обернет исполнение сна по-иному.

9. И видевшему сон, и толкующему было бы полезно, и не только полезно, но необходимо, чтобы снотолкователь знал, кто таков сновидец, чем он занимается, как родился, чем владеет, каков здоровьем и сколько ему лет. Так же тщательно нужно исследовать и самый сон, каков он есть,— ибо, если даже немногое добавить или упустить, то результат получится иной, как это видно будет из следующего раздела. Так что если кто не учитывает этого, пусть за ошибки пеняет на себя, а не на нас.

10. Теперь изложу, как надо толковать вещие сны. Порядок в моем труде будет такой. В отличие от древних я начну не с богов, хотя бы это и показалось кому неблагочестивым. Нет, соблюдая необходимую последовательность, я сначала речь поведу о рождении, затем о воспитании, затем о теле и его частях — избыточных, недостающих, растущих, уменьшающихся и меняющихся по виду или по составу; затем об обучении всевозможным ремеслам, делам и навыкам; после — о юности, упражнениях, состязаниях, банях и всяческих купаниях, твердой и жидкой пище, об умащениях и венках, о соитии и о сне. Таково будет содержание первой книги. Во второй книге речь пойдет о пробуждении, ласках, разных мужских и женских нарядах, о воздухе и воздушных явлениях, о псовой охоте, рыбной ловле, мореплавании, земледелии, о суде, о государственном управлении, об общественных повинностях, о военной службе, о почитании богов и самих богах, о смерти, а если что еще по ходу дела вспомнится, то и об этом.

11. Изучая вещие сны, толкователь должен рассматривать их иногда от начала к концу, а иногда от конца к началу —

ибо порой начало проясняет темный и непонятный конец, порой же наоборот. Особенно приходится прилагать старание и уменье к искаженным снам, в которых как бы нет никакой связи,— особенно, когда являются писания, лишенные смысла, или имена, ничего не значащие: здесь бывает нужно переставлять, менять, прибавлять буквы или слоги, а то даже придумывать равные по числовому значению слова, чтобы только прояснить смысл[18].

12. Поэтому я утверждаю, что снотолкователь должен сам себя готовить и сам соображать, а вовсе не полагаться на одни только руководства. Кто думает преуспеть без природного дарования, но лишь благодаря выучке, останется безуспешен и несовершенен тем вернее, чем упорнее он был в таких наклонностях: ведь сбившись в самом начале, заблуждаешься чем дальше, тем больше.

Сны, запомнившиеся не целиком (когда сновидец забывает середину или конец), считай не подлежащими толкованию: ибо если нужно здравое толкование сна, то должна в нем сбыться каждая виденная частность, однако полному толкованию доступно только то, что запоминается целиком. Как жрецы о двусмысленных знамениях не говорят, будто они ложны, но говорят лишь, что не могут их постичь, так и снотолкователь не должен высказываться ни внятно, ни бегло о том, чего сам не может понять, иначе ему следует бесчестие, а сновидцу вред. Есть еще и такое правило. Когда сны предсказывают несчастье, но душа сновидца не испытывает тревоги, то несчастья окажутся незначительными или вовсе не сбудутся. И наоборот, когда сны предвещают счастье, но душа не испытывает довольства, то счастье окажется не-

сбыточным, ненужным или во всяком случае неполным. Поэтому каждый раз надо спрашивать, с удовольствием видел человек сон или нет»[19].

Фрейда не зря попрекают заимствованиями у Артемидора: в «Соннике» все действительно расписано до мелочей; если бы мы не так сильно отличались от древних греков, им можно было бы пользоваться.

Примечания

[1] Особенно любили изобличать в этом Штекеля и Фрейда.

[2] Цит. по: *(Le Goff J.) Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. Е. В. Морозовой; с лат. И. И. Маханькова / Общ. ред. С. К. Цатуровой.— М.: Прогресс, 2001.— С. 333.

[3] *Метеки* — лично свободные граждане, переселившиеся в какой-либо греческий полис; они не имели гражданских прав.

[4] *Кассия Максим*а идентифицируют с *Максимом Тирски*м (ок. 125—185 гг.), софистом, автором более сорока философско-риторических сочинений, в которых заметно влияние кинизма и платонизма.

[5] Имеется в виду Гомер.

[6] Мысль о том, что во сне могут отражаться дневные заботы человека, была достаточно широко распространена в античности. Она стала общим местом для эпикурейцев в отличие от стоиков, которые полагали, что сновидения посылаются божеством.

[7] Артемидор раскладывает слово *ενυπνιον* на составные части: *έν* — «в» — и *ύπνος* — «сон». Таким образом, название простого сновидения по-гречески указывает на время его действия, т. е. во сне.

[8] Речь снова идет о Гомере.

Артемидор Лидийский: все сны

[9] Настоящее имя нищего — *Αρναιος*. Жители Итаки придумали его прозвище, образовав его от имени вестницы богов Ириды. Артемидор возводит имя Ириды к глаголу *ειρω* («называть, определять, говорить»).

[10] *Артемон Милетский* в период правления императора Нерона написал трактат о толковании снов в 22 книгах, не дошедших до нас. О снотолкователе *Фебе Антиохийском* определенных сведений нет.

[11] Эту же типологию находим и у последующих авторов, занимавшихся вопросами снотолкования: у Макробия, Псевдо-Августина, Никифора Григоры, Иоанна Солсберийского.

[12] См. выше о том, как о вещем сне Агамемнона судили старейшины.

[13] Сведений о *Никострате Эфесском* мы не имеем, другие античные авторы его не упоминают. *Паниасид Галикарнасский* — эпический поэт, дядя историка Геродота,— жил в V веке до н. э.; был убит тираном Лигдамистом (известны его сочинения «О Геракле» в 14 книгах, «Об Ионии»).

[14] Элиан («О природе животных») передает сообщение Геродота о том, что на задних ногах верблюда четыре бедренных мускула и четыре сустава.

[15] Этимология, приведенная Артемидором, повторяется и в «Etymologicum magnum».

[16] *Эвен* с Пароса софист, сочинитель элегий.

[17] И в Греции, и в Риме коршунов считали птицами, связанными со знамениями.

[18] При сложении числовых значений букв различных слов может получаться одна и та же сумма.

[19] Цит. по: *(Αρτεμιδορις) Артемидор*. Сонник: Пер. М.Л. Гаспарова, В.С. Зилитинкевич, И.А. Левинской, Э.Г. Юнца.— СПб.: ООО «Кристалл», 1999.— 448 с.

Другие: от Гераклита Темного до Лукреция Кара

Однако как среди греческих, так и среди римских философов всегда находились те, кто относились к сновидениям настороженно, враждебно, считая сны наваждением и отказывая им в достоверности.

Уже Гесиод («Теогония»), излагая мифическое происхождение сновидения (Онейроса), говорит о нем как о сыне «темной Ночи», брате «насильственной Смерти» и «черной Земли», Сна (Гипноса) и Смерти (Танатоса); атмосфера страха окружает все, что связано с ночными явлениями, к которым, разумеется, относится и сновидение.

Но не это характерно: более сильная тенденция, конкурентная онейрокритике как таковой, отличается натурфилософской окраской; от использования сновидений постепенно отказываются (как это сделали в своих сочинениях, например, историки Фукидид и Полибий).

Гераклит Темный: сон — забвенье души

Гераклит (около 554—483 гг. до н. э.) объяснял сон закрытием органов чувств, вследствие чего души внешнего мира не могут во время сна проникать внутрь тела спящего человека. Поэтому человек во время сна создает в сновидениях свой собственный внутренний мир. Согласно Гераклиту, душа во сне неразумна и находится в состоянии забытья, так как выключена из связи с окружающим миром.

Сократ: сны — голос совести

Во взглядах Сократа (ок. 470—399 гг. до н. э.) на сновидения отразились его общие воззрения. Сократ верил в божественное происхождение сновидений; он допускал, что сны могут предвещать будущее. Сновидения, по Сократу, выражают голос совести и этому голосу надлежит следовать.

Демокрит: сны — автоматические мысли

Согласно Демокриту из Абдеры (460—371 гг. до н. э.), сущность сновидений заключается в продолжении автоматической работы мозга — при отсутствии восприятия. Эта идея положила начало «линии Демокрита» — теперь уже в развитии взглядов на сновидения, в качестве антитезы «линии Платона» — теории воспоминания. Чувственное вос-

приятие, по Демокриту, заключается в воздействии на органы чувств частиц, отделяемых предметами внешнего мира. Эти частицы составляют образы предметов, «эйдолы». «Подобно тому, как длится волнение воды, вызванное каким-либо предметом, так же в органе зрения, в органе слуха, в органе вкуса длится движение еще и тогда, когда внешний предмет уже не действует больше на человека. Отсюда возникают сновидения, так как в уснувших душах продолжается некоторое движение и ощущение, восприятию которых способствует ночная тишина. Сон и обморок — это прекращение восприятий, вызванное прекращением внешних влияний и впечатлений»[1].

Итак, источник сновидения, по Демокриту,— не душа, а внешний мир, и суть сновидений заключается в воспроизведении тех восприятий, которые переживались в состоянии бодрствования.

Платон: сны — воспоминания

Платон (427—347 гг. до н. э.) считал сновидения проявлением деятельности души; содержание сновидений зависит от того, какая из трех составных частей души («мыслящая» часть, «бодрая» часть, «животная» часть) спит и какая — бодрствует. Сновидениям «мыслящей» души Платон приписывает значение божественных откровений. В этих сновидениях душа поднимается до достоверного познания, в основе которого лежит воспоминание о *мире идей*.

В «Тимее» Платон говорит: «Когда же ночь скроет родственный ему огонь дня, внутренний огонь как бы отсекается: наталки-

ваясь на то, что ему не подобно, он терпит изменения и гаснет, ибо не может слиться с близлежащим воздухом, не имеющим в себе огня. Зрение бездействует и тем самым наводит сон. Дело в том, что, когда мы при помощи устроенных богами природных укрытий для глаз, то есть век, запираем внутри себя силу огня, последняя рассеивает и уравновешивает внутренние движения, отчего приходит покой. Если покой достаточно глубок, то сон почти не нарушается грезами, но если внутри остались еще сильные движения, то они, сообразно своей природе и месту, порождают соответствующие по свойствам и числу изображения, отражающиеся внутри нас и вспоминающиеся после пробуждения как совершившееся вне нас».

Влияние этой своеобразной «теории воспоминания» можно проследить и в дальнейшей истории понимания сновидений, вплоть до концепции Анри Бергсона.

Другие мысли Платона повторил Фрейд. В «Государстве» Платон говорит о сновидениях, порождаемых вожделениями,— присущими, по-видимому, каждому человеку. Но у одних эти вожделения контролируются «законами и разумом», у них лучшие желания берут верх, а вожделения либо полностью изгнаны, либо ослаблены, в то время как у других они сильнее и многочисленнее. На вопрос собеседника, какие вожделения он имеет в виду, Платон отвечает: «Я имею в виду те, которые пробуждаются, когда мыслящая человеческая и руководящая сила засыпает... и нет такого воображаемого безумства или преступления,— не исключая кровосмешения или другого противоестественного соединения, или отцеубийства, или пожирания запрещенной пищи,— которым в то время, когда утрачены стыд и разум, человек не был бы готов предаться».

Диоген Синопский: сновидения — фантазии

Диоген Синопский, философ-киник (ок. 400—325 гг. до н. э.), считал сновидения продуктом фантазии, не имеющим какого-либо смысла и значения.

Аристотель Стагирит: сны естественны

К проблеме сновидений обращается и Аристотель Стагирит (384—322 гг. до н. э.) — в небольшом трактате под названием «О вещих сновидениях»[2]. Что касается вопроса природы сновидений, то Аристотель отрицает божественное происхождение сновидений и включает их в круг явлений природы. Так же, как Демокрит, Аристотель утверждает, что образы сновидений суть не что иное, как продукт деятельности наших органов чувств: «Чувственное восприятие после того, как объект удален, оставляет в органах чувств возбуждение, так как движение, составляющее чувственное восприятие, еще длится даже тогда, когда то, что вызвало движение, больше уже не действует. Так, цвет, который мы воспринимаем длительное время, мы видим на всех предметах еще и после того, как мы отвели взор от него»[3].

Деятельность органов чувств во сне, по Аристотелю, представляет собой отголоски дневных раздражений, не затемняемые влиянием сильных внешних впечатлений. «Ибо движения, которые происходят днем, если они не очень сильны и вели-

ки, отодвигаются в состоянии бодрствования на задний план другими более сильными движениями. Во сне же, напротив, даже малые движения представляются большими. В этом можно убедиться на основании того, что часто имеет место во сне: человек полагает, что сверкает молния и гремит гром, хотя в ухо проникает слабый шум, думает, что он лакомится медом и сластями, когда проглатывает немного слизи, проходит сквозь огонь и ощущает страшный жар, когда отдельные члены немного согреваются. Проснувшись же, он убеждается при всех этих явлениях в истинном положении вещей. И так как начало всех вещей мало, то можно видеть, что это имеет место также при болезнях и других состояниях организма, которые воспринимаются еще в процессе возникновения. Раньше чем в бодрствовании они воспринимаются во сне». Поэтому, говорит Аристотель, вдумчивые врачи считают необходимым уделять сновидениям серьезное внимание. Органы чувств не только воспринимают движение, исходящее извне, но для восприятия этого движения привносят свое собственное движение, исходящее изнутри организма. Это внутреннее движение так же, как сильные движения, исходящие извне, может заглушать более слабые, исходящие извне движения. Таким образом, внутреннее движение может воспрепятствовать возникновению сновидений, либо сделать образы сновидений неясными, запутанными, подобно тому, как отражение в воде искажается при ее волнении. Так объясняются беспорядочные сновидения меланхоликов, лихорадящих больных, опьяненных.

В вопросе о вещих снах Аристотель колеблется — это хорошо понятно из того факта, что он объясняет естественным путем возможность раннего восприятия во сне начала болезни, еще не воспринимаемого в состоянии бодрствования. В большинстве случаев, однако, связь между сновидениями и событиями, по его мнению, случайная. Сновидения, по Аристотелю, не дают никакого сверхъестественного знания, откровения. Многие сновидения не исполняются; их исполнению могут воспрепятствовать различные обстоятельства и более сильные побуждения.

Впрочем, вещие сны возможны. Они объясняются тем, что к спящему могут притекать движения, возникающие вдали. Подобного рода сновидения бывают часто у меланхолических натур.

Посмотрим, что говорит Аристотель о толковании сновидений: «Но лучший снотолкователь тот, кто способен подметить сходство. Ибо ясные сны всякий может истолковать. Говоря о сходстве, я разумею то, что фантазмы… похожи на отражения в воде. Когда же вода приходит в сильное движение, возникающие в ней отражения становятся совсем непохожими на действительность. Поэтому только тот может удачно объяснять отражения, кто умеет быстро различать спутанные и искаженные образы и улавливать в них, например, образ человека, или лошади, или другого, что может быть».

И главное: Аристотель считает, что ощущение, продолжающееся после удаления его источника, есть уже не *восприятие*, а *представление*. Следовательно, образы сновидений суть представления.

Другие: от Гераклита до Лукреция Кара

Эпикур: сновидения — внешние раздражения

В противоположность дуалисту Аристотелю монист и материалист Эпикур (341—270) гг. до н. э) не признавал духовного, нематериального начала; душа, по мнению Эпикура, материальна. Отсюда он делает заключение, что сновидение не есть представление. Раз оно вызывает движение материальной души, значит, и само оно — материальный процесс. Ничто вызывать движение не может. Сновидение — это поступающее извне раздражение. Никакого вещего значения сновидения не имеют. Эпикурейцы отрицали любую мистику и какие бы то ни было божественные влияния — во всяком случае, в области сновидений.

Цицерон: сны — путаные представления

Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.), государственный деятель и знаменитый древнеримский оратор, хотя и придерживался эклектических философских взглядов, высказал по поводу сновидений суждение, отличающееся древнеримским здравым смыслом. Цицерон подверг критике весь опыт снотолкования древних. Он не отрицал, что в иных случаях снотолкование может соответствовать действительности, но, как правило, душа во сне остается без управления и порождает всякого рода путаные представления. Цицерон отвергал существование божественного откровения во сне. Сны так

часто обманывают, что верить им нельзя: лжецу, дескать, не верят и тогда, когда он сказал — однажды — правду.

Лукреций Кар: сны — в природе вещей

В известнейшей поэме «О природе вещей» древнеримского философа и поэта Лукреция Кара (ок. 96—55 гг. до н. э.) находим фрагмент, в котором он излагает взгляды на происхождение и содержание сновидений:

Как или сыт, иль устал, ибо тут постигает смятенье
Многое множество тел, потрясенных тяжелой работой.
Это ведет и к тому, что душа забивается частью
Глубже, а вон выходя, она бо́льшим потоком стремится
И, разделяясь внутри, дробится гораздо сильнее.

Если же кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно,
Иль отдавалися мы чему-нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий тяжбы ведет, составляет условия сделок,
Военачальник идет на войну и в сраженья вступает,
Кормчий в вечной борьбе пребывает с морскими ветрами,
Я — продолжаю свой труд, и вещей неуклонно природу,
Кажется мне, я ищу и родным языком излагаю.
Да и другие дела и искусства как будто бы часто
Мысли людей, погрузившихся в сон, увлекают обманно.
Если подряд много дней с увлечением играми занят
Был кто-нибудь непрерывно, мы видим, что, большею частью,
Даже когда прекратилось воздействие зрелищ на чувства,

Все же в уме у него остаются пути, по которым
Призраки тех же вещей туда проникают свободно.
Так в продолжение дней эти самые призраки реют
Перед глазами людей, и они, даже бодрствуя, видят
Точно и пляски опять, и движения гибкого тела;
Пение звонких кифар и говора струн голосистых
Звук раздается в ушах, и привычных зрителей видно,
Сцена открыта опять и пестреет блестящим убранством.
Вот до чего велико значение склонностей, вкусов,
Как и привычки к тому постоянному делу, которым
Заняты люди, а кроме людей и животные также.
Можешь ведь ты наблюдать, в самом деле, как быстрые кони,
В сон погрузившись, потеть начинают, дышать учащенно,
Будто упорно скача за пальмою первенства в беге
Иль, из ограды летя открытой, стремительно мчатся.
Часто охотничьи псы, несмотря на спокойную дрему,
Вдруг или на ноги вскочат, иль громко внезапно залают,
Нюхают воздух кругом, беспокойно ноздрями поводят,
Будто бы чуют они и по следу рыщут за зверем;
Или, во сне увидав уходящего быстро оленя,
Гонят его наяву, обманный преследуя призрак,
И, лишь очнувшись от сна, прекращают напрасную травлю.
Ласковых племя щенят, к хозяйскому дому привыкших,
То ощетинится вдруг, то хочет с земли приподняться,
Будто бы видят они чужих незнакомые лица.
И чем свирепее норов у каждой отдельной породы,
Тем и неистовей будет она и во сне непременно.
Пестрые птицы летят и трепетом крыльев внезапным
Рощ священных покой нарушают ночною порою,
Коль в усыплении легком почудится им, что в погоне
Ястреб над ними парит и отважно бросается сверху.
Также и люди во сне постоянно свершать продолжают

Те же деянья, какие и въяве они совершали:
Грады пленяют цари, полоняются сами, воюют,
Крик подымая такой, как будто их режут на месте;
Многие бьются вразмах, жестоко вопят от мучений,
Точно свирепому льву иль пантере даны на съеденье,
И оглашают далеко округу стенанием громким.
Многие также во сне выдают сокровенные тайны,
И выдавали не раз иные свои преступленья.
Многим является смерть, а многие будто с высоких
Гор низвергаются вниз и, будто всей тяжестью тела
Рухнув, в безумье со сна не могут опомниться сразу
В страхе: бросает их в жар, и дрожь пробегает по телу.
Также и жаждущий пить у ручья себя видит и, жадно
Ртом приникая к воде, точно всю ее выпить стремится.
Мальчики часто во сне, представляя себя иль у ямы,
Иль у ночного горшка с приподнятой кверху рубашкой,
Весь выпускают запас накопившейся влаги из тела
И покрывала насквозь вавилонские пышные мочат.
К тем же, в кого проникать и тревожить их бурную юность
Начало семя, в тот день, лишь во членах оно созревает,
Сходятся призраки вдруг, возникая извне и являя
Образы всяческих тел, прекрасных лицом и цветущих.
Тут раздражаются в них надутые семенем части,
Так что нередко они, совершив как будто, что надо,
Вон выпуская струю изобильную, пачкают платье[4].

Итак, сновидения отражают повседневную деятельность; сны — в природе вещей.

Другие: от Гераклита до Лукреция Кара

Забота о будущем: архаика снов

Их было много, других,
столько, что мы не можем себе и представить;
думаю, мы потеряли несравненно больше,
чем смогли в конце концов отыскать.

Примечания

[1] Цит. по: *Вольперт И. Е.* Сновидения в обычном сне и гипнозе / Под ред. Д. А. Бирюкова.— Л.: Медицина. Лениградск. отд., 1966.— С. 13.

[2] В своем трактате Аристотель пытается дать физиологическое объяснение сна, причем его истолкования носят весьма фантастический характер: сон, по мнению Аристотеля, есть реакция организма на концентрацию или сгущение теплоты «в глубине» тела.

[3] Здесь и ниже цит. по: *Вольперт И. Е.* Сновидения в обычном сне и гипнозе / Под ред. Д. А. Бирюкова.— Л.: Медицина. Лениградск. отд., 1966.— С. 14—15.

[4] Цит. по: *(Lucretius Carus) Лукреций Кар.* О природе вещей: Пер. с лат. и ред. Ф. А. Петровского.— М.: Изд-во АМН СССР, 1946.— Кн. IV.— С. 263—267.

Гиппократов корпус: сны диететичны

Традиция толкования сновидений вот-вот да станет вспомогательной диететической, медицинской практикой, диагностическим приемом, вслед за чем должны воспоследовать ее встраивание в соответствующий аппарат и бесследная ассимиляция.

В написанном около 400 года до н. э. трактате «О диете», входящем в состав «Гиппократова сборника» (IV книга так и называется — «О сновидениях»), говорится, что наука о сновидениях должна изучать сон исходя из практики, что сны прочно связаны с физическим состоянием, телесными недугами и психическими заболеваниями.

«Кто имеет правильное понятие о признаках, проявляющихся во сне, тот найдет, что они обладают большой силой для всякой вещи. Действительно, душа в то время, когда она обслуживает бодрствующее тело, разделяется между несколькими занятиями и не принадлежит самой себе, но отдает известную

долю своей деятельности каждому занятию тела: слуху, зрению, осязанию, ходьбе, всем телесным занятиям; таким образом, рассудок не принадлежит себе. Когда же тело отдыхает, душа, движущаяся и пробегающая части тела, управляет своим собственным жилищем и совершает сама все телесные действия. Действительно, спящее тело не чувствует, а она — душа,— бодрствуя, познает, видит то, что видно, слышит то, что слышно, ходит, осязает, печалится, обдумывает, исполняя на небольшом пространстве, где она есть во время сна, все функции тела. Таким образом, кто умеет здраво судить об этом, знает большую часть мудрости.

Между сновидениями те, которые божественны и предсказывают городам или частным людям, что случится дурного или хорошего не по их вине, имеют истолкователей, которые обладают на этот счет точным искусством. Но и сновидения, в которых душа указывает телесные недуги, излишек полноты или пустоты прирожденных вещей или перемену по отношению к вещам непривычным, также объясняются теми же толкователями, которые иногда попадают верно, иногда ошибаются, никогда не зная, почему случается, что иногда они попадают верно, иногда ошибаются. Указывая на необходимость остерегаться, чтобы не испытать какого-либо зла, они не учат, как нужно остерегаться, но приказывают молиться богам.

Молитва — вещь, без сомнения, подходящая и прекрасная, но, призывая богов, нужно и самому помогать себе.

В этом случае дело обстоит следующим образом: сновидения, передающие дневные действия или мысли человека в сле-

дующую ночь и представляющие правильным образом то, что было сделано или обсуждалось в течение дня, благоприятны для человека, ибо они указывают на здоровье, поскольку душа пребывает в мыслях дня, не будучи тревожима никакой плеторой[1], никаким опустошением и ничем иным, приходящим извне. Когда же сновидения противоречат дневным поступкам и когда сверх того есть борьба или победа, это обозначает расстройство в теле; если это расстройство сильно — зло велико, если ничтожно, то и зло слабее. Что касается самого приснившегося деяния, я не решаю, нужно или нет придавать ему значение, но я советую лечить тело человека, ибо ясно, что собралась какая-нибудь полнота и от этого произошло выделение, расстроившее душу. Итак, если во сне будет сильное противоречие, полезно вызвать рвоту и вводить легкую пищу в течение пяти дней, постепенно что-нибудь прибавляя, и широко пользоваться утренними быстрыми прогулками, следуя известной постепенности, и производить упражнения в соответствии с возрастающим питанием. Если же противоречие сна будет более слабо, воздержавшись от рвоты, отними третью часть пищи, потом в течение пяти дней снова постепенно увеличивай ее; следует упорно держаться прогулок, упражнять голос, призывать богов — и расстройство успокоится.

Видеть во сне солнце, луну, небо и чистые, легко движущиеся звезды такими, как они должны быть,— благоприятно; это обещает телу здоровье со стороны всего, что в нем есть; но нужно постоянно поддерживать это здоровое состояние

при помощи диеты. Если же снится нечто противоположное этому, это предвещает телу некоторую болезнь: более сильную — от более сильного противоречия и более легкую — от более слабого. Звездам принадлежит внешний круг, солнцу — средний, луне — то, что около полого места. Если какая-нибудь из этих звезд представляется потухающей, поврежденной, исчезающей или остановленной в своем кругообращении и когда звезда претерпевает это от воздуха или от облака, действие бывает более слабое; если же от воды или града — более сильное; во всяком случае это знак того, что влажное слизистое выделение, образовавшееся в теле, выступило на внешнюю поверхность. В этом случае полезен продолжительный бег в платье, постепенно усиливаемый до появления возможно более сильного пота, большие прогулки после посещения гимнасия, отказ от завтрака, сокращение питания на одну треть, к чему следует прийти постепенно на протяжении пяти дней. Если зло окажется более сильным, нужно прибегнуть к паровым баням, потому что надлежит сделать очищение через кожу, ибо вред находится на наружной поверхности; нужно употреблять пищу сухую, острую, пряную и чистую и упражнения, особенно содействующие высушиванию. Если страдающей стороной становится луна, полезно направить отвлечение на внутреннее, пользуясь рвотой с помощью острой, соленой и мягкой пищи, упражнениями голоса, лишением завтрака, уменьшением пищи и постепенным увеличением ее. Отвлечение должно касаться внутренностей потому, что вред появился в полых частях тела. Если терпит солнце,

это уже — зло более сильное, и его гораздо труднее изгнать. В этом случае отвлечение надо делать с обеих сторон, пользуясь огибающим бегом, игрой в обруч, прогулками и всеми другими трудами, а также уменьшением питания с постепенным увеличением; потом — рвотами и снова постепенным увеличением питания в течение пяти дней. Если при ясном небе небесные светила представляются сжатыми, слабыми и затрудненными в своем вращении сухостью, то это указывает на опасность впасть в болезнь. Но тогда нужно уменьшить труды, пользоваться диетой мягкой и более влажной, ваннами; побольше бездействия, много сна, пока болезнь не исчезнет. Если то, что противостоит светилам, огневидно и горячо, это обозначает выделение желчи; если светила не берут верх, это предвещает болезнь; если — побежденные — они кажутся даже угасающими, это предвещает опасность прийти через болезнь к смерти. Если то, что представляется во сне, кажется обращенным в бегство и быстро несущимся под преследованием другого, есть опасность для человека заболеть манией, если не начать лечить. Во всех этих случаях в особенности подобает очиститься посредством чемерицы и сесть на диету; в противном случае следует придерживаться водной диеты, вина не пить или только белое, легкое, мягкое и водянистое; воздерживаться от веществ острых, высушивающих, горячительных, соленых; много естественных упражнений; много прогулок; никаких натираний, никакой борьбы, никакого валяния в пыли; много сна на мягкой постели; отдых, за исключением естественных трудов; прогул-

ки после обеда. Хорошо также пользоваться паровыми банями. После бани надо вызывать рвоту и в течение тридцати дней не следует насыщаться, а если насыщение произошло, нужно вызывать рвоту два раза в месяц при питании мягком, водянистом и легком. Когда небесные светила снятся блуждающими без нужды там и сям, это указывает на некоторое волнение души от забот. В этом случае подобает отдохнуть и обратить душу на зрелища, в особенности на те, которые вызывают смех; если же их нет — на те, которые доставляют больше всего удовольствия, в течение двух-трех дней, и это успокоится. В противном случае есть опасность впасть в болезнь. Когда какое-нибудь из небесных светил кажется удалившимся с кругового пути, если оно чисто, блестяще и кажется несущимся на восток, это признак здоровья, ибо если то, что, будучи чисто в теле, удаляется со своего кругового пути естественным движением от вечера до зари, то это правильно; и действительно, что отделяется в живот и что приносится в мясо,— все выпадает с кругового пути. Если то, что в небе, представляется чем-то черным, мрачным, или идущим к западу, к морю или к земле, или кверху,— это предвещает болезни: несущееся кверху возвещает истечение из головы; идущее к морю — болезни желудка; к земле — опухоль, образующуюся преимущественно в мышцах. В этих случаях подобает сократить треть пищи и вызвать рвоту, после чего надо увеличивать пищу в течение пяти дней и в течение пяти дней возвратиться к полной пище, затем опять вызвать рвоту и снова проделать все то же самое. Когда небес-

ное тело — чистое и влажное — кажется опускающимся на тебя,— это знак здоровья, ибо из эфира спускается на человека нечто чистое и душа человека созерцает его таким, каким оно сходит. Но если небесное тело черно и нечисто, непрозрачно,— это указывает на болезнь не вследствие полноты или опорожнения, но вследствие какого-то внешнего вмешательства. В этом случае подобает пользоваться быстрым бегом с обручем, чтобы, с одной стороны, было наименьшее разжижение тела, а с другой, чтобы то, что вошло, было изгнано в связи с учащенным дыханием. После бега с обручем — быстрые прогулки; мягкая и легкая диета в течение четырех дней. Все, что поступает чистого от чистого бога,— благоприятно для здоровья, ибо это признак чистоты вошедшего в тело. То же, что имеет противоположный вид, нехорошо, ибо обозначает, что в тело вошла болезнь, и необходимо, следовательно, лечение, как раньше. Если снится теплый дождь в тихую погоду без проливного дождя или сильной бури, это хорошо, ибо это признак, что дыхание вошло чистым и в надлежащий мере. Но если видят противное — сильный дождь, бурю, ураган, излияние нечистой воды,— это указывает на болезнь вследствие введенного воздуха. Здесь применима та же диета; во всех этих случаях надо употреблять мало пищи. Таким образом, узнав о небесных знаках, нужно заранее позаботиться установить диету и молить богов: при хороших знаках — Гелиоса, небесного Зевса, Зевса Ктезия, Афину Ктезию, Гермеса и Аполлона; при обратных знаках —

богов, отвращающих зло: Гею и героев, чтобы все эти болезни были отвращены.

Вот еще предвестники здоровья: отчетливо видеть и слышать то, что находится на земле; уверенно ходить; уверенно и безбоязненно бегать; видеть ровную и хорошо возделанную землю, покрытые листьями и плодами деревья, плавно текущие реки с чистой водой, стоящей ни выше, ни ниже, чем следует, источники и колодцы такого же вида. Все это видимое таким образом указывает, что человек находится в здоровье и что его тело работает правильно со всем его кругооборотом, со всеми его поступлениями пищи и со всеми его выделениями. Если снится совсем обратное, это является знаком того или другого повреждения в теле. Если видят поврежденными зрение или слух — это указывает на болезнь головы; нужно пользоваться, кроме предшествовавшей диеты, многочисленными прогулками— и утренними и послеобеденными. Если видят поврежденными ноги, надо сделать отвлечение посредством рвоты, и в большей мере, чем при предшествующей диете, пользоваться борьбой. Когда видят выбоистую землю, это служит признаком, что мясо не чисто; поэтому надо много гулять после гимнастических упражнений. Если привиделись деревья, лишенные плодов, это указывает на порчу человеческой спермы; если деревья теряют свою листву — повреждение зависит от действия влажного и холодного; если, наоборот, деревья зелены, но бесплодны,— повреждение обязано действию горячего и сухого, и потому необходимо диетой сушить и согревать в одном

случае и охлаждать и увеличивать — в другом. Реки, текущие неправильно, указывают на круговое движение крови: при высокой воде — избыток крови, при низкой — недостаток крови; диетой нужно увеличить там, уменьшить здесь. Если воды рек не чисты, это признак расстройства; очищение произойдет при помощи бега с обручем и прогулок, вызывающих ускорение дыхания. Источники и колодцы указывают на нечто относящееся к мочевому пузырю; необходимо прибегнуть к мочегонным средствам. Волнующееся море указывает на болезнь живота; нужно очищение посредством слабительных и легкой и мягкой пищи. Если видят, что колеблются земля или дом, это указывает у человека здорового на слабость, а у больного — на улучшение здоровья и перемену настоящего положения. Поэтому здоровый человек должен изменить свою диету; сначала он вызовет у себя рвоту, а затем мало-помалу восстановит свое питание, поскольку настоящее питание расстраивает его тело. Больному же подобает пользоваться той же самой диетой, потому что тело уже на пути к излечению своего настоящего состояния. Видеть землю, затопляемую водой или морем, указывает на болезни, ибо это значит, что в теле находится много влаги. Необходимо прибегнуть к рвоте, отказу от завтрака, трудам, сухому питанию, потом увеличению пищи, начиная от малого и понемногу. Видеть черную и сожженную землю не является также хорошим признаком: есть опасность заболеть жестокой и смертельной болезнью, ибо это признак избытка сухости в мышцах; нужно уменьшить труд и отка-

заться от сухой, горячей, острой и мочегонной пищи, а питаться нужно в небольшом количестве водой из птизаны, хорошо сваренной, и всем тем, что мягко и легко. Питье должно быть обильное, водянистое и белое; много горячих ванн, но не следует купаться натощак; спать надо на мягком, больше отдыхать, избегать холода и солнца; молиться Гее, Гермесу и героям. Если видишь себя плавающим в пруде, море или реке,— это нехорошо; это указывает на излишек влаги; полезно и в этом случае осушить себя диетой, пользуясь многими упражнениями; для страдающих лихорадкой это хорошо, ибо жар потухает от влажных вещей.

Если кто видит на себе хорошо сидящую вещь, как раз по его фигуре (ни шире, ни уже, чем следует), это хорошо для здоровья. Хорошо также видеть себя одетым в белое платье и прекрасную обувь. Но если какая-либо из частей тела кажется или слишком большой, или слишком маленькой,— это нехорошо. Необходимо, пользуясь диетой, в одном случае прибавлять, в другом урезывать. Черные вещи больше указывают на болезнь и опасность, и в этом случае нужно смягчать и увлажнять. Новые вещи предвещают перемену.

Видеть чистых и одетых в белое мертвых — хорошо, точно так же хорошо получать от них что-нибудь чистое, ибо это знак здоровья тела и того, что туда введено. Действительно, от мертвых происходит пища, возрастание и семя, и, если это входит чистым в тело,— это признак здоровья. Если кто видит противоположное: голых, или одетых в черное, или нечистых, получающих что бы то ни было или уно-

сящих что-нибудь из дома,— это неблагоприятно, потому что указывает на болезнь, на то, что входящее в тело вредно; нужно очищаться, пользуясь бегом с обручем, прогулками и затем пищей — мягкой и легкой, которую следует постепенно увеличивать, вызывая рвоты.

Если являются в снах и пугают человека тела странной формы, это указывает на полноту от непривычной пищи, на выделение, желчное истечение и опасную болезнь. Нужно вызвать рвоту, после чего в течение пяти дней принимать пищу наиболее легкую, не обильную, не острую, иссушающую, не горячительную, постепенно увеличивая ее. Что касается упражнений, нужно пользоваться в особенности естественными, за исключением послеобеденных прогулок. Нужно принимать горячие ванны, отдыхать, беречься солнца и холода. Если видишь во сне, что ешь или пьешь обычную пищу и питье,— это указывает на нужду в питании и на желание души. Крайне жесткое мясо указывает на крайнюю степень потребности; мясо более слабое указывает на меньшую нужду. Есть во сне так же хорошо, как и есть в действительности. Не следует поэтому сокращать питание, ибо этот знак свидетельствует о том, что есть большая потребность в пище. Подобное же значение имеет и то, когда во сне едят хлеб с сыром и медом. Пить прозрачную воду — хороший знак; остальное вредно. Все обычные предметы, которые человек видит во сне, указывают на желание души. Все, от чего человек бежит в испуге, указывает на остановку крови от сухости; следует охладить и увлажнить тело. Когда кто сражается, бывает ранен

или связан кем-нибудь другим, указывает, что в теле образовались выделения, мешающие круговороту. Следует вызвать рвоту, высушить себя, гулять, употреблять легкое питание и после рвоты повышать питание в течение пяти дней. Заблудиться или подниматься с трудом — имеет то же значение. Переправа через реку, тяжело вооруженные воины, враги, чудовища странной формы — все это указывает на болезнь или бред; следует употреблять в небольшом количестве легкую и мучную пищу, вызывать рвоты и потом осторожно увеличивать пищу в течение пяти дней; многочисленные упражнения соответственно природе, но только не после обеда; горячие ванны, отдых; остерегаться холода и солнца. Следуя начертанным мной указаниям, человек будет здоров в течение всей своей жизни, и мной была открыта диета, сколь возможно открыть ее человеку, споспешествуемому богами»[2].

Итак: «От этой же самой части нашего тела [головного мозга] мы и безумствуем и сумасшествуем, и являются нам страхи и ужасы, одни ночью, другие днем, а также сновидения и заблуждения неуместные и заботы беспричинные»[3].

* * *

Интересный факт: по прошествии пяти, даже шести столетий, во II веке н. э. Гален (129—199 гг.) в трактате «О диагностике с помощью сновидений» занимает позицию в одном ряду с авторами «Гиппократова сборника», считая, что сновидение указывает на состояние тела; сновидения могут иметь значение при распознавании и лечении болезней[4]. Од-

нако и состояние души обусловливает картины сновидений, поскольку последние относятся к тому, что мы ежедневно делаем и о чем думаем.

Возможно, этот пример неуместен, поскольку та ассимиляция, которая, казалось, непременно должна произойти, так никогда и не состоялась.

**Ничего не происходит —
и практика интерпретации сновидений все так же далека
от медицины, равно как и от других искусств и наук.
Она все так же рассеяна в повседневности,
кристаллизуясь вне времени и смысла,
вне точных понятий, вне кодексов, вне систем.**

Забота о будущем: архаика снов

Примечания

[1] Имеется в виду избыточное полнокровие.

[2] Цит. по: *(Ἱπποκρατης) Гиппократ*. Сочинения: Пер. с греч. В.И. Руднева.— Т. 2.— М.: Биомедгиз, 1944.— С. 495—502.

[3] Цит. по: *Вольперт И. Е.* Сновидения в обычном сне и гипнозе / Под ред. Д.А. Бирюкова.— Л.: Медицина. Лениградск. отд., 1966.— С. 16—17.

[4] Гален тем не менее осуждает врачей, которые, не ознакомившись как следует с сущностью болезни, лечат, руководствуясь одними сновидениями.

Архаика Ваших снов

Что же есть эта архаика наших снов?

Это — сны второго детства — сны непонятого, великолепного, блистающего мира, сны, когда цивилизация, люди уже есть, когда, точнее, они уже были — но ушли, оставив этот мир тебе одному, счастливому этим невероятным подарком. В них ты один, или один ты — человек, в них ты мыслишь категориями тела, категориями только что обжитого мира, в них ты видишь те древние сны, которые видели античные жители. В них все живое — но живое осмысленно, пластично, величественно; это совсем не те перворoccодные силы, которые характерны для реликтовых снов.

* * *

Первым я хочу привести сон, который в моей тетради, куда я записывал свои сны,— и, к слову, никогда — чужие,— был записан как *«стены дерна, океан»*.

Я карабкался, перебирался по каким-то плотным, невысоким, рядами уложенным тюкам, которые, согласно моему тогдашнему детскому словарю, были дерном (плотно сбитые брикеты из живых, завядших, полусухих трав, но вроде бы с живыми корнями). Их ряды-стенки простирались бесконечно, насколько хватало глаз. Перебираясь через очередную стену, я увидел впереди океан — бескрайнее пространство серой, предгрозовой, волнующейся воды. Я был один под стальным небом, я был счастлив.

Я видел также сон, странным образом стилизованный (может быть, это слово неуместно?) под античность.

Мне снился океан, пересекающиеся, переплетенные мосты. В грязи у обочины — старик-меняла. Мы (не помню, с кем именно) идем на другой мост. По левую сторону океана нависает великолепный небосвод — заря, облака, сияющее золотое солнце. Я думаю, что земля плоская; по окружности, выше линии горизонта — сияющие белые фигуры (ангелы? Но другие, чем христианские, какие-то не такие, хотя уже с крыльями — ориенталистские влияния?). По небу кружат фигуры мифологических персонажей, объемные, лепные. Чувствую жгучий интерес, наслаждаюсь картиной блистающего мира.

Было несколько снов о *гигантской дороге* (хотя, возможно, это был подвесной мост). Я двигался, пробирался, карабкался вверх.

Эти сны запомнились ощущением громадности пространства, протяженности этой дороги; не исключено, что они связаны со сновидениями о полете.

Очень давний сон — мне снился разрушенный мост.

Я и сейчас вижу громадные опоры, разрушенные балки и перекрытия моста, уходящие вдаль над ярчайшими нежно-зелеными всходами (может быть, это культивируемые посевы?). Парит залитая солнцем земля. Я — на мосту, иду по нему, точнее, хожу туда-сюда; я вижу место, где мост обрывается, там, впереди. Ощущения одиночества и счастья.

Часто снились гигантские *стога сена*; приведу один из таких снов.

Я нахожусь на исполинском стоге сухой травы; пасмурный день. Вокруг луга, возможно холмы, но я поглощен своим занятием: балансирую на краю стога, пытаясь удержаться, найти безопасное, комфортное, уютное место.

Окружающий мир в моих снах часто представал *съедобным*.

Мне снится, что я иду по улице, вдоль кладки,— каменной, просится на язык,— но нет, стена сложена из каких-то съедобных брикетов,— что-то вроде плотных вяленых, сушеных фруктов, не различишь каких. Поверх стены сидят сфинксы, в них есть что-то от гарпий. Я отламываю

часть одного из брикетов, пробую его, жую. Вроде бы переговариваюсь с монстрами, или они просто говорят между собой, я же лишь слушаю? Вдоль стены прохожу к зданию, вхожу внутрь. Это школа; холл — вверху переходящий в купол. Я взлетаю, парю над перилами, минуя пролеты лестницы. В следующий момент сна вижу классы, залитые предвечерним солнцем, пустые; полированные столы, сиденья. Сквозь просторные деревянные окна вижу старые тополя, за ними — огромное красное солнце. Ощущение умиротворенности, тепла, уюта.

В сне, который я хочу сейчас рассказать, есть другой человек, но я не вижу его лица; это девочка, я ничего не знаю о ней.

Сон несколько сумбурный: обжитое городское пространство — площадка перед парком? рыночная площадь у подножья лестниц, ведущих в верхний город? что-то еще? Передо мной сидит девочка в позе полулотоса; отчетливо вижу короткие шорты, загорелые ноги с гладкой кожей, со светлыми, сверкающими волосками. Я не могу видеть ее лица; возможно, она склонила голову. Чувствую счастье: я нашел ее, я ее обрел, мне хорошо! Вижу какой-то расписной домик, вроде металлический, трейлер в два этажа; он кукольно мал, но войти можно. Оборачиваюсь и вижу ступени под мутной водой: огромная, ведущая вниз лестница медленно скрывается под водой, поднявшей всякий сор. Вода достигает уже верхушек елей, которыми обсажены лестничные марши. Я чувствую восторг, собираюсь броситься

в воду, предвкушаю упоительное плаванье среди зданий, церквей, деревьев.

Вот сон-картинка, который я назвал «*лето, сказка*».

Снится: я пробираюсь по каким-то низким, провисшим мосткам над ядовито-зеленой, пестрящей цветами зеленью, покрывавшей болотистую почву. Вокруг густой, пропитанный солнцем лес. Впереди что-то, что вызывает жгучий интерес. Я оборачиваюсь: за спиной, сбоку, возвышается крутой холм; это необычный холм, он затаенно ждет, но он не опасен. Ощущение сказки и волшебства.

Еще один сон, тоже скорее сон-картина, поскольку в нем мало действия, был записан у меня так: «*человек над бездной, карьеры, раковины*».

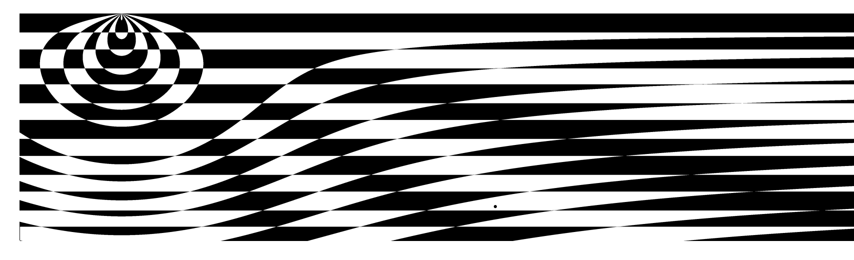
Мне снится, что я сижу на краю огромного песчаного обрыва-карьера, какие я очень любил в детстве: подрытого, со свисающими корнями, внизу с какими-то наносами, отмелями, руслами ручьев, водяными разводами. Вдалеке — так далеко, что все кажется плоским рисунком, подернутым дымкой,— вижу штрихи: да это же летящий человек! Он свободно парит в высоте; это, как мне кажется, его занятие. Различаю щеточку леса под ним; нет, лес много дальше, это расстояние искажает перспективу. Затем вижу подъезды к отелю: подъездные дорожки напоминают об одном месте на Французской Ривьере, где любила отдыхать моя семья. Я вижу, что под листьями па-

поротников (?), на асфальте, лежат раковины. Ощущение спокойного уюта, привычного мира, детского счастья.

Еще один интересный сон, который я после некоторого колебания отнес к архаическим.

Снится: я иду мимо сквера — из-под сдвинутого постамента вылезает белоснежная статуя, которая должна бы стоять на нем; кажется, это тот человек, которому и был поставлен памятник. Чуть погодя покупаю старые книги по психиатрии.

Ты никогда не сможешь забыть блистающий мир архаических снов,—память о них сильнее тебя; ты думаешь, почему об античности говорят, что она — колыбель европейской культуры?

Прецеденты, которые будут канонизированы: библейские сновидения

«Множество снов в Ветхом Завете, редкие сны в Новом Завете»,— этой емкой фразой начинает Ле Гофф[1] описание библейского наследия сновидений[2].

Особое значение в Библии придается снам, посылаемым Яхве, Богом, который через них предупреждает своих избранников или высказывает им свои повеления (в Ветхом Завете это касается евреев); сны также посылаются Богом высокопоставленным язычникам (фараону, царям Навуходоносору, Самуилу, Соломону). В последнем случае речь идет о так называемых «королевских снах», издавна, с первых дней культурной истории человечества являющих собой привилегированную категорию сновидений.

Взглянем на сновидения Навуходоносора, истолкованные пророком Даниилом — *сон об истукане* (Даниил 2:1—47) и *сон о дереве* (Даниил 4:1—25).

Забота о будущем: архаика снов

Видение истукана

Во второй год царствования Навуходоносора снились Навуходоносору сны, и возмутился дух его, и сон удалился от него. И велел царь созвать тайноведцев, и гадателей, и чародеев, и халдеев, чтобы они рассказали царю сновидения его. Они пришли и стали перед царем. И сказал им царь: «сон снился мне, и тревожится дух мой; желаю знать этот сон». И сказали халдеи царю по-арамейски: «царь! вовеки живи! скажи сон рабам твоим, и мы объясним значение его». Отвечал царь и сказал халдеям: «слово отступило от меня; если вы не скажете мне сновидения и значения его, то в куски будете изрублены, и домы ваши обратятся в развалины. Если же расскажете сон и значение его, то получите от меня дары, награду и великую почесть; итак, скажите мне сон и значение его». Они вторично отвечали и сказали: «да скажет царь рабам своим сновидение, и мы объясним его значение». Отвечал царь и сказал: «верно знаю, что вы хотите выиграть время, потому что видите, что слово отступило от меня. Так как вы не объявляете мне сновидения, то у вас один умысел: вы собираетесь сказать мне ложь и обман, пока минет время; итак, расскажите мне сон, и тогда я узнаю, что вы можете объяснить мне и значение его». Халдеи отвечали царю и сказали: «нет на земле человека, который мог бы открыть это дело царю, и потому ни один царь, великий и могущественный, не требовал подобного ни от какого тайноведца, гадателя и халдея. Дело, которого царь требует, так трудно, что никто другой не может открыть его царю, кроме богов, которых обитание не с плотью». Рассвирепел царь, и сильно разгневался на это, и приказал истребить всех мудрецов вавилонских.

Когда вышло это повеление, чтобы убивать мудрецов, искали Даниила и товарищей его, чтобы умертвить их. Тогда Даниил обратился с советом и мудростью к Ариоху, начальнику царских телохранителей, который вышел убивать мудрецов вавилонских; и спросил

Ариоха, сильного при царе: «почему такое грозное повеление от царя?» Тогда Ариох рассказал все дело Даниилу. И Даниил вошел, и упросил царя дать ему время, и он представит царю толкование сна.

Даниил пришел в дом свой и рассказал дело Анании, Мисаилу и Азарии — товарищам своим, чтоб они просили милости у Бога Небесного об этой тайне, дабы Даниил и товарищи его не погибли с прочими мудрецами вавилонскими. И тогда открыта была тайна Даниилу в ночном видении, и Даниил благословил Бога Небесного. И сказал Даниил: «да будет благословенно имя Господа от века и до века! ибо у Него мудрость и сила; Он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей; дает мудрость мудрым и разумение разумным; Он открывает глубокое и сокровенное, знает, что во мраке, и свет обитает с Ним. Славлю и величаю Тебя, Боже отцов моих, что Ты даровал мне мудрость и силу и открыл мне то, о чем мы молили Тебя; ибо Ты открыл нам дело царя». После сего Даниил вошел к Ариоху, которому царь повелел умертвить мудрецов Вавилонских, пришел и сказал ему: «не убивай мудрецов вавилонских; введи меня к царю, и я открою значение сна». Тогда Ариох немедленно привел Даниила к царю и сказал ему: «я нашел из пленных сынов Иудеи человека, который может открыть царю значение сна». Царь сказал Даниилу, который назван был Валтасаром: «можешь ли ты сказать мне сон, который я видел, и значение его?»

Даниил отвечал царю и сказал: «тайны, о которой царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведцы, ни гадатели. Но есть на небесах Бог, открывающий тайны; и Он открыл царю Навуходоносору, что будет в последние дни. Сон твой и видения главы твоей на ложе твоем были такие: ты, царь, на ложе твоем думал о том, что будет после сего? и Открывающий тайны показал тебе то, что будет. А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих, но для того, чтобы открыто было царю разумение и чтобы ты узнал помышле-

ния сердца твоего. Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю. Вот сон! Скажем пред царем и значение его. Ты, царь, царь царей, которому Бог Небесный даровал царство, власть, силу и славу; и всех сынов человеческих, где бы они ни жили, зверей земных и птиц небесных Он отдал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми ими, ты — эта золотая голова! После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею. А четвертое царство будет крепко, как железо; ибо как железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать. А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины горшечной, а частью из железа, то будет царство разделенное, и в нем останется несколько крепости железа, так как ты видел железо, смешанное с горшечною глиною. И как персты ног были частью из железа, а частью из глины, так и царство будет частью крепкое, частью хрупкое. А что ты видел железо, смешанное с глиною горшечною, это значит, что они смешаются через семя человеческое, но не сольются одно с другим, как железо не смешивается с глиною. И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно, так как ты видел, что камень отторгнут

был от горы не руками и раздробил железо, медь, глину, серебро и золото. Великий Бог дал знать царю, что будет после сего. И верен этот сон, и точно истолкование его!»

Тогда царь Навуходоносор пал на лице свое и поклонился Даниилу и велел принести ему дары и благовонные курения. И сказал царь Даниилу: «истинно Бог ваш есть Бог богов и Владыка царей, открывающий тайны, когда ты мог открыть эту тайну!»

Видение дерева

Я, Навуходоносор, спокоен был в доме моем и благоденствовал в чертогах моих. Но я видел сон, который устрашил меня, и размышления на ложе моем и видения головы моей смутили меня. И дано было мною повеление привести ко мне всех мудрецов вавилонских, чтобы они сказали мне значение сна.

Тогда пришли тайноведцы, обаятели, халдеи и гадатели; я рассказал им сон, но они не могли мне объяснить значения его. Наконец вошел ко мне Даниил, которому имя было Валтасар — по имени бога моего, и в котором дух святого Бога; ему рассказал я сон.

Валтасар, глава мудрецов! я знаю, что в тебе дух святого Бога, и никакая тайна не затрудняет тебя; объясни мне видение сна моего, который я видел, и значение его. Видения же головы моей на ложе моем были такие: я видел — вот, среди земли дерево весьма высокое. Большое было это дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли. Листья его прекрасные, и плодов на нем множество, и пища на нем для всех; под ним находили тень полевые звери, и в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть. И видел я в видениях головы моей на ложе моем, и вот, нисшел с небес Бодрствующий и Святый. Воскликнув громко, Он сказал: «срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его;

пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; но главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается небесною росою, и с животными пусть будет часть его в траве земной. Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное, и пройдут над ним семь времен. Повелением Бодрствующих это определено и по приговору Святых назначено, дабы знали живущие, что Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его, кому хочет, и поставляет над ним уничиженного между людьми». Такой сон видел я, царь Навуходоносор; а ты, Валтасар, скажи значение его, так как никто из мудрецов в моем царстве не мог объяснить его значения, а ты можешь, потому что дух святого Бога в тебе.

Тогда Даниил, которому имя Валтасар, около часа пробыл в изумлении, и мысли его смущали его. Царь начал говорить и сказал: «Валтасар! да не смущает тебя этот сон и значение его». Валтасар отвечал и сказал: «господин мой! твоим бы ненавистникам этот сон, и врагам твоим значение его! Дерево, которое ты видел, которое было большое и крепкое, высотою своею достигало до небес и видимо было по всей земле, на котором листья были прекрасные и множество плодов и пропитание для всех, под которым обитали звери полевые и в ветвях которого гнездились птицы небесные, это — ты, царь, возвеличившийся и укрепившийся, и величие твое возросло и достигло до небес, и власть твоя — до краев земли. А что царь видел Бодрствующего и Святого, сходящего с небес, Который сказал: "срубите дерево и истребите его, только главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных, среди полевой травы, орошается росою небесною, и с полевыми зверями пусть будет часть его, доколе не пройдут над ним семь времен",— то вот значение этого, царь, и вот определение Всевышнего, которое постигнет господина моего, царя: тебя отлучат от людей, и обитание твое будет с полевыми зверями; травою будут кормить тебя, как вола, росою небесною ты будешь оро-

шаем, и семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет. А что повелено было оставить главный корень дерева, это значит, что царство твое останется при тебе, когда ты познаешь власть небесную. Посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой».

Все это сбылось над царем Навуходоносором.

В Вульгате различие между понятным видением и подлежащим толкованию сном, полагает Ле Гофф, в основном соответствует оппозиции visio — somnium. Во всяком случае, из христианского круга сновидений следует исключить видения в состоянии бодрствования. В христианстве сновидение — весьма обширная область религиозной антропологии — ассоциировано с состоянием сна. Граница между этими состояниями иногда весьма зыбка. В Книге Чисел Господь, похоже, отделяет visio и somnium от тех случаев, когда он встречается со своими избранниками лицом к лицу: «Слушайте слова Мои: если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с рабом Моим Моисеем,— он верен во всем дому Моему. Устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит» (Числа 12:6—8).

В этом тексте, считает Ле Гофф, представлен набросок иерархии сновидцев, определяемых на основании более или менее ясного характера божественных онейрических посланий и сообразно большей или меньшей приближенности сно-

видца к Богу. В Ветхом Завете возможно объединить в одну группу Моисея и патриархов как адресатов видений, в которых речи Господа не требуют толкования, в другую — царей и пророков, видящих сны и видения более загадочные, и, наконец, в третью — языческих царей, получателей онейрических посланий, требующих истолкования.

* * *

Еще один класс сновидений, который можно обнаружить в Библии,— *страшные сны*, воздействующие на психику и физическое состояние сновидца; сны, вызывающие ужас и содрогание.

В Ветхом Завете эти сновидения представлены, главным образом, кошмарными снами Иова (4:12—17; 7:13—14).

«И вот, ко мне тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нечто от него. Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей, объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои.

И дух прошел надо мною; дыбом стали волоса на мне. Он стал,— но я не распознал вида его,— только облик был пред глазами моими; тихое веяние — и я слышу голос:

“Человек праведнее ли Бога? и муж чище ли Творца своего?”»

Следующее изречение хорошо известно, точнее вторая его часть:

«Когда подумаю: “утешит меня постель моя, унесет горесть мою ложе мое”, ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня».

* * *

Сновидение содержит как зрительные образы, так и речь. Видения, возникающие в снах, наделены даром речи, и слова их, ясные или загадочные, несомненно, являются важным атрибутом божественного послания; «немые» видения редки. Пример — сновидение Иакова, когда ему снится лестница, ведущая с земли на небо: он, стоя на этой лестнице, слышит, как к нему обращается Бог (Бытие 28:11—18).

«И пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте. И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое, как песок земный; и распространишься к морю, и к востоку, и к северу, и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные. И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты не пойдешь; и возвращу тебя в сию землю; ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе.

Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоялся, и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные. И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником».

Существует мнение, что *в ветхозаветных сновидениях больше слов, а новозаветные видения преимущественно*

«немые», ибо главным чувством у евреев считался слух, а у греков — зрение; кажется, оно не лишено оснований[3].

* * *

Одни из наиболее известных библейских снов-притч — сны Иосифа. Посмотрим некоторые из них.

Господь направляет судьбу Иосифа, сына Иакова, и, через него, судьбу Израиля (Бытие 37:3—11)

Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его; и сделал ему разноцветную одежду. И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его, и не могли говорить с ним дружелюбно. И видел Иосиф сон, и рассказал [его] братьям своим: и они возненавидели его еще более. Он сказал им: выслушайте сон, который я видел: вот, мы вяжем снопы посреди поля; и вот, мой сноп встал и стал прямо; и вот, ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу. И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его. И видел он еще другой сон и рассказал его [отцу своему и] братьям своим, говоря: вот, я видел еще сон: вот, солнце, и луна, и одиннадцать звезд поклоняются мне. И он рассказал отцу своему и братьям своим; и побранил его отец его, и сказал ему: что это за сон, который ты видел? неужели я, и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли? Братья его досадовали на него; а отец его заметил это слово.

Иосиф, главный виночерпий и главный хлебодар фараона (Бытие 40:5—23)

Однажды виночерпию и хлебодару царя Египетского, заключенным в темнице, виделись сны, каждому свой сон, обоим в одну ночь, каждому сон особенного значения. И пришел к ним Иосиф поутру, увидел их, и вот, они в смущении. И спросил он царедворцев фараоновых, находившихся с ним в доме господина его под стражею, говоря: отчего у вас сегодня печальные лица? Они сказали ему: нам виделись сны; а истолковать их некому. Иосиф сказал им: не от Бога ли истолкования? расскажите мне.

И рассказал главный виночерпий Иосифу сон свой и сказал ему: мне снилось, вот виноградная лоза предо мною; на лозе три ветви. Она развилась, показался на ней цвет, выросли и созрели на ней ягоды. И чаша фараонова в руке у меня. Я взял ягод, выжал их в чашу фараонову и подал чашу в руку фараону. И сказал ему Иосиф: вот истолкование его: три ветви — это три дня. Через три дня фараон вознесет главу твою и возвратит тебя на место твое, и ты подашь чашу фараонову в руку его, по прежнему обыкновению, когда ты был у него виночерпием. Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет; и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома. Ибо я украден из земли евреев; а также и здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу.

Главный хлебодар увидел, что истолковал он хорошо, и сказал Иосифу: мне также снилось: вот на голове у меня три корзины решетчатых; в верхней корзине всякая пища фараонова, изделие пекаря, и птицы [небесные] клевали ее из корзины на голове моей. И отвечал Иосиф, и сказал [ему]: вот истолкование его: три корзины — это три дня; через три дня фараон снимет с тебя голову твою и повесит тебя на дереве, и птицы [небесные] будут клевать плоть твою с тебя.

Библейские сновидения: прецеденты

Забота о будущем: архаика снов

На третий день, день рождения фараонова, сделал он пир для всех слуг своих и вспомнил о главном виночерпии и главном хлебодаре среди слуг своих; и возвратил главного виночерпия на прежнее место, и он подал чашу в руку фараону. А главного хлебодара повесил [на дереве], как истолковал им Иосиф. И не вспомнил главный виночерпий об Иосифе, но забыл его.

Иосиф истолковывает сны фараона (Бытие 41:1—45)

По прошествии двух лет фараону снилось: вот, он стоит у реки. И вот, вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотью, и паслись в тростнике. Но вот, после них вышли из реки семь коров других, худых видом и тощих плотью, и стали подле тех коров, на берегу реки. И съели коровы худые видом и тощие плотью семь коров хороших видом и тучных.

И проснулся фараон, и заснул опять, и снилось ему в другой раз: вот, на одном стебле поднялось семь колосьев тучных и хороших. Но вот, после них выросло семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром; и пожрали тощие колосья семь колосьев тучных и полных. И проснулся фараон, и понял, что это сон.

Утром смутился дух его, и послал он, и призвал всех волхвов Египта и всех мудрецов его, и рассказал им фараон сон свой; но не было никого, кто бы истолковал его фараону.

И стал говорить главный виночерпий фараону, и сказал: грехи мои вспоминаю я ныне. Фараон прогневался на рабов своих и отдал меня и главного хлебодара под стражу в дом начальника телохранителей. И снился нам сон в одну ночь, мне и ему, каждому снился сон особенного значения. Там же был с нами молодой еврей, раб начальника телохранителей. Мы рассказали ему сны наши, и он истолковал нам каждому соответственно с его сновидением. И как он

истолковал нам, так и сбылось: я возвращен на место мое; а тот повешен.

И послал фараон; и позвал Иосифа; и поспешно вывели его из темницы. Он остригся, и переменил одежду свою, и пришел к фараону. Фараон сказал Иосифу: мне снился сон, и нет никого, кто бы истолковал его, а о тебе я слышал, что ты умеешь толковать сны. И отвечал Иосиф фараону, говоря: это не мое; Бог даст ответ во благо фараону.

И сказал фараон Иосифу: мне снилось: вот, стою я на берегу реки. И вот, вышли из реки семь коров тучных плотью и хороших видом и паслись в тростнике. Но вот, после них вышли семь коров других, худых, очень дурных видом и тощих плотью; я не видывал во всей земле Египетской таких худых, как они. И съели тощие и худые коровы прежних семь коров тучных. И вошли тучные в утробу их, но не приметно было, что они вошли в утробу их. Они были так же худы видом, как и сначала. И я проснулся. Потом снилось мне: вот, на одном стебле поднялись семь колосьев полных и хороших. Но вот, после них выросло семь колосьев тонких, тощих и иссушенных восточным ветром. И пожрали тощие колосья семь колосьев хороших. Я рассказал это волхвам, но никто не изъяснил мне.

И сказал Иосиф фараону: сон фараонов один: что Бог сделает, то Он возвестил фараону. Семь коров хороших, это семь лет; и семь колосьев хороших, это семь лет: сон один. И семь коров тощих и худых, вышедших после тех, это семь лет, также и семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром, это семь лет голода. Вот почему сказал я фараону: что Бог сделает, то Он показал фараону. Вот, наступает семь лет великого изобилия во всей земле Египетской. После них настанут семь лет голода; и забудется все то изобилие в земле Египетской, и истощит голод землю, и неприметно будет прежнее изобилие на земле, по причине голода, который последует, ибо он будет очень тяжел. А что сон повторился фара-

ону дважды, это значит, что сие истинно слово Божие и что вскоре Бог исполнит сие. И ныне да усмотрит фараон мужа разумного и мудрого и да поставит его над землею Египетскою. Да повелит фараон поставить над землею надзирателей и собирать в семь лет изобилия пятую часть [всех произведений] земли Египетской. Пусть они берут всякий хлеб этих наступающих хороших годов, и соберут в городах хлеб под ведение фараона в пищу, и пусть берегут. И будет сия пища в запас для земли на семь лет голода, которые будут в земле Египетской, дабы земля не погибла от голода.

Сие понравилось фараону и всем слугам его. И сказал фараон слугам своим: найдем ли мы такого, как он, человека, в котором был бы Дух Божий? И сказал фараон Иосифу: так как Бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты; ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой; только престолом я буду больше тебя. И сказал фараон Иосифу: вот, я поставляю тебя над всею землею Египетскою. И снял фараон перстень свой с руки своей, и надел его на руку Иосифа; одел его в виссонные одежды, возложил золотую цепь на шею ему; велел везти его на второй из своих колесниц и провозглашать пред ним: преклоняйтесь! И поставил его над всею землею Египетскою. И сказал фараон Иосифу: я фараон: без тебя никто не двинет ни руки своей, ни ноги своей во всей земле Египетской. И нарек фараон Иосифу имя: Цафнаф-панеах; и дал ему в жены Асенефу, дочь Потифера, жреца Илиопольского.

* * *

Характерным феноменом — производным от общего модуса использования сновидений в практике раннехристианских текстов — является *отказ от сна*.

Поскольку Бог являет знамение во сне, а эмотивность этих откровений заранее не известна,— то таких знамений можно избежать, намеренно лишая себя сна. Кроме того, помимо Бога, посылающего истинные сновидения, существуют и мнимые «посылатели снов», навевающие опасные наваждения при посредстве лжепророков.

Так, Господь открывает Иеремии, что лжепророки от его имени посылают ложные видения (Книга пророка Иеремия, 14:14):

«И сказал мне Господь: пророки пророчествуют ложное именем Моим; Я не посылал их, и не давал им повеления, и не говорил им; они возвещают вам видения ложные и гадания, и пустое и мечты сердца своего».

Иудейские священники восставали против пророческих толкований сновидений, бывших в обычае у язычников и халдеев, которые через своих волхвов оказывали пагубное влияние на евреев во времена Вавилонского пленения.

Через Моисея Господь приказал его народу не придавать значения снам и не пытаться по ним гадать; к чему выискивать смысл снов? — Бог сказал свое слово, и сон ничего не может к этому добавить.

**Сны связуют землю и небо, а не настоящее и будущее,
как это полагали языческие снопредсказатели.
Время принадлежит одному только Богу.
Посредством сна смертный сновидец
устанавливает связь с Богом,
который не собирается открывать ему будущее,—
во всяком случае то, что лежит вне него, Бога,
вне их интимной духовной связи;
лишь избранные были достойны знать, что будет,—
но так было очень, очень давно.**

Примечания

[1] *(Le Goff J.) Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. Е. В. Морозовой; с лат. И. И. Маханькова / Общ. ред. С. К. Цатуровой.— М.: Прогресс, 2001.— 440 с.

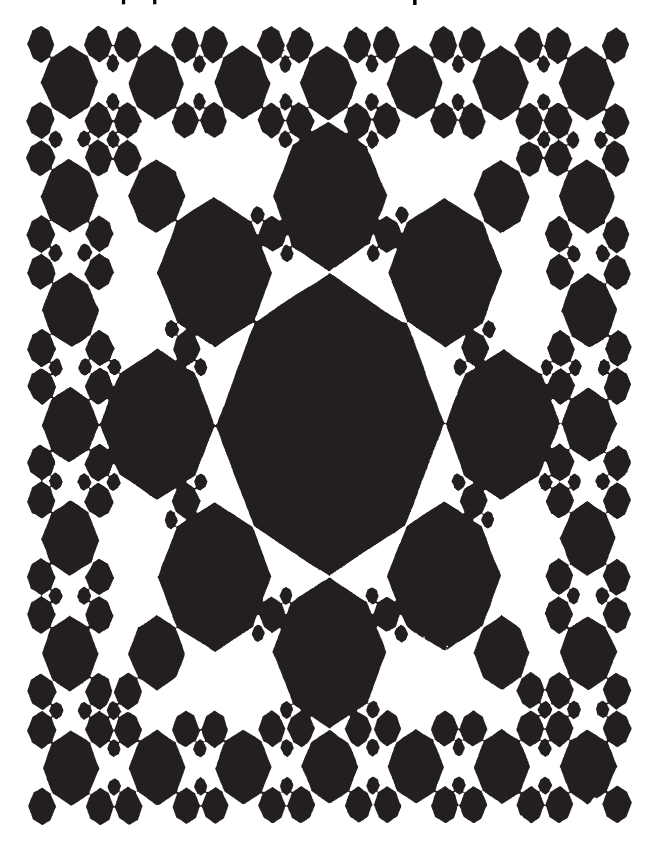
[2] Список сновидений Ветхого Завета Е. Л. Эрлиха насчитывает тридцать пять снов; М. Дюлей довела это число до сорока пяти; сам Ле Гофф предлагает остановиться на сорока трех снах.

В Новом Завете встречаются только девять сновидений (без различения явлений или видений). Пять — в Евангелии от Матфея: четыре из них имеют отношение к рождению Иисуса, один сон принадлежит жене Пилата. Четыре оставшихся сна описаны в Деяниях Апостолов, и принадлежат они апостолу Павлу, чье служение совершалось, в основном, среди греков, привыкших толковать сны и с почтением относиться к тем, кто был облагодетельствован даром внимать ночным видениям, в которых является божество.

[3] В действительности же деление сновидений на визуальные (*зрительные*) и аудиальные (*слуховые*),— как это делает, например, Ле Гофф,— бессмысленно, поскольку речь в данных случаях идет

о художественных средствах передачи, принятых в рамках определенного культурно-средового стиля. Если же взглянуть на причины этого явления — исключая вопросы дилетантизма и невнимательности,— то разделение культурологами снов на основании преобладающего анализатора, тем более какие-либо далеко идущие выводы, сделанные из этой искусственной дихотомии,— не более чем прием профессионального ангажемента.

Ожидание откровения:

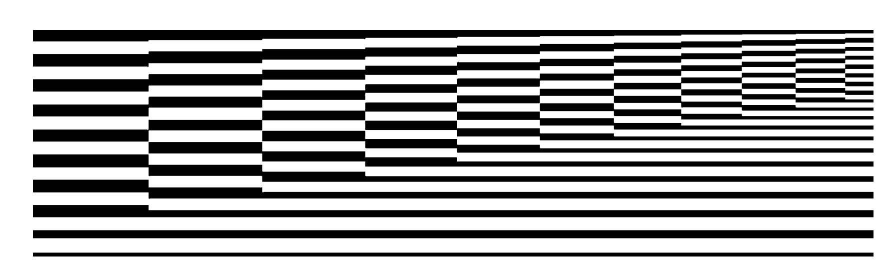
готика снов

Ожидание откровения:

готика снов

Средневековье, или готика сновидений, также лишено заботы о времени: эти сны устремлены в вечность. Для нас распахивается универсум видений, в котором сновидение равнозначно, тождественно видению: граница между ними весьма условна, достоверность почти одинакова, они суть одно и то же. Мир средневековья жаждет откровений: и они даны ему, и именно в visiones и снах. Есть и своя фигура толкователя, теоретика сновидений — это Тертуллиан, энциклопедически образованный христианин, который стал монтанистом. Есть и равная ему фигура — это гиппонский епископ, святой Августин, сновидная, онейрическая биография которого — не просто классика жанра, но образец для подражания, модель внутреннего мира. Есть и другие, высказывавшие

свои мнения, суждения, вердикты
относительно снов: их природы,
их функций, их истинности,
их близости к божественным
откровениям или инфернальным козням.
Очень скоро сновидение попадает
в арсенал конфессиональных
манипуляций: им начинают
заниматься всерьез; теперь это уже
арена, на которой разворачивается
персональный, повседневный
армагеддон.
Наконец, готика Ваших снов —
каждый видел их, готические,
особые сны, которые невозможно
с чем-либо спутать. К ним примыкают
поэтические сновидения —
порой за несколькими, даже двумя,
рифмованными строками,
проступившими сквозь сновидения,
кроется долгое ощущение,
парад видений, поток картин.

Жажда откровений: сны вне времени

Духовная жизнь людей средневековья концентрировалась вокруг противостояния добра и зла, добродетелей и пороков, души и тела,— говорит Ле Гофф[1]. Пруденций в «Психомахии» заставил пороки и добродетели биться между собой. Это произведение и этот сюжет имели в средние века необычайный успех: добродетели превратились в нем в рыцарей, а пороки — в чудовищ.

Эта экзальтация была неотделима от поиска. Не поддаваться соблазнам суетного мира — таково было стремление всего средневекового общества, снизу доверху. Поиски за пределами обманчивой земной реальности того, что за ней скрывалось, переполняли литературу и искусство средних веков. Суть интеллектуальных и эстетических исканий средних веков составляло прежде всего раскрытие потаенной истины (verita ascoza sotto bella meuzogna). Это было главное занятие средневековых людей.

Отсюда — популярность всего того, что способно открыть царство грез. Возбуждающие средства, любовные напитки, пряности, зелья, порождающие галлюцинации,— все это предлагалось во множестве, на любой вкус и по любой цене. Деревенские колдуны снабжали ими крестьян, торговцы и лекари — рыцарей и государей. Все ждали видений и часто удостаивались их. Церковь, осуждая колдовские средства, фактически предлагала им лишь замену: перед всяким важным делом она предписывала продолжительный пост (обычно трехдневный), обряды аскетизма, молитвы, которые должны были создать пространство, необходимое для сошествия вдохновения и благодати.

Но главное — средневековых людей всю жизнь тревожили сны. Сны возвещали, сны разоблачали, сны побуждали к действию — словом, они составляли интригу духовной жизни. Многочисленные сны ветхозаветных библейских персонажей продолжались в каждом мужчине и в каждой женщине средневекового христианского мира: их тематика, их стилистика, их ощущения и даже последствия. «Откуда берутся сны?» — спрашивает ученик в «Светильнике» Гонория Августодунского. «Подчас от Бога, если это откровение о будущем, как было с Иосифом, когда он по звездам узнал, что ему окажут предпочтение среди братьев, или необходимое предупреждение, как в случае с другим Иосифом, который узнал, что надо бежать в Египет. Подчас от дьявола, когда речь идет о постыдном видении или о подстрекательстве на злое дело, вроде случая с женой Пилата, о котором читаем в истории страстей Господних. А подчас от самого че-

ловека, когда то, что он видел, слышал или думал, представляется ему во сне и порождает страх, если речь идет о печальном, или надежду, если речь идет о веселом».

Сны посещают людей всех общественных слоев. Король Англии Генрих I увидел во сне, что против него восстали все три сословия. Монаху Гунзо во сне открылись расчеты, необходимые для реконструкции церкви в Клюни.

Гельмбрехту-отцу во сне открылись этапы трагической судьбы его сына.

Речь идет о сновидениях, описанных Вернером Садовником в поэме «Крестьянин Гельмбрехт».

Гельмбрехту-отцу было послано четыре сновидения, четыре рассказа о которых и представлены в стихах; на каждый сон следовал краткий отклик — всегда негативный — со стороны юного Гельмбрехта.

В первом сне старый крестьянин видит сына, несущего два ярких факела, и тут же вспоминает похожий сон, виденный им год назад; приснившийся ему тогда человек с факелами с тех пор ослеп. «Я буду трусом, если стану верить этим сказкам»,— отвечает сын. Таким образом, сны старого Гельмбрехта обнаруживают интересную тенденцию: с одной стороны, они устрашают, а с другой — смысл их становится все яснее.

Во втором сне отец видит сына с изувеченными ногой и рукой, однако молодой человек отвечает, что этот сон сулит «счастье и процветание и множество радостей».

Отец продолжает увещевать: во сне он видел, как сын пытался взлететь, но ему отрезали крыло, он упал, и перед отцом предстало изуродованное тело сына:

Погибли очи, ноги, руки!

Юный Гельмбрехт упорно толкует и этот сон в благоприятную сторону: «Все эти сновидения сулят мне удачу».

Тогда старый крестьянин долго, пространно и с реалистическими подробностями рассказывает свой последний, самый жуткий сон. В нем он видел, как тело его сына раскачивалось на виселице, а на его голове сидели вороны и клевали его мозг. Сын не отрицает, что сон этот может быть знамением смерти. Но, пока смерть не пришла, он будет следовать своим путем и не смирится с жалкой участью крестьянина.

В последней части повествования, где юный Гельмбрехт катится все ниже по дурному пути, за что и подвергается наказаниям, Вернер Садовник дважды дает понять, что виденные отцом сны сбываются.

В первый раз — отец при виде своего разбойника-сына, которому палач выколол глаза и отсек руку и ногу, прячет свое горе за насмешливой улыбкой и обращается к сыну, словно к чужому, на «вы»: «Ну что, скажите мне, разве не сбылись мои три сна? А дальше будет страшнее, нас ждет худшее из зол; и, пока четвертый сон не сбылся, идите прочь от этой двери».

В конце повествования, когда юный Гельмбрехт уже болтается на виселице, поэт-рассказчик подытоживает: «Сбылся последний сон отца. Рассказ поведан до конца».

* * *

Внушающие подозрения сны происходят от дьявола.

В «Жизнеописании Марии из Уаньи» Жака де Витри дьявол в образе святого объявляет: «Мое имя — Сновидение. Я и вправду являюсь многим людям в сновидениях, особенно монахам и клирикам; они слушаются меня и под воздействием моих утешений отдаются экзальтации и доходят до того, что считают себя достойными бесед с ангелами и божественными силами».

Жажда откровений: сны вне времени

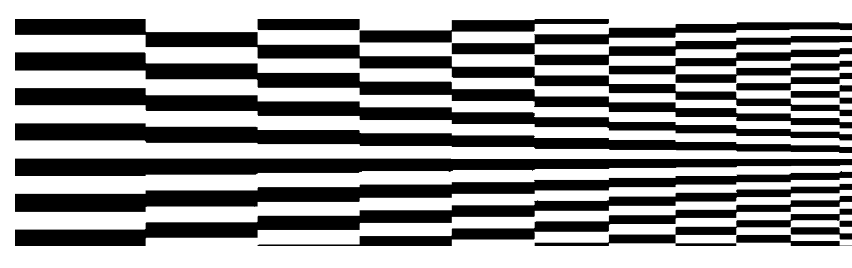
* * *

Сон также есть знание: «В третью ночь Изольда увидела во сне, будто она держит на коленях голову кабана, которая пачкает ее платье кровью, и тогда она поняла, что больше не увидит своего друга живым».

Все эти сны-видения лежат вне времени;
мы утолили свою жажду откровений сполна —
хватило каких-нибудь шестисот-семисот лет;
она оказалась не столь сильна.
У нас, правда, осталась редкая, с трудом узнаваемая
готика снов, у нас сохранились рифмованные строки
готических сновидений — но они так ничтожны,
так случайны в языческом мире снов.

Примечания

[1] Цит. по: *(Le Goff J.) Ле Гофф Ж*. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича.— М.: Изд. группа «Прогресс»; Прогресс-Академия, 1992.— С. 319—320.

Христианство: опека над снами и утилизация сновидений[1]

С IV века господствующей религией и идеологией на Западе становится христианство; в переходный период, именуемый поздней античностью или ранним средневековьем, христианство сталкивается с рядом культурных явлений, среди которых,— считает Ле Гофф,— в первую очередь следует назвать сновидения и их толкования. Рассказ о сне, который увидел святой Иероним,— документ, наиболее ярко отражающий страх образованных христиан IV века перед языческой — греко-римской — культурой.

Такой же, если не больший, ужас и растерянность проявляют в своем поведении (или, скорее, в поступках) в позднеантичный период образованные христиане и церковники, сталкиваясь со сновидениями и их толкованием.

* * *

До IV века и признания христианства официальной религией, — говорит Ле Гофф, — отношение христиан к сновидениям и их толкованиям сначала можно определить как интерес, затем как беспокойство и, наконец, как неуверенность.

Усиление интереса к сновидениям

Можно с уверенностью сказать, что по крайней мере до середины III века христиане проявляют живейший интерес к сновидениям; в многочисленных текстах сны упоминаются в связи с главными событиями в жизни христианина того времени: *обращением*, *общением с Богом* и *мученичеством*.

Сон и обращение. Обращение в христианство часто связывают со сном. Так, Ориген (ок. 185—253/254 гг.) писал в трактате «Против Цельса»: «Многие обратились словно бы против своей воли, будто какой-то дух внезапно изгнал из их сердец ненависть к христианскому учению и вселил решимость умереть за него, послав им *видение или сон*[2]. Я знаю немало тому примеров. Ежели бы я, бывший очевидцем таковых случаев, записал бы их, я стал бы удобной мишенью для насмешек неверующих, которые решили бы, что и я, подобно тем, чьи рассказы они почитают за вымысел, также стал измышлять невероятное. Но Господь свидетельствует мою честность и стремление мое утвердить не лживыми рассказами, но богатою многообразием правдою божественное учение Иисуса».

Сон и общение с Богом. Для христианина сон или видение являются также путями, ведущими непосредственно к Богу, возможностью напрямую вступить с Ним в общение,— одним словом, познать Его. Лучше других объяснил это Тертуллиан, ставший первым христианским теоретиком сновидений. «Благодаря видениям,— утверждает он,— большинство людей сумели познать Бога».

Это присутствие в каждом христианине Бога — через сны и видения, а особенно через высшую форму сновидения, которой многие христиане считают *экстаз*,— является, согласно святому Киприану, постоянным. «Вот почему божественная цензура карает наши недостатки и ночью и днем. Ночью Святой Дух дарует нам видения, а днем наполняет нас детской невинностью, погружающей нас в экстаз и позволяющей нам узреть, услышать и облечь в слова предостережения и наставления, коими удостаивает нас Господь».

Однако, продолжая использовать античную иерархию сновидцев в христианском контексте, святой Киприан настаивает, чтобы епископы, эти привилегированные избранники Божьи, коим Господь посылает свои видения особо, могли бы, подобно ветхозаветным патриархам и пророкам, призывать Бога и быть Им услышанными. В одном из писем он дважды упоминает об этом: «Узнайте же, воистину, что побудило и подтолкнуло меня написать вам; Господь удостоил нас проявления своего, и было сказано нам в видении...» И далее: «Ибо недавно, любезные мои братья, посредством видения укорили нас за то, что сонными произносим мы молитвы свои и не взываем к Богу, как подобает людям бодрствующим».

Христианство: опека над снами

Здесь Киприан намеренно обходит вопрос о связи, традиционно существующей, как у христиан, так и у язычников, между *видением* и *сновидением*. Не уточняя, в каком состоянии ему были явлены видения, о которых он упоминает, Киприан призывает христиан отвратиться от сна и упражняться в постоянном бдении, дабы таким образом устранить основные возможности получить сновидение: «Стряхнем же и разорвем путы сна и станем упорно и с усердием молиться, как предписывает апостол Павел: «Молитесь настойчиво и, молясь, бдите». Ведь воистину апостолы не переставали молиться ни днем ни ночью...»

Так вырисовывается оппозиция между *молитвой* и *сном* — а следовательно, и сновидением.

Сновидение и мученичество. В новой иерархической структуре сновидцев, выстраивающейся в пространстве христианства, место над епископом естественным образом отводится совершенному христианскому герою, то есть мученику.

Благодаря своей добродетели, своей готовности к самопожертвованию он достоин получать видения наивысшего ранга, то есть те, в которых можно увидеть картины потустороннего мира и открывается будущее.

Вот один, но яркий пример: видения мучеников Перепетуи и Сатура в известном тексте «Мученичество святых Перепетуи и Фелицитаты», записанные со слов брошенной в темницу Перепетуи, принадлежавшей к небольшой группе христиан, замученных в 203 году в Карфагене[3].

В тексте рассказывается о пяти видениях, полученных в темнице Перепетуей и одним из ее товарищей, Сатуром. Из четырех видений Перепетуи два относятся к ней самой и ее товарищам и открывают ей будущее, а другие два относятся к ее младшему брату и показывают ей загробный мир. Видение же Сатура является продолжением видений Перепетуи: в нем показаны их грядущие мучения.

Эти рассказы о снах-видениях отличаются двумя особенностями. Во-первых, мученики, а особенно Перепетуя, *достойны* видений. Во-вторых, Перепетуя, благодаря своим заслугам, имеет право *просить* видение, получать его в ответ на эту просьбу и беседовать с Богом.

В первый раз обратиться к Богу с просьбой показать ей будущее в видении ее побуждает брат: «Тогда брат сказал мне: “Госпожа сестра моя, у тебя столько заслуг, что ты достойна просить видения, и тебе будет показано, что ждет нас: мученичество или отдохновение”». Перепетуя, зная, что может говорить с Господом, обращается к Нему с просьбой, и в видении ей ниспосылается откровение. Она видит возносящуюся к небу лестницу, со всех сторон утыканную мечами; у подножия ее лежит дракон. Сатур помогает Перепетуе подняться по этой лестнице и приводит ее в большой сад, где Перепетую встречает одетый в белое пастух, который дает ей поесть кусок сыра. Она понимает, что им уготовано мученичество.

В двух следующих снах содержатся первые наброски того отсека потустороннего мира, который позже станет чистилищем. На этот раз святая ничего не делала, чтобы получить видение, в котором к ней явился ее недавно скончавшийся младший брат, обреченный после смерти мучиться в страшном саду загробного царства. Теперь она молится о том, чтобы ей отдали брата, то есть чтобы его освободили от уготованного ему испытания.

Просьба исполнена, и подтверждает это другое ниспосланное ей видение.

Христианство: опека над снами

Ожидание откровения: готика снов

А накануне мученичества перед ней в загадочном видении предстает сражение, ожидающее ее на следующий день, только сражаться ей предстоит не против зверей, а против самого дьявола.

Наконец, Сатур, также заслуживающий вещего видения, видит себя вместе с товарищами вступающими в Рай.

«Таковы замечательные видения, увиденные святыми мучениками Сатуром и Перепетуей и ими самими продиктованные».

От сновидения к ереси

Тем не менее христианские авторитеты очень рано стали приписывать дар сновидений еретикам,— а точнее, обвинять их в этом даре сновидений.

Следующим после Иуды великим изгоем среди христиан становится Симон Волхв, первый еретик в Самарии (Деяния Апостолов, 7:9-25). Его столкновения со святым апостолом Петром и с Филиппом, приведшим в лоно Церкви своих многочисленных учеников, стали легендарными. Так, в своем «Трактате против ереси» (конец II века) святой Ириней назвал Симона Волхва и его сторонников «напускающими сны»: «Они прибегают к помощи... демонов, именуемых спутниками и *сопровождающими сны*».

В апокрифическом Евангелии от Никодима и в «Деяниях Понтия Пилата» говорится про жену последнего, пребывающую во власти сновидения, посланного ей волхвом.

В своем «Комментарии к Даниилу» святой Ипполит (III век) рассказывает об одном пастыре, который, опираясь на свои ви-

дения и сны, ввел в заблуждение многих верующих, ложно возвещая наступление конца света: «А еще расскажем об одном известном пастыре из Понта, набожном и скромном, который, плохо разбираясь в Писании, во всем верил собственным видениям. Увидев один, а затем второй и третий сон, он, уподобившись пророку, стал проповедовать братьям своим: “И вот, скажу я вам, что я видел, вот что ждет людей несведущих и опрометчивых, не стремящихся в подробностях изучить Евангелие, но ревностно верящих в людские предания, в собственные вымыслы и собственные сны, в бредни и россказни старух”.

Действительно, поиски способов прямого общения с Богом и предвидения будущего посредством видений и снов играли важную роль во многих сектах, признанных Церковью еретическими, и прежде всего у *гностиков*, основных конкурентов христиан.

Сновидений и видений испрашивали *эбиониты*, или *назореи*, одна из иудео-христианских сект, которая, возможно, стояла у истоков гностицизма и чье наиболее древнее ядро сформировалось из потомков первой христианской общины Иерусалима, во время Иудейской войны 66—70 годов перебравшихся через Иордан и эмигрировавших в Пеллу; в этой секте были составлены «Клементинские проповеди» («Псевдоклементины»), постоянно перерабатывавшиеся вплоть до IV века.

Сны использовали ученики Валентина из Египта, проповедовавшего в Риме в середине II века; его верования известны из «Евангелия Истины», найденного в Верхнем Египте.

Христианство: опека над снами

Гностицизм Валентина выделяет в человеке три элемента: *душевный* (или *духовный*), ведущий к Отцу; *аффективный*, остающийся у ворот Плеромы (что выражает полноту, всеобщность, невыразимое многообразие Бытия Бога); наконец, *телесный* (или *материальный*), который будет разрушен. Духовный элемент содержит сны или видения, указующие, как оторваться от материи и вознестись к Отцу, и содействующие этому вознесению.

Большое значение придавалось снам и видениям в гностической школе, руководимой Карпократом, жившим в Риме во II веке; однако ученики этой школы обвинялись христианами в распутстве и разврате, что способствовало подрыву доверия к толкованию снов со стороны ортодоксальных приверженцев христианского учения.

Видения, допускавшие прямое общение с Богом, имели важное значение и для *монтанистов* (речь о них шла выше); сам Монтан, впадая в экстаз, высказывал пророческие предупреждения, подрывая тем самым уважение к экстатической форме видений и сновидений. Но когда к монтанистам примкнул Тертуллиан, экстаз занял привилегированное место в типологии сновидений. Тесно связывая *экстаз*, *сновидение* и *пророчество*, монтанисты скомпрометировали толкование снов в глазах ортодоксальной христианской церкви.

* * *

С IV по VII век формируются теория и практика христианского учения о сновидениях. Однако в сочинениях отцов Церкви не излагается теория сновидений; Патристика на этот счет нема. Чтобы получить представления о бытовавших взглядах на проблему снов, нужно дождаться Григория Великого[4] и Исидора Севильского[5]. Чаще всего сведения об отношении христиан к снам приходится собирать по крупицам или же

использовать косвенные свидетельства. Практика сновидений также в основном ускользает от нашего взора,— за исключением, правда, одного малоизвестного текста («Ватель Прихожанин»), который мы рассмотрим ниже. Сны не удостаиваются более письменного изложения, подозрительные церковники вычеркивают их из преданий; те же рассказы, которым удалось дойти до нас, имеют отчетливый налет литературной обработки, демонстрируют культурно-средовые штампы и вообще сглажены или изуродованы авторской либо церковной цензурой.

Тем не менее можно определить отношение христианской церкви к снам в целом, равно как и главные направления христианской онейрологии.

Большие перемены: недоверие к снам

Хотя отдельные доктрины и положения, относящиеся к сновидениям, в языческой среде начали трансформироваться уже в античные времена, христианство вносит в учение о сновидениях глубокие изменения, а Церковь и вовсе старается отвратить паству от привычки толковать сны.

Все сны значимы. Похоже, однако, что христианство само создало благоприятные условия для расширения круга сновидений, подлежащих толкованию. Напомню, что в античный период во всех языческих классификациях сновидений, от Гомера до Артемидора и Макробия, толкованию подлежали ис-

ключительно пророческие сны. В этом и заключался глубинный смысл разграничения снов «правдивых» и снов «лживых».

Христианство, напротив, расширяет область толкования сновидений, включая в нее все сны без исключения. *Все сны значимы.* Подобное обобщение отвечает уверенности христиан в вездесущности божественного провидения — действующего напрямую или в форме противодействия проделкам демонов и людским прегрешениям,— которое наличествует во всех действиях и поступках людей, в особенности когда человек соприкасается со сверхъестественным.

Однако эта валоризация сновидений — мнимая, ведь если каждый сон имеет значение, то каково тогда отношение их к правдивости?

Вето на толкование сновидений. Христианство запрещает заниматься ремеслом толкователя сновидений; вскоре вообще запретили прорицать по снам. Канон XXIII состоявшегося в Анкире (314 г.) I собора гласит: «Те же, кто сохраняет языческие привычки и соблюдает указания авгуров или ауспиков, гадателей по сновидениям или иных прорицателей или же приводит в дом к себе людей, дабы просить их предсказать будущее с помощью колдовского искусства... они присуждаются к исповеди и пятилетнему покаянию...» А так как место привычных гадателей по сновидениям никто не занял, христианам теперь предстояло самим толковать сны, что их отцы и деды обычно доверяли делать специалистам, особенно когда речь заходила о важных, как они полагали, сновидениях.

Разумеется, сновидцам раннего средневековья приходилось как-то выходить из положения. Запрет соблюдался не полностью и не всегда. На практике, в реальной жизни, мужчины и женщины в деревнях и городах продолжали обращаться за толкованием своих снов к местным колдунам и колдуньям, а иногда, и не без успеха, даже и к новым, привилегированным знатокам — монахам и священникам. Но все это совершалось в обстановке известной напряженности; за временной терпимостью маячили грозные призраки церковного наказания.

Победа классификации сновидений по происхождению. До XII века христианство признавало типологическую классификацию сновидений, основанную исключительно на их происхождении; были официально утверждены три источника происхождения сновидений: *Бог*, *демоны* и *человек* (его тело — питание, физиологические отправления, болезни и т. д., или его душа — память, чистота или порочность, а также примыкающий и не до конца определенный феномен экстаза).

Однако христианство так и не разработало определенных критериев, позволяющих четко определить происхождение снов; принимая во внимание сложности разграничения добра (Бог), зла (демоны) и сочетания первых двух (человек), как источников сновидений, основным отношением официального христианства к сновидениям стало глубокое и весьма искреннее недоверие.

Христианство: опека над снами

Мотивации для недоверия

Начиная с IV века мотивации для осуждения интереса к сновидениям и их толкованию приобретают прочный фундамент. Связанное с телом сновидение — подобно целому ряду иных человеческих «свойств» (таких, например, как смех или сексуальность) — будет отброшено на сторону дьявола и станет объектом все возрастающего недоверия.

Дьяволизация сновидений. На протяжении IV века христианство производит значительные изменения в мире сверхъестественного: оно ликвидирует его многообразие.

Добрые демоны античности становятся *однозначно хорошими ангелами*; имя *демонов* же сохраняется за *злыми духами*.

В отношении сновидений это означает, что сны, которые прежде считались посылаемыми демонами (об этом говорится еще у Тертуллиана), отныне посылаются дьяволом, самим Сатаной. Это появление на сцене театра сновидений злейшего врага рода человеческого решающим образом способствует оттеснению снов на сторону сатанинских сил или по меньшей мере навлекает на них (и на сновидцев) смертельную угрозу стать орудием дьявола.

Сновидение и ересь. Откровенно преувеличенное значение видений и снов в некоторых ересях,— и, в частности, в ереси гностиков,— также во многом способствовало воз-

растанию скептического отношения к снам со стороны официального христианства.

Например, в начале IV века Евсевий, не будучи уверенным, с какой точки зрения следует подходить к оценке видений, в «Истории Церкви» рассказывает об одном человеке, последователе еретика Артемона Наталия. Этого человека Иисус Христос удостоил многочисленных видений, в коих призывал его отказаться от своих заблуждений, однако человек не придал значения этим видениям. Евсевий еще следует традиции раннего христианства, согласно которой прямое общение с Богом происходит посредством сна, что имеет особое значение для «исповедующего»[6].

Но как только христианство становится разрешенной, а потом и официальной религией, церковные иерархи начинают все плотнее контролировать религиозную жизнь верующих и, в частности, пытаются направить в нужное для них русло прямое общение верующих с Богом или же сделать это общение и вовсе невозможным без их посредничества.

Будущее принадлежит только Богу. Для язычников величайшая притягательность сновидений заключалась прежде всего в том, что некоторые сны — сны пророческие— могли приоткрыть завесу неизвестности над их персональным будущим. Но отныне будущее относится к области, находящейся в ведении христианского Бога. Некоторые регионы этой области Бог великодушно уступил людям: это *время* и *знание*. В XII—XIII веках огромные разногласия среди теологов вызывали ростовщичество и оплата студентами труда своих пре-

подавателей: ведь и ростовщики, и университетские профессора продавали то, что принадлежит только Богу. Впредь никакие человеческие изобретения не отнимут у Бога привилегии ведать будущим, и Он станет чрезвычайно редко посвящать избранников в свои тайны. Только немногие святые будут предупреждены — посредством видений — о надвигающейся кончине, только немногие грешники, отмеченные Богом, смогут воспользоваться возможностью во сне совершить путешествие в загробный мир, дабы зрелище мучений в аду и чистилище и наслаждений в райских кущах побудило их раскаяться и позаботиться о своем спасении. Помимо этих редчайших исключений, сон больше не является ни предвестником будущего, ни знамением спасения.

Сновидение и сексуальность. Серьезный ущерб репутации сновидений наносится в сфере сексуального поведения — прежде всего, разумеется, сновидных вожделений.

С того момента, когда дьявол и человек начинают играть важную роль в посылке и порождении снов, первый множит сны до крайности соблазнительные, возбуждающие плоть и порождающие сексуальные желания, а второй наслаждается во сне сладострастными картинами, вызванными его вожделеющим телом и похотливой душой. Ночной сон, сновидение и сексуальность словно объединяются в едином стремлении сделать спящего добычей непристойных видений.

Сновидение, таким образом, становится исключительным проводником ночных онейрических искушений; все возрас-

тающая сексуализация являющихся во сне призрачных образов, которыми дьявол, рыщущий в поисках добычи, искушает святого Антония, свидетельствует об эволюции снов в сторону сладострастия.

Сновидения под надзором

Испытывая беспокойство, даже недоверие по отношению к сновидениям, Церковь попыталась взять их под свой контроль. Это выразилось, прежде всего, в вычленении из всей массы видящих сны *новой элиты сновидцев*, имеющих право искать смысл своих сновидений, которые обладают особой значимостью. В то же самое время эти сновидения способствовали введению новой идеологии, новых ценностей, нового стиля общения с высшими силами, новой иерархии, высшее положение в которой заняли новые же персонажи, обладавшие знаковой властью, которой они отчасти были обязаны своим сновидениям.

Новая элита сновидцев. Христианство согласилось сохранить и даже возродить традицию, согласно которой привилегированными сновидцами считались монархи. Приняв христианство, императоры увидели возможность укрепления собственного престижа с помощью сновидений. Основатели христианской империи, Константин и Теодорих Великий, узнали о своей решающей победе над врагами — соответственно язычниками и еретиками — благодаря снам, и эти

видения сыграли определяющую роль в успехе их действий, укрепив их решимость и веру.

Первый из этих снов хорошо известен. В 312 году под стенами Рима, накануне решающего сражения против Максенция, которое должно было произойти у Мильвиева моста, при свете дня Константин увидел в небе крест с начертанными словами: In hoc signo vinces (Сим победишь). Затем ночью во сне к нему явился сам Христос и повелел ему изобразить на знамени крест. Константин разбил Максенция. В следующем, 313 году, Миланским эдиктом было положено начало официальному признанию приверженцев креста и открыт путь к обращению самого Константина.

Таким образом, одной из причин обращения самого могущественного из мирян, равно как и всей Римской империи, было видение.

В 394 году в Иллирии, под Фригидусом, Феодосий дал решающее сражение против узурпатора, учителя риторики и язычника Евгения, возведенного на трон франком Арбогастом, который убил шурина Феодосия, законного императора Валентиниана II; Арбогаст вместе с армией, состоящей из варваров (в основном из готов), хотел реставрировать язычество в Западной Римской империи. Феодосий же мечтал вновь объединить Римскую империю и окончательно установить в ней христианство. Свою военную кампанию Феодосий представил как священную войну; во время подготовки к ней он совершал паломничества и советовался с фиваидским отшельником Иоанном.

Как повествует Феодорит, после первого дня сражения, обернувшегося большими потерями для армии Феодосия, император, не выдержав напряжения, под утро заснул и увидел сон: «Ближе к тому часу, когда кричит петух, сон заставил его изменить свое решение (не спать); и вот, когда он заснул, лежа на земле, он увидел

двух всадников, одетых в белое и на белых конях; они повелели ему быть дерзким, прогнать робость, на заре призвать солдат взяться за оружие и выстроить их в боевом порядке; еще они сказали, что поручено им ободрять его воинство и сражаться во главе его; а один назвал их имена: Иоанн Евангелист и апостол Филипп».

Такое же видение было и одному солдату; солдата привели к Феодосию, и, когда он рассказал о том, что ему привиделось, Феодосий изрек следующее: «Видение было ему не затем, чтобы убедить меня в его истинности, ибо я верю тем, кто обещал мне победу, но затем, чтобы никто в нем не сомневался и не думал, будто я сам, охваченный желанием идти в бой, выдумал этот сон. Вот почему тот, кто стоит на защите моей империи, послал такое же видение этому человеку, дабы он засвидетельствовал правдивость моего рассказа. Так что довольно сомнений! Вперед, за теми, кто оберегает нас и сражается в первых рядах, и пусть никто не думает, что победа зависит от численного преимущества; она в руках тех, кто ведет нас!» Такую же речь произнес он перед солдатами и, преисполнив их сердца отвагой, отдал приказ начинать спуск с горы.

Как известно, Феодосий одержал победу и стал вторым основателем христианской империи.

Было отмечено, что эта история удивительно напоминает два случая, приведенных Фронтином в его труде «Стратегия» в качестве примера военных хитростей. Накануне сражения два генерала, римлянин и грек, рассказывали, что они якобы видели Кастора и Поллукса, явившихся к ним в образе всадников и объявивших, что они собираются помогать им в предстоящей битве.

Эти примеры важны, поскольку знаменуют собой тот факт, что традиция, приписывавшая монархам способность видеть

вещие сны, обрела свое место в христианстве, а христианская традиция связала оба сна с победой своей веры на земле.

В хрониках вскоре также появятся рассказы о королевских снах. Одним из наиболее знаменитых примеров является сон Карла Великого в «Песни о Роланде», где в четырех кульминационных пунктах действия император видит сны.

Но, наряду с традиционным монархом-сновидцем, христианство выводит на сцену еще одного сновидца-избранника — святого. В агиографии[7] позднеантичного периода и раннего средневековья можно найти множество рассказов о сновидениях, посланных различным святым.

Характерный пример — жизнеописание святого Мартина. Житие этого святого, являвшего собой для средневекового Запада образец христианского благочестия, оказало большое влияние на агиографию.

Все, кто описывал жизнь святого Мартина, от Сульпиция Севера[8] до Григория Турского, непременно упоминали про его сны; обратимся к сновидениям, упомянутым Сульпицием Севером.

В первом сне Мартин, еще не окрестившийся, видит Христа, явившегося ему ночью после того дня, когда он разделил свою хламиду с нищим. Христос держит половину плаща Мартина и заявляет окружающему его сонму ангелов: «Вот, это Мартин, еще не крещенный, он прикрыл Меня этим плащом». Таким образом подтверждается истина евангельских слов: «То, что ты сделал одному из малых сих, ты это сделал Мне». Мартин понимает, что он отдал половину своего плаща Иисусу, принявшему облик нищего, и принимает крещение.

Здесь перед нами сон, побуждающий обратиться в истинную веру, и сон этот подобен чуду; он одновременно подтверждает свя-

тость Мартина, «вознесенного высоко над славой человеческой» самим Христом, и истинность евангельских заповедей.

Во втором сне Мартину дается повеление — очевидно, что это сновидение имеет божественное происхождение,— посетить свои родные места и своих родных, еще пребывающих в язычестве. Этот сон-побуждение положил начало миссионерской деятельности Мартина.

Когда Мартин бодрствует, ему многократно являются ангелы, но много чаще это бывает дьявол.

Наконец, сам Сульпиций Север узнает о смерти святого Мартина через видение. Подчеркивая подлинность и достоверность «Жития» святого, агиограф приписывает себе видение, которое, впрочем, является последним и наивысшим подтверждением святости Мартина.

Сидя под утро в своей келье, Сульпиций Север думает о грядущем, и его охватывает ужас перед Страшным Судом, страх перед адскими муками. Он ложится на кровать и засыпает утренним сном, который обычно более чуткий (а значит, согласно выдвинутой Тертуллианом теории, более способствует появлению сновидений). Во сне Сульпиций видит святого Мартина, одетого в белую тогу, с лицом, пылающим как огонь, глазами, горящими как звезды, и волосами, пламенеющими багрянцем. Улыбнувшись, святой протягивает ему правую руку, в которой он держит свое «Житие»; агиограф преклоняет колена и просит святого благословить его; святой Мартин, даруя ему свое благословение, возлагает руку на его голову, и тот ощущает его прикосновение. Внезапно Мартин возносится вверх, небо отверзается, и он исчезает в нем, а следом за ним и его ученик, священник Клер. Агиограф пытается подняться следом за ними, но его усилия тщетны. Он пробуждается. К нему в келью входит слуга и, опечаленный, сообщает, что из Тура прибыли двое монахов с известием о смерти святого Мартина.

Христианство: опека над снами

Вознесение святого на небо в момент своей смерти вскоре станет общим местом сновидческой практики. Сон здесь выступает кульминационным действием на фоне всех прочих деяний, являющихся основанием для «народной» канонизации.

Следует отметить особую лексику, используемую Сульпицием Севером для обозначения сновидений святого Мартина. Свой собственный сон он называет *видением*: «Внезапно проснувшись, возрадовался я видению, которое мне было». Однако в рассказе о трех сновидениях он употребляет термин *сопор*[9].

У Григория Турского мы вновь встречаем сновидения, являющиеся сновидцам во время целенаправленного сна.

К примеру, в сочинении «О добродетелях святого Мартина» повествуется, как некая женщина, у которой судорогой сводило пальцы так, что ногти впивались в ладонь до самой кости, от чего рука кровоточила и загнивала, безуспешно пыталась уснуть возле могилы святого Мартина в Туре. Тогда она отправилась на берег Шера, там заснула и во сне увидела святого с белоснежными волосами и облаченного в пурпур; держа крест в руке, он объявил ей, что рука ее исцелена; пробудившись, она убедилась, что рука ее действительно здорова.

Неожиданность сновидения-явления традиционно подчеркнута употреблением слова «вот» (*ecce*).

Таких сновидений, являющихся во время целенаправленного сна, у Григория Турского множество.

Вот, например, в повествовании «О чудесах святого Юлиана Бриудского» изложена история парализованной женщины по име-

ни Федамия, которая в ночь на воскресенье оказалась у часовни святого и уснула на ее ступенях. Во сне ей явился «какой-то человек», который спросил у нее, почему она спит не возле самой могилы. Она показала, что парализована, и человек отнес ее к гробнице. Там она увидела, как множество цепей, опутывавших ее тело, упали на землю. Она проснулась и поняла, что исцелилась. Когда она после описала человека, который явился ей, разговаривал с ней и помог ей, все признали в нем самого святого Юлиана.

Все более тесные связи между сновидениями и святыми прослеживаются еще в одном общем месте житийной литературы, а именно в нахождении тела святого, преимущественно мученика, благодаря сну.

Этот обычай, быстро укоренившийся среди греческих христиан, прижился также и среди христиан на Западе.

Одним из наиболее знаменитых примеров — возможно даже первым в среде латинян — было «нахождение» святым Амвросием тел святых мучеников Гервасия и Протасия. Святой Августин пишет, что Бог посредством видения — visum (как в «Исповеди») — или сна — somnium (как в «Послании ко всем членам секты донатистов») — сообщил Амвросию, где сокрыты тела мучеников.

Однако Августин весьма сдержанно относится ко всему, что является *через сны*, которые он чаще всего оценивает как вымышленные. Он диктует собору в Карфагене (401 г.) послание, в котором сурово осуждает практику сновидений, а точнее — то безоговорочное доверие, которым они пользуются: «надо сурово осудить повсеместное возведений алтарей только по той причине, что кому-то в этом месте был сон или призрачное откровение».

Христианство: опека над снами

Сновидения: скудная теория, цветистые рассказы. С V по VII век христианская типология сновидений, основанная на их происхождении, становится все более ригидной и скудной.

Главными теоретиками науки о сновидениях, равно как и многих других наук, завещанных средневековью ранним его периодом, когда еще были в ходу энциклопедическая образованность и живая связь с античной культурой, явились Григорий Великий и Исидор Севильский.

Григорий, уже изложивший свое мнение о сновидениях в книге толкований на Книгу Иова под названием «Moralia in Job» и в IV книге «Диалогов», написанных в 593—594 годах, побуждает Петра задать вопрос: «Я хотел бы, чтобы вы разъяснили мне, как следует относиться к тому, что видим мы в ночных видениях?»

Григорий отвечает многословно. Прежде всего он излагает свою типологию: «Образы, являющиеся нам в сновидениях, затрагивают душу шестью способами. Сны могут рождаться от пустого или переполненного желудка, но бывают сны и от наваждения, от размышления или от откровения. Два первых случая нам прекрасно известны из собственного опыта. Примеры четырех других мы находим в Священном Писании».

Затем Григорий уточняет, что наваждение происходит от «скрытого врага», то есть от дьявола, и цитирует две строфы из Ветхого Завета (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова 34: 7, и Левит 19: 26), предостерегающие от сна. Что же касается снов смешанного, двойного происхождения, то Григорий подтверждает их существование, приводя строфу из Ек-

клезиаста (5: 2), доказывающую смешанное — *размышление* и *наваждение* — происхождение некоторых сновидений, а также вспоминает историю Даниила, растолковавшего сны Навуходоносора — *размышление* и *откровение*.

Существование сновидений, посланных Богом, подтверждается снами Иосифа из Ветхого Завета и другого Иосифа, супруга Марии, из Нового Завета.

Итак, мы вновь встречаемся с типологией, говорящей о трех источниках сновидения: *человек* (желудок или рефлексия, тело или помыслы), *Бог* (откровение), *дьявол* (наваждение). Щепетильность Григория, выделяющего смешанные сны, на самом деле служит исключительно цели, поставленной перед собой моралистом-проповедником Григорием Великим: отвратить христиан от сновидений и практики их толкования. В самом деле, смешанные категории еще более затрудняют понимание происхождения сновидений. Человек, в коем есть и добро и зло, нередко порождал неясные сны, однако в большинстве случаев ими без большого риска можно было пренебречь. Но когда часть снов посылается дьяволом и, следовательно, подлежит полному неприятию, а еще часть, имеющая наполовину божественное происхождение, видимо, подлежит толкованию, недоверчивое отношение к сновидениям может только возрастать. К такому заключению и приходит Григорий Великий: «Чем разнообразнее источники происхождения сновидений и чем больше они разнятся друг от друга, тем сложнее верить в сновидения. Каково побуждение,

их вызвавшее, количественное оно или качественное,— это установить чрезвычайно сложно».

Итак, только избранные, святые мужи умеют отличать сны, идущие от «доброго духа» (т. е. посланные Богом), от снов-наваждений (посланных дьяволом). Григорий приводит слова Августина: «Внутреннее чутье, проникающее в суть слов и видений, позволяет им отличать наваждения от откровений».

В довершение к приводимым им доказательствам Григорий в «Диалогах» рассказывает одну поучительную историю: «Случилось это на самом деле и совсем недавно с одним нашим другом. Он придавал снам огромное значение. В одном из снов ему была обещана долгая жизнь. Он отложил про запас много денег, чтобы тратить их на протяжении этой долгой жизни. Умер он внезапно, оставив свое состояние нетронутым и не имея за собой никаких добрых дел».

Сны могут быть как сопряжены с *чудом* (miracle), так и соединяться — волею рассказчика — с жанром короткого назидательного рассказа, который в средние века называли *примером* (exemplum). Но в чуде святой всегда отличает сны «правдивые» от снов «лживых»; последние с наступлением христианства превратились в сны «обманчивые», посылаемые дьяволом.

В exemplum, жанре, где мораль выводится от противного, где рассказывается о проступках отдельных грешников, дабы предостеречь людей от следования их дурному примеру, будут, напротив, показаны в основном сновидцы, излишне доверяющие сновидениям и позволяющие обманывать себя: как снам, так и тому, кем они посланы, дабы погубить их.

В первой трети VII века Исидор Севильский рассуждает о сновидениях в III книге своих «Суждений» («Sententiae»)[10] — сочинения, ставшего предвестником средневековых *сумм*.

Исидор показывает демонов, насылающих сновидения на спящего человека («они окружают его видениями, чтобы запугать его и устрашить... повергают его в бесчувственное состояние...»), и утверждает, что злобные демоны посылают людям сны-наваждения и сны-искушения. Только святые — и в этом Исидор следует за Григорием Великим — могут устоять перед снами-наваждениями.

Затем Исидор воспроизводит типологию Григория Великого: одни сны рождены человеческим телом — от перенасыщения или от истощения, другие видения, кои являются наваждениями, порождены нечистыми духами, то есть демонами. Есть еще смешанные сновидения, порожденные бдением и наваждением или же бдением и откровением. Разумеется, существуют «правдивые» сны, но есть также сны, созданные душой.

Следовательно, к сновидениям надо относиться крайне осторожно и с недоверием. Даже к «правдивым» снам «не стоит относиться легковерно, ибо они рождаются из различного рода фантазий, а мы редко обращаем внимание на их происхождение. Нельзя безоговорочно доверять сновидениям, ибо всегда есть опасность, что сновидца вводит в заблуждение Сатана...» Нужно «презирать» сновидения, даже когда они очень правдоподобны, так как нельзя исключать того, что они происходят из наваждений, в коих демоны могут смешать правду с ложью, дабы обман их удался. Как сказано в Евангелии от Матфея

(24: 23): «Тогда если кто скажет: вот здесь Христос или там,— не верьте».

Ближе к концу Исидор рассуждает о сладострастных снах. Если они возникают против воли спящего, то сие не грех, но, как чаще всего бывает, сны эти всего лишь воспроизводят ночью те образы, коими спящий наслаждался днем; в этом случае сновидец совершает грех. Ночные поллюции, приходящие как результат этих сновидений,— это грех, и сновидец, пробудившись, должен смыть их своими слезами.

Таким образом, неспособность Церкви дать христианину критерии для определения происхождения, а следовательно, и оценки сновидений ведет к тому, что сновидец должен сам давать отпор своим снам. Христианское общество раннего средневековья — это общество брошенных на произвол судьбы сновидцев. Агитация против сновидений проскальзывает даже в литургию. В гимне «Te lucisante terminum», приписываемом святому Амвросию, поется: «Да отступят сны и призраки ночи».

Но если теоретические выкладки, относящиеся к сновидениям, представлены скудно и носят в основном негативный характер, то *рассказов* о сновидениях становится все больше и больше; ими изобилует и церковная, и агиографическая, и дидактическая литература.

Поучительно обратиться к списку сновидений, упомянутых в «Диалогах» Григория Великого, который был составлен отцом Адальбертом де Вогюэ.

Сначала перечисляются сны, «предвещающие грядущие события», числом тридцать три; восемнадцать из них предсказывают смерть сновидца, который в десяти случаях из восемнадцати является святым. Не всегда уточняется, в какую форму облечено это явление, подобно оно *видению* или же *сну*, увиденному спящим. Но чаще всего упоминание ночи как временной рамки или использование термина *откровение* является необходимым уточнением, которое свидетельствует о том, что речь идет о «правдивом» сновидении. Получение во сне известия о собственной скорой смерти является одним из характерных эпизодов онейрической [авто]биографии святого. С другой стороны, святые, упомянутые в диалогах, в изобилии удостоены «правдивых» снов и божественных «откровений». Но они также умеют противостоять снам-искушениям, насылаемым дьяволом. Такой выдающийся святой, как святой Бенедикт, которому посвящена вся II книга «Диалогов», часто удостаивается привилегии видеть Сатану в *ясных видениях*, а не потаенно или во сне.

Отец Вогюэ различает также *видения блаженных* (ангелы, сверхъестественные существа; иногда Господь, иногда Иисус, иногда Дева Мария и сопровождающие ее, а также святые Петр, Павел, Интикус, Ювенал и Элевтер,Папа Феликс, Иона, Иезекииль, Даниил, Фаустин), *видения душ*, *видения предметов* (в потустороннем мире, небесные знамения в этом мире, облако над скинией, дорога, ведущая с земли на небо, световые явления), *сны* и *ночные видения*, воспринимаемые главным образом блаженными.

Следует отметить, однако, что стремление поучать на примере участи как проклятых, так и блаженных позволило проникнуть в ряды дозволенных воскресших покойников, преимущественно святых, некоторому количеству недостойных выходцев *с того света*. Подтверждение этому можно найти в главе LIII книги IV «Диалогов», свидетельствующей о рас-

цвете в христианской литературе раннего средневековья рассказов о сновидениях, облекшихся в форму красочных и поучительных историй.

В них мы, в частности, видим, как с помощью сновидений делаются попытки ограничить погребение мирян в церквах. Исполнить эту задачу призван персонаж, непосредственно связанный с церковной средой,— церковный сторож, человек скромный и, несомненно, из мирян; ему даруется откровение, «божественное» видение, дабы он поставил его на службу практическим нуждам церкви.

Но, быть может, самой поразительной в снах и видениях, рассказанных Григорием Великим, является та их часть, где говорится *о спасении*, то есть о смерти и загробном мире. Так перед сновидением постепенно открывается новая сфера функционирования — потусторонний мир; сны-видения становятся средством перемещения, способом схождения в загробный мир. Тематическая область сновидений сужается, зато раскрывается новая обширная область, где сновидение, подобно стоящему на узком мосту в загробном мире, встречается с раем и адом.

Монастырь: местопребывание привилегированных сновидцев. В христианской онейрологии мученики, а за ними святые, рано получили статус образцовых сновидцев; в период раннего средневековья круг привилегированных сновидцев был расширен за счет включения в него менее совершенных и еще не обретших небесной славы обитателей монастырей; в закрытой — по крайней мере теоретически — монастырской

среде, обитатели которой не просто обладают авторитетом, но, можно сказать, служат образцами, в этом уголке земного рая, где находят временное пристанище ангелы, появляются сновидцы-избранники, порождающие сновидения, рассказы о которых становятся достоянием литературы и пастырей-проповедников.

От Кассиана в Марселе и до Беды[11] на Британских островах, с V века и по VII—VIII века рассказы о сновидениях множатся и обрастают подробностями. Цензуру этих историй осуществляют сами монашеские ордена и Церковь, однако на деле их слушают, сочиняют, дополняют и воспроизводят в самых широких кругах.

Иоанн Кассиан привозит с Востока не только рассказы о тамошнем монашеском благочестии, но и истории о сновидениях, увиденных отшельниками и пустынножителями. В скрипториях читают, переписывают, осмысливают и комментируют сновидения из Писания и агиографических сочинений; вместе с Бедой Достопочтенным и его англосаксонскими собратьями в монастыри проникают кельтские и варварские волшебные истории, будоража воображение монахов и порождая новые сны. Молодые монахи, братья-послушники, светская familia приносят в монастырь сновидения, порожденные устной культурной традицией, фольклором.

В монастырях тщательно следят за тем, какое духовное богатство выносят за его стены монахи, отправляющиеся в паломничество, поступающие на службу к епископам или высокопоставленным мирянам; сновидческие рассказы, предназначенные для проповедей, проходят определенный отбор.

Беда играет основную роль в распространении и успехе видений о потустороннем мире. Эти видения в основном и пополняют сокровищницу снов.

Христианство: опека над снами

Ожидание откровения: готика снов

Когда в результате роста городов, григорианской реформы, эволюции монашеской жизни, появления нищенствующих монашеских орденов монастырская жизнь станет более открытой и монастырское уединение будет нарушено, собрание монастырских сновидений будет пущено в оборот для использования его в новых теориях и практиках христианского толкования снов в обновленном обществе.

Универсум видений

Средневековый человек живет в ожидании видений,— по крайней мере, это один из важнейших ментальных феноменов; он, по преимуществу, и представляет в повседневном социетальном дискурсе практики измененного, сновидного, сознания,— иногда даже более, чем самое сны.

Послушаем А. Я. Гуревича, который специально исследовал культурно-литературный пласт «видений»[12]; все они, как правило, посвящены общению с загробным миром, хождениям в страну мертвых:

«“Видения”[13] фиксируют экстраординарные события — смерть того или иного лица, его странствие на том свете и последующее возвращение в число живых, коим воскресший открывает тайны мира иного. “Видения” тщательно записывали и переписывали, о них было широко известно, и свидетельством почтенности этого жанра служит высшее художественное его выражение и завершение — “Божественная комедия”. В “примерах” мы сталкиваемся, скорее, с “будничными” контактами обоих миров. Такого рода упоминания как бы по-

ходя встречаются в проповеди в качестве чего-то самоуразумеющегося, сравнительно заурядного, чуть ли не как неотъемлемая часть повседневной реальности.

Другое — и немаловажное — отличие “примеров”, повествующих о сношениях живых с обитателями загробных пространств, от “видений” заключается в том, что последние, как правило, содержат описания потустороннего мира: временно умерший странствует по разным его отсекам, наблюдая муки душ осужденных в аду, страдания пребывающих в чистилище, слыша ангельские хоры и вдыхая чудесные ароматы, доносящиеся из рая. Поэтому чтение повести о хождении на тот свет может дать некоторое представление о его устройстве, в одних случаях суммарное или фрагментарное, в других — довольно детализованное. О будущей участи самого визитера, как правило, речи не идет; во всяком случае, он не занимает главного места в “видении”. Между тем встреча с миром иным в “примере” в значительно большей степени “индивидуализирована” — в центре внимания в таком “примере” находится судьба того лица, которое там побывало. Нередко грешника вызывают на тот свет для того, чтобы продемонстрировать ему ожидающие его кары или подвергнуть суду и вынести приговор. Напротив, обрисовке радостей небесных чертогов и мук грешников в “примерах” уделено гораздо меньше места, чем в “видениях”. Контуры загробного мира в “примерах” четко не прочерчены».

Вот примеры этих видений.

Христианство: опека над снами

Как рассказывал один монах, в Дублине некий человек сожительствовал с собственной сестрой, умер нераскаянным и, естественно, попал в ад. Однако Святая Дева, которой он поклонялся при жизни, оживила его. Грешник пришел к упомянутому монаху, исповедался и принял епитимью. Об аде он поведал лишь то, что непосредственно касалось его собственного греха: он видел развратников, поджариваемых в огнедышащем колодце, причем мужчины и женщины без отдыха взаимно избивали друг друга огненными бичами.

Другой человек заболел и «упал как бы мертвый». В загробном мире им пытались завладеть черти, и он сумел избежать их только с помощью ангелов, в которых узнал нищих, коих при жизни принимал у себя в доме. Странствуя по тому свету, он повстречал Святую Марию и узнал от нее, что пока она избавляет его от испытаний и возвращает домой. Богоматерь за руку довела воскресшего до его комнаты, увещевая его исправить свою жизнь. Она повелела ему ежедневно по пятидесяти раз коленопреклоненно возносить ей молитву. Обо всем этом он рассказал своему сыну, которого заклинал привечать нищих и поклоняться Святой Марии.

О возвращении к жизни человека, после смерти побывавшего на Страшном Суде, сообщается у Цезария Гейстербахского, который якобы слышал об этом удивительном происшествии от самого его героя.

Когда Эйнольф, ставший впоследствии монахом, еще был мальчиком, он заболел и умер без причастия. Стоя перед Господом, лик коего он видел «как бы через завесу», он был обвинен дьяволом в том, что украл грош у своего брата и не понес покаяния. Господь не нашел его вину чрезмерно тяжкой, и по просьбе некоих святых старцев она была ему отпущена. Тем не менее душа его была на час бро-

шена в чистилище, где претерпела несказанные муки. Теперь Эйнольф видел лик Божий вполне ясно, причем прежде он лицезрел Христа в человеческом облике, а после очищения — в божественном. Подле Христа видел он Богоматерь, ангелов, патриархов, пророков, апостолов, мучеников, исповедников, дев и других праведников. Дьявол, чувствуя, что упускает его душу, просил Бога возвратить ее в тело. Христос возразил нечистому: ты рассчитываешь на то, что, вновь согрешив, Эйнольф в будущем тебе достанется. Тем не менее реанимация состоялась. Итак, этот мальчик стоял перед судом Господа, побывал в чистилище и после всего этого сподобился восстановления в телесной оболочке.

Интересно, что иногда причина возвращения души в тело умершего может показаться ничтожной, особенно на наш, неискушенный, взгляд.

Монах, который не успел уплатить корабельщикам за перевоз один обол, скончался, забыв упомянуть на исповеди о своем пустячном долге. Но на том свете эта мелочь выросла перед его взором до такой степени, что казалась большей, нежели целый мир, и он взмолился к ангелам, прося вернуть его душу в тело. Воскреснувший монах исповедался аббату и, как только долг был погашен, вновь испустил дух. Известие верное, ибо Цезарию о нем поведал один аббат, беседовавший с тем аббатом, которому исповедался покойник. Ничто не пустяк, когда речь идет о спасении души.

Вот и другая поучительная история из уст того же Цезария Гейстербахского:

Несколько лет назад во Франции умирал монах-цистерцианец. Страдая от жары, больной просил разрешения снять клобук и надеть более легкое одеяние, в котором монахи занимаются трудом.

Он умер — по крайней мере так сочли монахи, которые читали молитвы над его телом. Однако ночью он, к ужасу монахов, поднялся на носилках и, призвав аббата, рассказал, что после кончины ангелы отвели его к вратам рая. Но встретивший умершего святой Бенедикт спросил, кто он. «Я монах цистерцианского ордена».— «Ни под каким видом! Если ты монах, где же твое одеяние? Сие есть место упокоения, а ты хочешь войти в него в рабочей одежде». Монаху удалось вымолить себе возможность возвратиться в тело, с тем чтобы в должном одеянии удостоиться обещанного блаженства. Аббат приказал надеть на него клобук, и монах, получив его благословение, вновь испустил дух.

В этих случаях — а их можно считать сотнями — душа умершего возвращается в тело с соизволения высших сил. Однако оживание может произойти и по инициативе остающихся на земле.

Так было с конверсом Менгозом, простым религиозным человеком, служившим при монастырской кухне. Когда он лежал при смерти, настоятель Гислеберт был вынужден по делам на время покинуть монастырь, и он приказал Менгозу дождаться его. Но аббат задержался, а когда наконец возвратился, то услыхал погребальный звон и пение братьев: Менгоз скончался. Аббат поспешил в монастырскую больницу и, наклонившись над телом, громко позвал: «Брат Менгоз!» — «Не трудитесь, он испустил дух»,— сказали ему присутствующие. Однако настоятель был непреклонен: «Я тебе приказывал не умирать, пока не возвращусь, и вновь велю: ответь мне». И тогда покойник, «как бы пробужденный от глубокого сна», со вздохом открыл глаза: «Отче, что ты наделал? Хорошо было мне. Зачем вызвал меня?» — «Где ты?» — «В раю. Мне поставлено золотое сиденье у ног нашей Госпожи. Когда ты позвал

меня, пришел господин Изенбард, наш ризничий, и стащил меня с сего сиденья со словами: «Ты проявил неповиновение, здесь усевшись; возвратись к своему аббату»,— и вот я вернулся». По словам Менгоза, ему было обещано, что сиденье это за ним и останется. Далее Менгоз рассказал о недавно скончавшихся братьях из монастыря, одни из них пребывают во славе, другие провели краткий срок в чистилище. Выслушав его рассказ, настоятель дозволил ему идти с миром и благословил его, после чего Менгоз немедля закрыл глаза и испустил дух. Монашеская дисциплина и повиновение старшим сильнее смерти! Конверс, скончавшийся без соизволения аббата, вынужден отлучиться из рая и дать ему сведенья об участи умерших монахов.

Конверс того же монастыря, в котором был Менгоз, рассказывал по своем воскрешении, что удостоен места близ Царицы Небесной и оно за ним зарезервировано, хотя ему и было приказано на несколько дней возвратиться к жизни. Причина его реанимации заключалась, видимо, в том, чтобы известить монахов, что положение монастыря при жизни нынешнего аббата Гислеберта оценивается на том свете как удовлетворительное. Известие важное! Умиравший священник Изенбард поведал о том, что уже посетил небеса и удостоен вечной жизни. На том свете он повстречал знакомых монахов и беседовал с ними. Естественно любопытство окружающих его смертное ложе относительно их собственного будущего и о состоянии душ их опочивших родственников, но Изенбард был сдержан в своих откровениях.

* * *

Но встает старый вопрос: почему нужно верить видениям? Может быть, эти видения — ложные?

Христианство: опека над снами

Очевидно, бывают видения — и они весьма многочисленны,— которые навеяны нечистой силой.

Некоего мирянина-простака соблазнил злой дух, явившийся ему в образе ангела света. Бес сказал ему, что он должен сам претерпеть за Христа то, что Христос претерпел за него. Этот человек взял крест и гвозди, отнес их на гору и сам себя распял. Услыхав его стоны, находившиеся неподалеку пастухи сняли его полумертвым. Не помоги ему Господь, он бы навеки погиб, говорит Жак де Витри. Не следует быть легковерным в отношении видений.

Каким же образом можно определить истинность видения? Ясно, что наиболее убедительна проверка фактами.

Некий архидиакон в Германии подстроил убийство своего епископа, кафедру коего он хотел занять. В результате его козней на голову епископа, когда он входил в храм, упал камень. Достигнув желаемого сана, убийца устроил пир, но какого-то присутствовавшего на пиру князя посетило видение: он узрел Страшный Суд, и Святая Дева со множеством ангелов и святых привела пред лицо Судии убитого епископа, который держал в руках свой мозг: все они обвиняли убийцу. Судия повелел немедля представить его на суд. Тут видение закончилось, и, придя в себя, князь рассказал о нем присутствующим, а преступный епископ тотчас умер, своею внезапной кончиной доказав истинность видения. Непосредственно после этого Этьен де Бурбон рассказывает о подобном же случае. Жителю Тура привиделись Судия и святой Мартин, некогда епископ Турский и покровитель этой епархии. Святой вместе с друзьями обвиняли архиепископа Турского (который правил в это время) во множестве преступлений, делавших его недостойным занимать кафедру святого Мартина. Сам обвиняемый сидел здесь же и не знал, что отвечать на предъявленные обвинения. Господь во гне-

ве пнул его ногой, свалив грешника с кафедры. Как только видение завершилось, тот, кто был удостоен его, поспешил к дому этого прелата и, разбудив слуг, приказал им посмотреть, что происходит с их господином. Те нашли его внезапно умершим.

Существует аналогичная этой немецкая история:

Она повествует о некоем знатном человеке, «угнетателе бедняков и любителе радостей мира сего». Однажды он заснул в своей комнате, а его камергер был «в духе» восхищен к божьему престолу и стал свидетелем того, как его господину предъявили обвинения во всем содеянном. Он был навеки проклят и доставлен к Люциферу. Тот облобызал новоприбывшего за верную службу и приказал искупать его, после чего грешнику поднесли адского пойла. Затем Люцифер приказал усладить его музыкой, и два беса затрубили в трубы и вдохнули в него огонь, так что из глаз, ушей, рта и ноздрей несчастного вырвалось серное пламя. Люцифер приказал ему спеть. Тот отвечал: «Что же могу я спеть, кроме того, что прокляну день, в который был зачат и рожден?» Люцифер: «Спой получше». Тот: «Не спою я иного, как только: “Да будет проклята мать моя, которая меня родила”». Но Люциферу все было мало, и удовлетворен был он только тогда, когда осужденный проклял создавшего его Бога. Люцифер приказал отвести его в место, какого он заслужил, и грешник был сброшен в адский колодец. При его падении раздался невероятный шум, от которого камергер, имевший это видение, пробудился, вбежал в комнату и нашел своего господина мертвым.

Нужно ли искать более убедительных и впечатляющих доказательств истинности подобных видений?

Христианство: опека над снами

* * *

Вот еще несколько интересных примеров.

Это событие произошло в Риме и было записано Цезарием Гейстербахским.

Кардинал Иордан, принадлежавший к ордену цистерцианцев, но образом жизни и в особенности жадностью нисколько не соответствовавший нормам ордена, послал своего нотария Пандольфа куда-то по делам. Возвращаясь, Пандольф повстречал в поле процессию: люди ехали верхом на лошадях, сидя лицом к хвосту и держа его во рту. Среди них два беса вели босого Иордана. Тот вскричал: «Пандольф! Я твой господин Иордан, я умер».— «Куда ведут тебя?» — «На суд Христов».— «Знаешь ли ты, какая участь ожидает тебя?» — «Не ведаю, лишь один Бог знает. Но когда приду, святой Петр, верно, примет во внимание мой кардинальский сан, а святой Бенедикт — мой клобук. Коль примет меня, спасусь, нет — буду осужден». С этими словами и кардинал, и вся процессия исчезли. Вернувшись в Рим, Пандольф узнал, что Иордан и вправду скончался. К этому рассказу новиций добавляет: «Не нравится мне, что в той процессии бесы были, а ангелов не было».

Однотипный пример посвящен французскому королю Филиппу II Августу, популярному персонажу литературы жанра «exempla».

Некоему больному, находившемуся в Риме, привиделся св. Дионисий, который сопровождал Филиппа в чистилище, так как он почитал мучеников, монахов, церковь и святые места. Между тем бесы намеревались утащить короля в ад. Визионер поделился новостью с кардиналом, в доме которого лежал, назвав час своего ви-

дения, а кардинал послал во Францию курьера с письмом и выяснил, что в тот самый час король Филипп действительно скончался.

И еще один случай — кажется, он выглядит устрашающим даже сегодня.

У одного священника в Уэльсе была сожительница. Однажды ночью он велел своему клирику идти позвонить в колокол. Войдя в церковь, тот увидел в дверях ужасного медведя, который спросил его: «Видишь, кого держу в лапах?» — «Возлюбленную моего господина». Медведь стал перебрасывать ее с одной лапы на другую, «на манер детей, играющих в мяч», а потом пожрал ее. Клирик поспешил к священнику и поведал об увиденном. «Ложь это,— возразил тот,— вот она лежит». И тут он увидел, что она мертва.

Все эти «примеры» имеют общий модус: получение вести о смерти какого-то человека, как правило грешника, и прогноз об ожидающей его на том свете участи, по большей части печальной; характерно, что кара ожидает грешника немедленно после его кончины.

* * *

Однако существовали и другие доказательства истинности видений: прикосновение выходца с того света к живому человеку могло оставить на теле последнего неизгладимый след.

Некий мертвый рыцарь явился в видении священнику, умоляя помолиться за него, дабы облегчить его страшную участь: он подвергается бесчисленным мукам, и то имущество, которое он награ-

бил, убив человека на кладбище (и тем нарушив покой священного места), теперь навалилось на него подобно горе. Покойник прикоснулся к руке священника, и она до кости обнажилась в этом месте,— то был знак того, что он дал обещание помочь мертвецу.

«Таким образом,— заключает А. Я. Гуревич,— истинность видений не подлежит сомнению. Видение — это канал связи между потусторонним и земным миром, через его посредство живые получают откровения о состоянии душ умерших. В отличие от сновидения, которое вполне может быть обманчивым, видение, с точки зрения средневекового человека, заслуживает доверия. Как однажды выразился хронист Титмар Мерзебургский: “Сие — не сон, а истинное видение”».

Мир — это универсум снов и видений,
сны опекают, сны используют;
функции последних столь велики,
что они могут заменить знание, искусство,
даже общение; они сродни религии.
Их ожидание суть способ существования.

Но мы давно уже не такие, мы стали совсем другими — или же остались прежними, язычески богатыми своими снами; тяга к видениям прошла, не успев войти в привычку.

Примечания

[1] В этой главе использованы материалы из: *(Le Goff J.) Ле Гофф Ж*. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. Е. В. Морозовой; с лат. И. И. Маханькова / Общ. ред. С. К. Цатуровой.— М.: Прогресс, 2001.— 440 с.

[2] Оппозиция видение / сон приобрела особую важность в средние века.

[3] Эти христиане были столь очевидно связаны с Тертуллианом, что ему приписывали обработку этого текста.

[4] *Григорий Великий* (540—604 гг.) — происходил из высшего сословия, в 57—573 годах был городским префектом Рима, с 575 г. жил аскетом, с 579 по 585 год был папским посланником при византийском императорском дворе, с 590 г. стал Папой. Он способствовал достижению мирного соглашения с лангобардами, реорганизовал земельные владения Римской церкви и заложил тем самым важнейшие основы установления папской власти в Италии. Он защищал колонов от произвола и эксплуатации и выступил защитником интересов латинского населения. Из акций, проводимых им в области церковной политики, следует упомянуть о христианизации англосаксов (с 596 г.), об укреплении связи вестготов с Католической церковью и о защите папского верховенства по отношению к патриарху Константинополя. Григорий называл себя «слуга слуг господ-

них». Его «Liber regulae pastoralis» представляла собой в средневековье правила жизни всемирного духовенства.

35 его книг «Moralia», мистико-морально-аллегорическое изложение книги Иова, распространились позже как руководство по этике. Его диалоги о жизни и чудесах итальянских аскетов оказали большое влияние на средневековые умонастроения, способствовали чудоискательству.

[5] *Исидор Севильский* (ок. 570—636 гг.) — ученый, латинский писатель из состоятельной семьи, был в 600—601 годах архиепископом Севильи. Ему принадлежат многочисленные естественнонаучные, грамматические, исторические и теологические сочинения. Важными документами по истории германских народов являются «Хроника», посвященная вестготам, и история вандалов. Огромную ценность представляют «Этимологии» (или «Origines» — «Начала») в 20 книгах, дающие, на основе объяснения значения слов, целую энциклопедию знаний того периода.

[6] Так именовались христиане, которые в эпоху гонений публично заявляли о своей конфессиональной приверженности.

[7] *Агиография* — церковно-житийная литература.

[8] *Сульпиций Север* (ок. 400 г.) — латинский христианский писатель родом из Аквитании. Ему принадлежат очерки всемирной хроники в двух книгах, которые охватывают период от истоков (Ветхий Завет) до современного ему мира. Его «Житие святого Мартина Турского», отличающееся большой живостью, значительно повлияло на агиографию позднейшего времени.

[9] Речь будто бы идет о том типе сна, во время которого рождаются сновидения, однако не исключено, что здесь следует подозревать определенные неточности перевода.

В данном случае отсылка идет к Книге Бытия (2: 21), ко сну, который Бог насылает на Адама на то время, пока он вынимает у него ребро, из которого создает Еву.

В Вульгате этот текст выглядит следующим образом: «И навел Господь Бог на человека крепкий сон». Еврейский же текст говорит о «tardema» — слове, значение которого было понято как «бесчувственное состояние», глубокий сон; в Септуагинте оно переведено как «экстаз», а святой Иероним перевел его как «сопор», в то время как речь идет о *чутком сне*. Все говорит о том, что в данном тексте из Бытия упомянуто не сновидение.

Но в трактате «О душе» Тертуллиан, рассматривая «сопор» как «somnus cum ecstasi», в конце концов приравнивает «сопор» из Бытия к понятию «экстаза», состояния, являющегося для него высшей формой сновидения. «Силу эту мы называем экстазом, исходом чувств и своего рода безумием. Таким образом, изначально сон был сопряжен с экстазом, и Бог наслал экстаз на Адама, и тот уснул».

У Сульпиция Севера, напротив, термин «сопор» означает определенную форму сновидения: сновидение, являющееся в чутком утреннем сне.

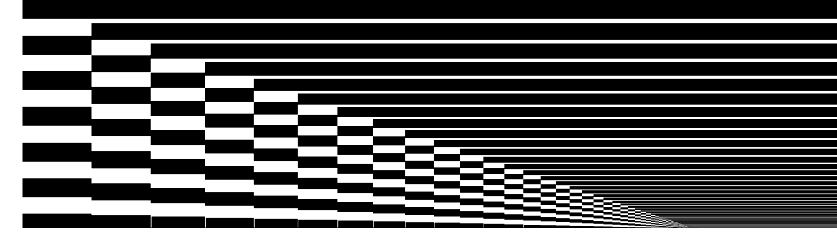
[10] Глава «Об искушении сновидениями» помещена между главами «О дьявольских искушениях» и «О молитве»; молитва считалась признанным лекарством от сновидений.

[11] *Беда* (672—735), прозванный Достопочтенным,— англосаксонский писатель, автор более 40 произведений преимущественно богословского и исторического характера; главными из них являются «Церковная история английского народа» (окончена до 731 г.) и трактат о летосчислении в истории (ранее 725 г.), где впервые было применено исчисление Дионисия Малого «от рождества Христова». Другие произведения Беды, свидетельствующие о том, что их автор являлся одним из ведущих ученых своего времени, затрагивали проблемы метрики, риторики и орфографии, поднимали вопросы в области естественных наук, а также посвящались историко-церковным биографическим темам.

Христианство: опека над снами

[12] В этом фрагменте использованы материалы из: *Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века).— М.: Искусство, 1989.— С. 82—93.

[13] Так называемые «visiones», или «видения», по мнению А. Я. Гуревича, плотно представлены в литературе «exempla»; последняя, таким образом, проливает свет на проблему общения с «миром мертвых».

Квинт Септимий Тертуллиан: конфессии сновидений

В промежутке между 210—213 годами Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (ок. 160—после 220 гг.), ставший монтанистом[1], написал трактат о сновидениях, составивший главы с XLV по XLIX его сочинения «О душе».

Тертуллиан поместил сновидение между состоянием сна и смертью. Сновидения (somnia) он называет работой сна (negotia somnii). Когда спящий человек пребывает в покое, сновидение возвращает его к активной жизни. Однако сновидение является всего лишь одним из побочных проявлений состояния сна, и его работа зависит от побуждений души, пребывающей в вечном движении. Во время сна душа, освободившись от внешних воздействий, производит свои собственные эманации, к которым относятся сновидения.

«Здесь нам необходимо объяснить христианское учение о сновидениях, рождающихся из побочных проявлений (акциденций)

сна и важных побуждений души, коя, как мы сказали, постоянно пребывает в хлопотах и заботах по причине ее вечного движения, ибо она обладает божественным характером и бессмертна. Следовательно, когда тело обретает необходимый для поддержания сил покой, душа лишается поддержки тела, ибо ей не требуется ни сон, ни отдых; лишившись работы тела, она производит ту работу, коя ей свойственна»[2].

После такого отступления, на первый взгляд, от темы сновидений как таковой Тертуллиан вновь обретает нить повествования, а в завершение рассуждений обращается к теме смерти. И хотя он, по-видимому, остается приверженцем старой античной традиции, связывающей сновидение и смерть, тем не менее он не считает смерть вместилищем снов. По его мнению, после смерти души идут в ад, где ожидают, когда настанет воскресение тел; души же мучеников направляются прямиком в рай. Никто из мертвых не может вернуться из ада; а если и случается, что в наших видениях мы видим умерших, значит, мы имеем дело с призраками, посланными демонами.

* * *

Несмотря на то что Тертуллиан с подозрением относится к сновидениям, он верит в существование «правдивых» снов и готов утверждать, что видение снов является неотъемлемым свойством человека. «Ужель найдется в роду человеческом чужак,— вопрошает он,— который ни разу не видал правдивого видения?»

Прекрасный знаток «языческой» культуры, Тертуллиан перечисляет целый ряд пророческих сновидений, известных по рассказам греков и латинян; сны эти предвещают либо будущее возвышение и обретение могущества, либо опасности и гибель.

* * *

В самом начале своего небольшого трактата Тертуллиан говорит о необходимости сформулировать христианское учение о сновидениях.

Он знаком с большинством языческих теорий о происхождении снов: ему известно, что Эпикур не признавал учения о снах, что Гомер говорил о двух воротах сновидений, что Аристотель считал сны в большинстве своем бесполезными, однако признавал существование «правдивых» снов, что жители ликийского города Тельмеса, о которых писал Цицерон, не отвергали провиденциального значения сновидений, а в случае ошибки в предсказании приписывали ее невежеству толкователя. Сам Тертуллиан многое почерпнул из утерянного трактата о сновидениях, написанного современником императора Адриана, Гермиппом из Берита[3].

Сообразуясь с различными суждениями, он решает положить в основу типологии сновидений их происхождение и возвращается к трехчленной классификации по источнику возникновения, переработав ее в духе христианской доктрины.

1. Разумеется, в большинстве своем сны посылают демоны. Среди них встречаются добрые демоны, время от време-

ни посылающие сновидения «правдивые и полезные» (vera et gratiosa), но чаще всего сновидения бывают «пустые, обманчивые, беспокойные, похотливые и нечистые» (vana et frustatoria et turbida et ludibriosa).

2. Пророческие сны посылает Бог,— Тертуллиан утверждает, что большинство людей учатся познавать Бога через *видения*; через сны Бог может воздействовать даже на язычников. В отместку злые демоны пытаются искушать сновидениями святых, посылая им видения и днем и ночью.

3. Существует, наконец, третья категория сновидений, которые душа под влиянием обстоятельств посылает *самой себе*.

Подобно своим современникам-монтанистам, а также некоторым христианам, Тертуллиан вычленяет четвертую форму — но не источник происхождения — сновидений, а именно сновидения, *связанные с экстазом*.

* * *

Тертуллиан осуждает любую попытку валоризации снов в зависимости от места, в котором они были — как правило нарочно — увидены: в святилище (sacrarium) оракула или же в храме, где практикуют возлежания; Тертуллиан против возлежания вообще: сны можно видеть повсюду.

Возлежание, то есть целенаправленный сон в определенных, преимущественно священных, местах — это суеверие. «Силы (души, экстаза) не ограничиваются пределами священных мест, они бродят, летают тут и там и остаются свободными. Нет оснований сомневаться, что дома открыты для демонов и что люди окружены «образами» не только в священных мес-

тах, но везде, даже в своих опочивальнях». Таким же суеверием является «предписание поста тем, кто практикует возлежания поблизости от святилищ оракулов, дабы получить советы по излечению».

Известно, однако, что практика возлежаний определенное время сохранялась в христианстве. В сборниках житий Григория Турского приводятся многочисленные примеры сна возле могил святых — для получения во сне указаний по исцелению; отдельные случаи такой манеры сна встречаются и в позднем средневековье.

* * *

Тертуллиан говорит об универсальном характере сновидческих способностей людей; все люди видят сны. В последней главе своего трактата он признает сновидческий опыт за всем человечеством, без исключений. Маленькие дети видят сны, несмотря на то, что многие утверждают обратное; атласцы в Африке, о которых говорят, что во время сна они слепнут, тоже могут видеть сны. Разумеется, варварам и тиранам, подобным Нерону, сны посылают демоны, однако Бог тоже посылает сны. Разве не может Бог послать сновидения атласцам, как и любому другому народу на земле? Ни одна живая душа не лишена способности видеть сны.

Таким образом, несмотря на все свои сомнения, Тертуллиан поддерживает положение об универсальном характере сновидений; спустя немногим менее двух веков Синесий, ссылаясь на Тертуллиана, станет проповедовать всеобщий характер сновидения.

Тертуллиан: конфессии сновидений

Ожидание откровения: готика снов

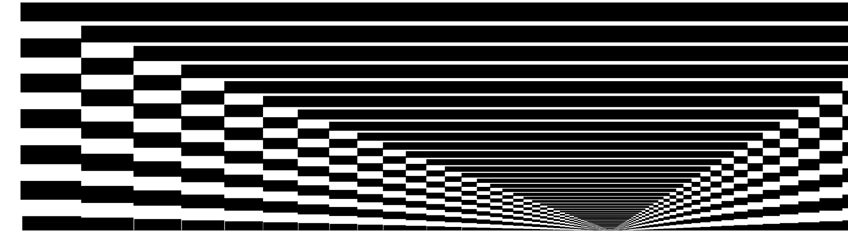
Сны — общедоступны, сны — общественны, сны — повсеместны; однако — мы и сегодня настороженно относимся к тому, где спать,— так легко увидеть плохой вещий сон. Мы все — одна конфессия в отношении бытовой теории сна.

Примечания

[1] *Монтанисты* — ранняя христианская секта, основанная около середины II века в Малой Азии Монтаном, который считал себя предвестником «второго пришествия». Монтанисты проповедовали приближающийся конец света, наступление тысячелетнего царства, призывали вести аскетический образ жизни. В III веке этот призыв, в основном, и послужил причиной враждебного отношения к секте со стороны официальной церкви, тогда как проповедь ожидания в скором будущем «второго пришествия» не играла никакой роли. Монтанисты выступили продолжателями традиций первых христианских общин.

[2] Цит. по: *(Le Goff J.) Ле Гофф Ж*. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. Е. В. Морозовой; с лат. И. И. Маханькова / Общ. ред. С. К. Цатуровой.— М.: Прогресс, 2001.— С. 381.

[3] По мнению Ле Гоффа именно этот трактат послужил основным источником для Артемидора.

Аврелий Августин: онейрическая автобиография

Основателем литературного жанра, который был определен как *онейрическая автобиография*, называют Аристида Элия, о ком уже говорилось выше. Основанием для подобной номинации является тот факт, что главными событиями такой автобиографии являются целительные сновидения, сны-предвестники или даже просто сакральные сны, озаренные присутствием божеств или же, в иной, конфессиональной, системе координат, Бога.

В качестве «онейрических» могут рассматриваться, с известной натяжкой, такие автобиографии, как «Исповедь» блаженного Августина, составленная в XII веке, автобиография Гвиберта Ножанского[1], автобиографические рассказы XVI века, собранные Хулио Каро Барохой в его книге «Волшебные жизнеописания»; в дальнейшем жанр этот получит признание у писателей-романтиков и сюрреалистов[2].

* * *

«Было бы удивительно, если бы Блаженный Августин, чье учение наложило столь заметный отпечаток на христианскую антропологию “долгого Средневековья”, берущего начало, на мой взгляд, в античный период и продолжающегося до промышленного переворота XIX столетия, оставил бы без внимания такую важную область исторической антропологии, как сновидения»,— говорит Ле Гофф[3].

В Африке в III и IV веках широкое распространение получила пришедшая от эллинов традиция сочинять автобиографии в форме рассказов о видениях.

Когда в церквах во время служб случались видения, то их, со времен Тертуллиана, тщательно записывали в форме рассказов от первого лица. Видения были распространены не только у монтанистов, но и среди приверженцев Великой Церкви, где в период преследований они только множились. Речь идет о видениях как дневных, так и ночных, которые являются во сне. Попавшим в тюрьму и ожидающим допроса и мученической смерти христианам являются многочисленные видения, и мученики стараются сообщить о них своим товарищам в устной или письменной форме; товарищи используют эти рассказы при составлении жизнеописаний мучеников. Истории эти, записанные от первого лица, мы находим встроенными в самые серьезные сочинения.

Особенностью этих видений является их внезапность, часто подчеркиваемая словом *вот* (*ecce*), и их сходство с реальностью, выделяемое в большинстве случаев словом *почти* (*quasi*). В них мы обычно одновременно видим и слышим одно из небесных существ: то Христа, то ангела или мученика, то какого-нибудь [святого] усопшего.

Как и его африканские современники, Августин с интересом читает эти автобиографические рассказы о видениях. Он неоднократно упоминает о видениях из «Мученичества Перепетуи», текста,

литургическое чтение которого предшествует чтению проповедей. Он также охотно записывает видения, являвшиеся его друзьям и знакомым.

В этом пассаже находим множество характерных особенностей: связь между отдельными традициями эллинистической эпохи и христианскими обычаями, привилегированный характер видений мучеников, популярность видений среди еретиков и сектантов (в данном случае монтанистов), пристрастие людей IV века — и язычников, и христиан, но особенно уроженцев Африки — к сновидениям и их толкованиям, и пр.

Сновидения играют важнейшую роль в великом событии в жизни Августина: в его обращении. Прежде всего потому, что предсказано оно было в сновидении, увиденном его матерью (мы пребываем и среде языческой и христианской одновременно, в среде, где признают пророческие сны и где Блаженный Августин, не возгордившись, может выстраивать свою жизнь на основании особых, личных, отношений с Богом).

Так же, как и в составленной в начале XII века онейрической автобиографии Гвиберта Ножанского, где события разворачиваются через тесно взаимосвязанные сновидения самого Гвиберта и его матери, Августин и его мать Моника составляют пару, ставшую основой земной жизни Августина и его духовного призвания. Подчеркивая важность сновидений в своей жизни, первый сон, предвещающий его обращение, Августин приписывает матери.

Во время тяжелой болезни сына Моника видит во сне юношу, уверяющего ее, что сын ее станет здоров не только физически, но, в скором будущем, и духовно. На деревянной линейке, на которой стоит она сама, она видит Августина вмес-

те с этим юношей и слышит, как Бог говорит ей: «Там, где ты стоишь, он тоже стоять будет».

Августин, писавший свою «Исповедь» уже обращенным, не испытывает сомнений. Юноша, явившийся взору его матери и обратившийся к ней со словами утешения, а также предсказавший его собственное обращение,— это сам Бог (или один из посланных Им ангелов, что является традиционным для «африканских» видений образом).

Обращение Августина, случившееся в 386 году, спустя девять лет после сна его матери, предваряет знаменитая сцена в миланском саду. После бурного плача, предшествовавшего обращению Августина и его друга Алипия, Августин вопрошает Господа — доколе, доколе? — тот будет гневаться на него и сможет ли он вообще когда-нибудь обратиться? «Опять и опять: “завтра, завтра!”» Упав под смоковницей в своем саду в Милане, Августин засыпает. Затем он слышит голос «из соседнего дома»,— «будто мальчика или девочки», повелевающий ему: «Tolle, lege» — «Возьми, читай!»,— и, открыв текст Евангелия, он попадает на отрывок из послания апостола Павла к римлянам (13:13-14): «Как днем, будем вести себя благочинно, не *предаваясь* ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа (нашего) Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти»[4].

* * *

С точки зрения теории, Августин, полагает Мартина Дюлей, будучи еще язычником, скорее всего, исходил из доктрины Цицерона, которую вкратце можно сформулировать

следующим образом: «Обычно сновидения обманчивы, но...» Он также пытался узнать у матери, каковы те критерии, на основании которых можно отличить сны «правдивые» от снов «лживых». Однако мать смогла привести ему всего один, да и то весьма расплывчатый, критерий: сны эти имеют «некий особый привкус, объяснить который словами невозможно».

В конце 387 года, вскоре после обращения, Августин, видимо, продолжая вдохновляться Цицероном («О дивинации»), в своем труде «О количестве души» пишет следующее: «Через регулярные промежутки времени душа прекращает участвовать в работе чувств; таким образом, она восстанавливает свою работоспособность, отправляясь, так сказать, на каникулы; она смешивает бессчетное множество образов, коими она запасается при помощи чувств: все это и есть сон и сновидения».

Интересуясь тем, что происходит в человеке и что может являться ему в снах, Августин уделят особое внимание душе. В дальнейшем, подобно Тертуллиану, он заимствует у неоплатоника Порфирия идею о посредничестве духа (*пневма*) между телом и душой, от чего душа, таким образом, становится царством воображения. Сновидения являются частью образов, порожденных душой.

Однако, как свидетельствует переписка Августина с Небридием[5], он также полагает, что определенную роль в сновидениях играют демоны, добрые или злые.

* * *

Очевидно, Августин не стремится создать теорию сновидений, а довольствуется отдельными размышлениями по поводу снов, с которыми ему пришлось случайно столкнуться,

рассматривая конкретные вопросы, относящиеся к интроспективно-теологической «психологии».

В трактате «De genesi ad litteram», написанном около 414 года, приводится приблизительная классификация сновидений.

В целом они делятся на «правдивые» (*vera*) и «лживые» (*falsa*). «Правдивые» сновидения в свою очередь подразделяются на *сны ясные* и *сны символические*. Это членение представляет костяк языческой теории сновидений, на основе которой была создана пятичастная типология сновидений. Однако Августин продолжает отыскивать критерии для определения снов «лживых» и снов «правдивых». Соотносясь, по всей вероятности, с опытом матери, он предполагает, что в случае «лживых» снов душа приходит в «смущение» (*perturbata*), зато, когда сон «правдивый», душа остается спокойной (*tranquilla*). Сюда же он добавляет свои размышления об иллюзии (*phantasia*) и призраке (*phantasma*).

В конечном счете, объединяя внутренние и внешние факторы, порождающие сновидения, Августин приближается к доминирующей в христианской теории типологии сновидений — типологии в зависимости от происхождения.

С одной стороны, есть человек: *душа* и *тело*. Душа стоит у истоков зарождения сновидения; в этом процессе ей принадлежит главная роль. Существует также внешний возбудитель. Сны посылаются духами, ангелами или демонами. Хотя дьявольские сны существуют[6], Августин не слишком настаивает на дьяволе и демонах как источниках сновидений. Ангелы, разумеется, порождают сны и направляют на них «интенциональную силу души», но основную работу производит именно душа:

«Все происходит в душе человеческой, даже если сами ангелы прилетают извне». Сны же, полученные напрямую от Бога, как показывает опыт его матери Моники, чрезвычайно редки.

Старея, Августин начинает относиться к сновидениям со все нарастающим недоверием.

* * *

Пребывая в Милане и еще будучи язычником, Августин сделал настоящую подборку материалов о снах. Подобно истинному специалисту по толкованию сновидений, он собрал множество рассказов о снах, о чем поведал значительно позже, пересказывая один из случаев из своей коллекции: «Когда я жил в Милане, я услышал вот какой рассказ: у одного человека потребовали выплатить всю сумму долга, предъявив ему обязательство, подписанное его покойным отцом еще при жизни. На самом же деле долг был давно уплачен, только сын об этом не ведал. Человек наш печалится и удивляется, почему отец перед смертью, составив завещание, ничего не упомянул про долг. Он грустил, и тут во сне к нему явился отец и указал, где находится расписка о погашении обязательства, аннулирующая долговую расписку. Человек нашел этот документ, предъявил его, снял с себя обвинение и даже получил обратно отцовскую расписку, которую тот не забрал после уплаты долга».

Как отмечает Пьер Курсель, «сначала Августин разделял общее мнение, согласно которому душа отца, тревожась о сыне, явилась к нему во сне, чтобы избавить его от забот, предоставив ему недостающие сведения. Однако позднее, убедившись в «лживос-

ти» некоего видения, которое якобы получил от него один из его учеников, он утратил всяческое доверие к этому сну. Впоследствии, рассматривая в труде «De cura pro mortuis gerenda» (421 г.) верования, связанные с воскресшими покойниками, он выразил свое недоверие к снам, где появляются умершие, ибо сны эти, по его мнению, были порождены культом мертвых».

* * *

Пастырский опыт борьбы Августина с донатистами[7], также внимавшими видениям, позволил ему «осознать» существование связи между сновидениями и *ересью*.

Со временем у него сложилось отвращение к плотским утехам, особенно к сексуальным вожделениям, укрепившееся после обращения, поэтому сны сексуальные и эротические, пополнявшие его разраставшуюся коллекцию сновидений, в глазах его представляли собой большую опасность. Уже в «De genesi ad litteram» он ставит перед собой задачу узнать, ответственны ли люди за свои сексуальные сны и каково происхождение этих снов.

В конце концов Августин приходит к выводу, что сновидение по сути своей относится к явлениям психологическим. Но душа, участвующая в сновидении, еще недостаточно очистилась, а онейрические образы не схожи ни с какими иными образами. В глубине души Августин, обращаясь к сновидениям, начинает испытывать чувство беспокойства[8].

* * *

Область сновидений и всего, что связано с их появлением, разумеется, не является той сферой, где учение Августина оказало наибольшее влияние на верования и религиозную практику раннего средневековья. Разделяя присущие людям античности, язычникам и христианам, сомнения в отношении сновидений, Августин не ставил перед собой задачу разработать достоверную теорию сновидений и, несмотря на тонкие психологические наблюдения, не стал мастером снотолкования. Однако его чрезвычайно сдержанное отношение к сновидениям способствовало формированию атмосферы недоверия, окружавшей толкование снов в период раннего средневековья.

Когда в XII веке возродятся античные представления о сновидениях, наследие Августина не будет втянуто в процесс дискредитации трехчастной христианской типологии сновидений — по их происхождению; благодаря проявленному Августином интересу к роли души и духа в возникновении сновидений он станет основателем новой христианской онейрологии, пронизанной идеями античности, и ему припишут авторство трактата «De spiritu et anima», знаменующего рождение этой новой науки.

Августин: онейрическая автобиография

Примечания

[1] *Гвиберт Ножанский* (1053—1124 гг.) — французский хронист.

[2] Из современных произведений можно назвать «Падая в тишайшую высоту» Доминика Лефевра, цитата из которого была избрана в качестве одного из эпиграфов к этой книге. Целая сюжетная линия — *стансы* и *сновидения* — посвящена там реальным снам.

[3] *(Le Goff J.) Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. Е. В. Морозовой; с лат. И. И. Маханькова / Общ. ред. С. К. Цатуровой.— М.: Прогресс, 2001.— С. 351. Далее Ле Гофф цитирует работы Пьера Курселя и Мартины Дюлей.

[4] Ле Гофф считает, что Августин действительно услышал «сверхъестественный» голос, передавший ему слово Господа. Следовательно, речь идет о слуховом видении (вспомним о важности слова в слуховых сновидениях, не имевших зрительных образов), и обращение Августина становится в один ряд с теми обращениями ранних христиан, что совершались под воздействием сновидений (не следует также забывать, что Августин словами просил обращения у Бога).

[5] Друг святого Августина, с которым он долгое время поддерживал переписку.

[6] В исповеди святого Киприана, написанной около 360—370 годов, Августин прочел, что Киприан видел «дьявола и его камарилью».

[7] *Донатизм* — церковная схизма, названная по имени избранного в 313 году епископом Карфагена Доната Великого. Возник на почве социальных, национальных и экономических трений между берберским населением страны и римскими и романизированными землевладельцами и горожанами в начале IV века. Осужденный большинством соборов, донатизм подвергался преследованиям. Августин боролся с донатистами и в конце концов вынудил многих из них перейти в Католическую церковь (используя государственную силу). Донатизм продержался вплоть до византийского времени.

[8] Во всяком случае, по замечанию М. Дюлей, для него сновидение не является привилегированным путем доступа к истине.

Другие: от Гвиберта Ножанского до Арнольда из Вилладовы

Практика компиляции, тотального, дословного заимствования, процветавшая в средние века, хорошо известна. Она вполне объяснима и даже понятна: что может быть надежней суждений и мыслей, освященных веками, подписанных именами авторитетнейших из смертных? Свои мысли не в чести; во всяком случае, они непопулярны.

Гвиберт Ножанский: сны сопровождают

О Гвиберте Ножанском (1053—1124 гг.) уже говорилось выше; он оставил свою *сновидную автобиографию*.

Альберт Великий: Аристотель уже сказал о снах

Альберт фон Больштедт (ок. 1193 — ок. 1280 гг.), прозванный Великим, повторяет мысли Аристотеля о сущности сна

и считает, что образы сновидений создаются силой воображения (*virtus imaginative*), которая заимствует свой материал из сохранившихся образов чувственных восприятий. В противоположность образам засыпания и дремоты, сновидения в собственном смысле возникают, по Альберту Великому, из внутреннего душевного мира, и на их образование влияет прежде всего интеллект, поэтому они могут быть даже распознаны спящим как иллюзии. На основании этого факта монахи при их похотливых сновидениях утешаются сознанием, что постыдные поступки им только снятся, а на самом деле они их не совершают. Virtus imaginative подпадает также под влияние всего содержания сознания (anima cogitativa); страсти, желания, умственные занятия, привычки находят в сновидениях свое отражение. Сновидение может быть само по себе причиной действия. На силу воображения влияют и соматические раздражения, на чем основано диагностическое значение сновидений. По Альберту Великому, «воспаление желтой желчи» порождает в сновидениях образ огня.

Он знал открытое Аристотелем правило усиления раздражения в сновидении. Не в последнюю очередь virtus imaginative оказывается под влиянием раздражений, исходящих из окружающей среды.

Альфонс X Мудрый: сны закономерны

Альфонс X Мудрый[1] в своде законов «Семь частей» (закон XVI) говорит о снах следующее: «Сон, как бы там ни было, является естественной потребностью, которую Бог

предписал натуре человека с тем, чтобы тот мог отдохнуть во сне от трудов, которыми занят; и во время сна, как говорят те, кто ведут речь о природных свойствах,— и это действительно так,— члены его отдыхают и пребывают в состоянии покоя, но душу его обуревают мысли и чувства, какие свойственны ему в бодрствовании; от того и снится ему разное, то естественное и имеющее смысл, а порой совсем иного свойства; обусловлено это тем, что едят и пьют, где находятся и чем занимаются, пока бодрствуют, или же тем, что усиливаются или ослабляются те органы чувств, которые есть у тела; и бывает так, что одолевающие заботы и желания воздействуют таким образом, что то, чего недостает, достоверным образом предстает во снах, но после пробуждения ничего из этого не оказывается. А потому те, кто из такой слабой основы, как эта, исходят в своей вере, должны понимать, что вера их — непрочна и неполезна и не способна длиться долго»[2].

Арнольд из Виллановы: сны все-таки диагностичны

Особенно ценил диагностическое значение сновидений Арнольд из Виллановы (1235—1312 гг.). Он сообщает о больном, которому дважды снилось, что он получил удар камнем по уху. Вскоре этот человек заболел воспалением уха на соответственной стороне. Кошмарные сны, устрашающие видения указывают, по мнению Арнольда из Виллановы, на меланхолию.

Другие: несколько компиляций

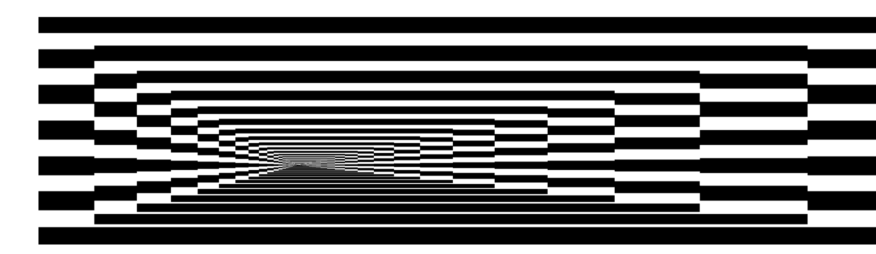
Ожидание откровения: готика снов

Остановимся на этих нескольких типах мнений,— хотя их, конечно, было гораздо больше, этих поучающих «других» средневековья, и это понятно: им уже было за кем повторять.

Примечания

[1] *Альфонс X Мудрый* (1221—1284 гг.) — король Кастилии и Леона; сыграл важнейшую роль в создании кастильской прозы.

[2] Цит. по: Что есть сон: Пер. с исп. Л. Бурмистровой // Книга сновидений / Сост. Хорхе Луис Борхес.— СПб.: Амфора, 2000.— С. 95.

Готика Ваших снов

Утеряна ли готика снов сегодня? — Нет, конечно же, нет. Тогда в каком виде она предстает пред нами? Что есть готические сны?

Готические сновидения — это сны яркие, насыщенные, это сны обработанного камня, это сны узких улиц и смыкающихся зданий, но, главное,— это сны с особым, тонким ароматом сопричастности и страха, неуверенности и ожидания. Это сны грядущего, которое гораздо ближе, чем в иные эпохи,— вот оно, сейчас, уже здесь; и кто знает, каково оно будет? Это сны возможного, но и незыблемого также: твоя участь изменчива и непостоянна, но пространство вокруг тебя застыло в заданных формах. Это сны, где природа отсутствует; она проступает только в аллегориях. Это сны потоков цветного света, осязаемых, почти материальных; пестрящих, но чистых, не смешанных один с другим. Это сны доблести начетничества,

высокой поэтики — когда рифмованная, метафорическая речь почти вытесняет прозу; это сны должного. Это также сны подвижных чувств, ритмично качающихся между экстазом и страхом, столь быстро, что перестаешь их различать. И еще — это сны жестов, в которые усиленно вглядываешься, пытаясь возобновить почти утраченную практику средневековья.

* * *

Вот пример готического сна, который можно назвать: «*прокаженные*».

Я взбираюсь на стену, сложенную из крупных, грубо обтесанных камней. Перевесившись через ее верх — а она так широка, что на ней можно усесться,— я вижу между стенами высящихся домов улицу, кривую, уходящую вниз, слабо освещенную (фонарями?). До моего слуха доносится звон колокольчиков — появляются прокаженные, я вижу их неясные силуэты с накинутыми на головы капюшонами[1].

Другой сон я записал как «*Жюльет в сумасшедшем доме*».

Снится: идем, с кем не помню, через высокий холл, со стеклянными дверьми,— да я же сам здесь работаю! Дальше — разговор в кабинете; парень-санитар дает ключ от двери. Каменная лестница ведет вниз, в подземелье; о Боже, эти лица, эти люди! Выпускают одного: это женщина из Будапешта. Выводят Жюльет: ее мама что-то говорит. Вижу светящийся стенд, слезы (?); этот стенд можно пе-

релистывать как книгу: человек, выросший из спины слона; на голове льва — орнамент из шерсти; люди с оленьими рогами вместо ног, их называют «оры».

Затем — лечение оров; вино, обостряющее остроту чувств; много спать: первый день — сон по 3—4 часа, потом по 40 часов, потом — 24 часа. Лампа освещает всю комнату; Жюльет — на диване, спит.

После снится огромный стол; вижу сцены жизни (так во сне): только огонь; ночь, метель в виде лошади мечется среди елей.

В еще одном сне — готическом сне — я видел страшную картину; в моей тетради я записал ее словами, полными прорывающегося ужаса: «*люди-птицы, переделывают*».

Снится: иду по разбитой, в колеях, подъездной дороге. Впереди виднеется лес, уже довольно близко. Слева вижу невысокое, приземистое здание; с той стороны несется оглушительная музыка, бравурная, навевающая тревогу. Иду к зданию. Вблизи оно похоже на ферму. Заглядываю внутрь: вход, как в ветеринарную клинику, а может быть, и скотобойню, точного ощущения нет. Внутри я вижу страшную картину. Дюжие люди в мясницких халатах «обтесывают», по-иному не скажешь, ноги других людей, которых они удерживают; впрочем, те уже, кажется, не сопротивляются. «Здесь из людей делают птиц»,— эта фраза повисает в сознании, затуманенном тошнотворным, животным страхом. На разделочных, искусственного мрамо-

ра, столах — кучки срубленной плоти; жуткие лоскуты свисают с голеней. Насилие над плотью во имя идеи — сделать из человека аиста, журавля; не помню, какую точно голенастую птицу. Понимаю, что музыка нужна была, чтобы заглушить крики отчаяния и боли.

В другом готическом сне я видел *звезды на перилах моста*.

Я стоял в каком-то темном месте (канава? обочина?) — помню лишь, что я завороженно глядел на мост, находившийся слева и впереди меня: перила моста были сплошь усеяны лучистыми голубыми звездами, испускавшими сияние, рассеивавшее окружавшую темень. Дальше сюжет приобрел какую-то волшебную, колдовскую окраску, или так только должно было случиться, сейчас уже не помню.

Вот еще один странный готический сон: «*старик бросил красную птичку*».

Снится: я нахожусь посреди какого-то участка поля, отделенного тянущейся — кажется, бесконечно — изгородью. Солнечно, жаркий ветер обдувает лицо. Я стою, подавшись вперед, крайним в развернутой во фланг цепочке самых разных существ, среди которых змеи, какие-то другие животные (возможно, это оборотни). Я — как, наверное, и все — с напряженным ожиданием смотрю перед собой, на невысокий амбар. Из глубины его появляется старик — белоснежные волосы, длинная, наверное домотканая, рубаха.

Он отворачивается, прячет лицо; повернувшись боком, левой рукой бросает в нашу сторону что-то чрезвычайно яркое, красного цвета. Наш ряд приходит в волнение — все раскачиваются, издают звуки, складывающиеся в слова (?): «Старик бросил красную птичку». Ликование захлестывает меня: начинается, значит, охота на ведьм, мы пойдем туда, за горизонт, откуда приходит горячий, упоительный ветер!!! В следующий момент я вижу себя уже возле амбара, рядом с которым — врытые в землю деревянные столик и лавка, покосившиеся, потрескавшиеся. Все с ожиданием смотрят на меня, даже старик устремил на меня свой взгляд. Я начинаю видеть себя как бы со стороны. Я делаю вращательное движение своей медвежьей головой, со взбрыкиванием, и кусаю себя за левое плечо; на блестящем загорелом плече проступают выпуклые бисеринки крови. Последняя мысль — обряд совершен. Ощущение счастья, ожидания, причастности.

Еще один готический сон, хотя он в известной степени модернизован.

Осенний лесопарк, багряный, желтый, прозрачный. Полеты на геликоптере, пилотаж, пируэты среди крон, над деревьями. Влетаю в какое-то приземистое здание, скольжу по коридору до упора, еле успевая затормозить; за железной, с запорами, дверью — звери, переделанные в людей. Угадывается суета, кажется, привезли новое животное — кошку? Вижу лису-человека в клетке.

Ожидание откровения: готика снов

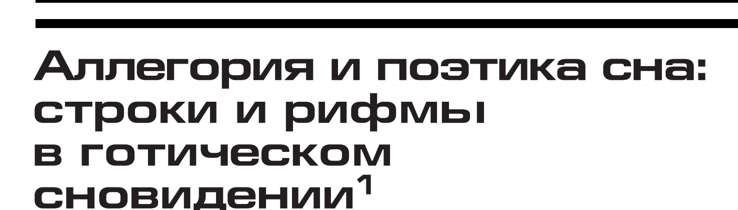
Вот сон в стиле *фэнтези*, однако я отнес его к готическим; так я его почувствовал.

Снится гротескный, ярко-зеленый лес, пологий склон спускается к дубам с распластанными кронами. Я стою у стен замка — он какой-то компактный, плотный, ненастоящий, резко контрастирующий с окружающей средой. Вокруг толпятся полумифические существа. В одной из стен замка, в левой его башне, ворочается, клубится цветное варево. Сквозь эту башню, сквозь этот красочный студень (или смерч?) мне, человеку, предстоит протиснуться, пройти, чтобы войти в замок. (И еще: это варево, вроде бы, нужно есть.)

Страх живет в памяти, детстве, и детство и память живут в страхе. Готические сны — страшный и странный мир, но — он так внимателен к тебе, что ты, маленький сонный эгоист, не можешь не любить его; что дальше, там, за гранью дня?

Примечание

[1] *Прокаженные* — одна из групп отверженных в средневековом обществе. Они имели установленную форму одежды: накидка с капюшоном, который скрывал лицо, поскольку проказа, или лепра, обезображивала лицо, делая его *львиным*. Они обязаны были носить колокольчики, для того чтобы звоном предупреждать окружающих о своем приближении.

Аллегория и поэтика сна: строки и рифмы в готическом сновидении[1]

В этой главе я хотел бы рассказать об одном малоизвестном памятнике средневековой литературы, известном по позднейшим изданиям как «Ватель Прихожанин» («Vatel Paroissien»), так как оригинал был утерян[2]. Это единственный цельный цикл видений и, как утверждают, реальных снов, приснившихся, в большинстве своем, в стихотворной форме[3]. Взглянем на десяток характерных для «Вателя» снов-стансов[4].

* * *

В третьем сне Вателю снятся пересекающие луг ручьи; он отчетливо видит ковыляющих вдоль русла птиц. На берегу одного из ручьев стоит, полуобернувшись, медведь: его морда странно искажена; это почти человеческая гримаса. Картина внезапно меняет оттенки: это уже рассвет; все залито розовым светом, вызывающим ассоциации с кро-

вью. Вателю кажется, что теперь ручьи текут в обратном направлении.

Откуда бегут соловьи, оставляя багряный след?
Откуда текут ручьи, позабыв за спиной рассвет?

Оскольчатый темный лед стынет в твоих глазах,
мерзлый янтарный мед в ранних твоих словах;

где-то живет костер, рядом гнездится страх;
ты ближе, чем сто сестер, и дальше, чем снег в горах;

ты у меня — одна. Может быть, я пойму:
ты от меня ушла дальше, чем за весну?

Помнишь, не так давно листья раскрылись вдруг?
Ты для меня все равно самый желанный друг;

мечется тень в ногах — солнце не может уйти;
я на свой риск и страх все же скажу — прости;

ты теперь знаешь — ответь, где курица, где яйцо...
Я — как ручной медведь, взявший чужое лицо;

хочешь — молчи, забудь, просто глаза закрой;
слишком тяжелый путь выбрали мы с тобой;

я — никакой герой. Я — твой бездомный зверь.
Я — твой ночной покой. Вот и скажи теперь —

откуда бегут соловьи, оставляя багряный след?
Откуда текут ручьи, позабыв за спиной рассвет?

В одиннадцатом сне Вателю снится увязшая в снегу карета, которая представляется то движущейся, то застывшей. Он видит все как бы стороны: силуэт кареты,

накренившийся, темный, на берегу замерзшего притока; склоненные надо льдом, поблескивают, звенят тонкие ветлы. Одновременно он чувствует, как внутри кареты, сжавшись, сидит молодая женщина (в черном?); он слышит вроде бы как свои слова, обращенные к ней: они и были записаны им по пробуждении, в стихотворной форме.

На песчаном берегу намерзает лед,
песок, мягкий и нежный летом,
становится холодным и твердым зимой;
между ветел — стылый янтарный мед;
во льду застревают колеса кареты —
стоит ли ехать в карете тебе одной?

Отломи кусок стылого янтарного льда,
лизни этот снежный медовый камень,
укуси этот камень, янтарный, снежный,
так чем же этот мед плохая еда?
Особенно когда вся ты трепещешь, как пламень,
особенно когда ветер такой безбрежный.

Вокруг Королевы Снега снежные пчелы;
вспоминается ли тебе время тепла?
Не страшно ли тебе в этой карете одной?
Помнишь ли ты, мы когда-то условились:
что не так — ты лепи человечка из снега,
и ты будешь всегда не одна, и ты будешь всегда со мной.

В четырнадцатом сне[5] *Ватель передает ощущения, вызванные эротическими ощущениями при засыпании. Он видит изогнувшееся женское тело, сокрытое атласной тка-*

нью; лицо неразличимо, он помнит только румянец и легкий звук дыхания. Рука женщины скользнула вдоль тела; следующая картина — на белом атласе проступают удлиненные влажные пятна.

Сон на покрове белее снега;
пальцы спустились, коснулись тела,
пальцы спустились, и тронула нега
сердце и бедра розово-белые;

руки спустились вдоль гладкого тела,
пальцы проснулись, владея телом;
ткань на изломе зимы повлажнела,—
темные влажные пятна на белом;

ты ли не видела, ты ли не знала,—
тайна, что знают лишь двое,— не тайна;
моря души тебе сделалось мало,—
ты обыскать себя вздумала тайно;

пальцы спустились, коснулись тела,
сердца и бедер розово-белых;
ночь встрепенулась, объятая негой,—
лишь сон на покрове белее снега.

Сон пятый Ватель описывает в стилистических приемах «видения»; в нем хорошо заметны аллегории. Ватель видит зал, сквозь глубокие арочные окна которого проникают, почти осязаемые, пыльные потоки света. Они, однако, не могут рассеять плотный коричневый сумрак. Ватель стоит посреди залы и читает вслух рифмованные строки; перед глазами оживают фигуры, в ко-

торых он узнает Тишину, Скуку, Печаль, Гнев и другие чувства [души]. Монолог, очевидно, обращен к женщине.

Ты поднимаешь руку. Тишина — не более чем грим.
В лице Печали нет тени сна. Ты не берешь в расчет глухую скуку.
Вдвоем с тобой нам трудно быть одним.
Я движим чувством. Ты — лишь пустотой. Я не ищу в тебе
слепую радость.
Ты не берешь того, что взять могла бы. Живая боль
как приторная сладость.
Ты не моя. И, к счастью, я не твой.
Здесь книги, здесь икона, здесь душа. Фонтанчиком кровавым
бьется день
в тугую пустоту незрячих окон. Закрой глаза — вокруг сухая тень.
Застывши в раме, держит самка-мать уродца-мальчика, святого
малыша.
Ты видишь две любви. Одна — возня. Другая —
обездвиженная благость.
И обе — предназначены для дня. И обе — зачинаются в крови.
И обе — одинаково нам в тягость.
Ты знаешь игры. Это — Тишина. И Скука. И Печаль. И Гнев.
И Боль.
Играть в них можно враз по одному. Пред нами — не стеклянная
стена.
Я научу тебя, ты только лишь позволь.
Крупицы мрамора на слякоти земли как капли слез
в развалинах сомнений.
Ты ищешь след, а видишь колеи. В руках Тоски твои святые сны,
в руках ненужных пришлых поколений.
Сны девочки — не повод женских грез. Ты — лапка кролика.
Я — пояс чистоты.

Аллегория и поэтика готических снов

Ожидание откровения: готика снов

Мы лишены налета ожиданья. Часы явились миру наготы —
семь радужных написанных полос — преграды на пороге
Расставанья.

Этот сон-стихотворение, седьмой по списку, навеян, очевидно, мифологическим сюжетом о Леде. Ватель видит во сне последовательно сменяющие друг друга пять картин[6]*: наступающая ночь, которую он встречает на берегу реки; начало грозы, немые зарницы, разрывающие небо, отражающиеся в помутневшей реке,— кажется, это силуэт женского тела, обвитого лебединой шеей, белоснежной, гибкой, укрытого огромными крыльями, не различишь, чьи они; матовое, почти белое зеркало, в котором расплывается отражение стоящей перед ним женщины; обнаженные ветви кустов, с которых беспросветный дождь почти уже сорвал поздние листья; мертвая птица, распластавшаяся в грязи, изломанные крылья, на голове лебедя — смятая корона. Ватель просыпается со слезами и записывает стихотворение.*

Один лишь раз — двурогий сладкий сон,
тугой волны бездумное касанье,
твое святое тело, теплый стон
и падающей ночи причитанье.

Два мертвых зеркала — река и злое небо —
друг к другу прыгнули в свечении зарницы;
река — как лебедь, ты — пустая Леда,
чуть преступившая привычные границы.

Три прошлых дня — безжизненно-фривольно
слепое зеркало стоит перед тобою;
все, что ты сделала, ты сделала невольно,
ты просишь примирить тебя с судьбою.

Четыре времени — и страстно оскопились
в слепящей боли осени кусты;
мы тщетно ссорились, впустую помирились,
остались те же: лебедь, я и ты.

Пять песнопений — близится конец;
кто первый ступит в белый след начала?
На мертвом лебеде — сверкающий венец.
....

В сне двадцатом Ватель видит поля, разрезанные на равные наделы; на одном из таких участков он видит девочку-подростка, сидящую на земле, на коленях. Она берет комья глинистой почвы, мнет их, пропускает через руки, болезненно морщась: в мягкой, податливой, скользкой глине — тончайшие осколки, граны стекла, белого, прозрачного, окрашенного в нежные тона. Он думает, что это разбился витраж неба. Вокруг девочки уже лежат, уже разбросаны маленькие намеченные тельца — дети, дети и дети, кто совершенней, кто подобен кукле. Он видит ее руки словно свои — на них множество порезов, сочащаяся кровь смешивается с глиной, покрывает ее, окрашивает тела детей. Девочка неустанно ваяет. Вот вокруг нее уже другие дети — они тоже лепят; новых детей все больше, они все совершенней; кажется, скоро они станут живыми.

Аллегория и поэтика готических снов

Небо упало кольцом огней,
солнце разбилось стеклянной стрелой,
поле досталось одной тебе,
поле покрылось стеклянной травой,

небо упало кольцом огней,
солнце разбилось стеклянной стрелой,
солнце упало среди полей,
поле досталось тебе одной,

поле досталось тебе одной,
в стеклянной траве, в один из дней
дети из глины, покрытой травой,
лепят стеклянных земных детей,

поле покрылось стеклянной травой,
небо упало кольцом огней,
дети растут для тебя одной,
дети лежат для тебя на земле,

дети рождаются красные, новые,
краска на пальцах у старых детей,
их руки — багряные листья кленовые,
краснеет стеклянная поросль полей,

новые дети сильные, красные,
красные руки у старых детей,
новые дети такие разные,—
разные-разные,— стеклянней, глинистей.

Тринадцатый сон был о городе. Вателю снятся темные, предвечерние аллеи; на покрывающем дорожки песке — быстро, нереально быстро кружится узор ветвей, сотканный огромной нависшей Луной, на которой видны пятна горо-

дов: сине-алые тени вращаются на перламутровой глади. В следующий момент он просыпается — не покидая прошлого сна,— и смотрит расцвеченный золотыми и синими бликами туман, сквозь который проступают серые громады зданий. Следующая картина — площадь. Мокрая брусчатка, легкая дымка, небо — в малиновом расцвете; еще виднеется блеклый шар Луны. Накануне здесь стоял цирк; теперь он уехал, и город снова стал первозданным; блистающий, разноцветный, волшебный город позднего средневековья.

Проснуться поутру в душевной смуте
иль в зареве аллей смотреть прозрачный сумрак
по теням завитым, небесно-алым,
следить круженье государств Твоей Луны[7]
в жемчужно-серой невесомой мути,

проснуться поутру — и не понять,
как в синей полутьме слепое солнце
скользит в твоих следах, небесно-серых...
Увидев осень на плетеной шкуре дня,
плениться или вовсе не принять;

проснуться поутру — и знать всегда,
что день твоих смертей безумно близок;
он, словно в веснах талая вода,
бежит, срываясь, месивом карнизов;
проснувшись поутру, уйти на площадь...

На площадь, где сверкала карусель,
неведомый далекий странник,
и где теперь неслышим стертый праздник,
и след Луны как полустертый вензель,
и небо как малиновый кисель.

Аллегория и поэтика готических снов

Этот сон-стихотворение, восьмой по счету, Ватель записал на едином дыхании; эта картина, по его словам, долго стояла у него перед глазами. Ватель видит во сне лесистый склон, желтый, золотой, местами багряный, прозрачный, напоенный солнцем, спускающийся к пойме реки и переходящий в новый . Купол небес медленно, словно оплывая, опускается за горизонт, и из-за спины поднимается, в дрожащем мареве, новый день. Одновременно он видит среди деревьев фигуру стоящего, окутанную пепельным воздушным покрывалом (нежные перья? взметнувшийся пепел? тончайшие кружева?); он долго колебался, выбирая: какое-то время он полагал, что это демон, дух огня, а затем решил, что это все же ангел.

В прозрачно-пепельных, пушистых кружевах
казался изваяньем ранний ангел...
Ты все еще не видела его;
наш долгий день стеклом огнетуманным
неслышно оплывал за редким лесом;
небесным, переливчатым и странным
рождался новый день,
и, ветрено-незваный,
он был как будто зеркалом чудесным,
в котором отражался новый ангел.

Восемнадцатый сон Вателю навеяло, как он сам считал, желание снега. В детстве ему редко приходилось видеть снег; снегопад же он видел только однажды, был изумлен и обрадован, все потом про него расспрашивал, ждал

его; ему как-то запомнилось, что снег — это что-то красивое, что падает сверху. В этой связи с ним произошел забавный случай. Он спал под яблоней[8] и когда открыл глаза, то увидел, что сверху на него осыпается дождь розово-красных лепестков. «Мама, папа, снег!»— кричал он, подбегая к дому, где жила семья. Он был очень расстроен тем, что принял за снег яблоневый цвет, что снежинки оказались лепестками.

Вателю снится дом, маленький, уютный, как бы игрушечный, с тепло лучащимися окошками. Сон с предысторией — он помнит, что мама умерла, что их растит отец, многое другое, что есть в памяти во сне, но что забываешь по пробуждении. Он сидит, закутавшись в одеяло — старое, ветхое одеяло,— привалившись спиной к стене, прижав к себе младшего брата (во сне у него есть брат); он ощущает старое, уютное, словно нарисованное, небо, он скорее чувствует, чем видит, что в вышине тянутся косяки птиц, и знает, что они летят на север. Вокруг все засыпано легким красные снегом — пушистые нетающие сугробы, сквозь которые пробиваются нежно-голубые шары гортензий. Он просыпается, услышав — во сне — голос отца: «Вы постарели, дети»,— произносит тот с горечью.

Птицы летели стаями,
стаями летели на север,
там, говорили они, теплее...

...Вы постарели, дети...
— Папа, да неужели?

Аллегория и поэтика готических снов

Папа, ты знал, что до Бога не близко,
но цедил сквозь зубы молитв слова;
Бог вымыл руки в чужом апреле —
родился я...

А мамы не было, тогда уже не было,
и в мутный день распускались гортензии...
Часы на стенах о чем-то грезили,
и в доме не было даже хлеба,
но снега, снега-то было вдосталь —
легкого, красного, светлого снега.

А птицы летели стаями,
стаями летели на север,
там, говорили они, теплее...

...Вы постарели, дети
— Папа, да неужели?

А птицы летели на север...

В доме окна подсвечены мягко и вяло,
и день нам казался нескончаемо длинным...
Мы молча закутались в рвань одеяла
под небом старинным...
И снега по-прежнему было вдоволь —
легкого, красного, влажного снега.

А птицы летели стаями,
стаями летели на север,
там, говорили они, теплее...

В десятом сне Ватель видит сцены детской игры, вновь связанной с любимым с детства снегом: на невысоком холме дети, одетые труверами, перебрасываются слеп-

ленными из снега небольшими шарами. Он смотрит на них со стороны; он чувствует себя деревом, поскольку его ноги погружены в землю. Ватель ощущает сострадание к этим маленьким божьим созданиям, ему почти больно: каков путь их взросления? кто встретится им на этом пути? Одновременно он видит всю эту картину как бы со стороны: она кажется нарисованной размытыми, водянистыми красками. Дети на ней неузнаваемо преобразились: они уже взрослые — нескладные, несуразные, смешные. Он видит и себя: то ли человек, то ли дерево, ноги утоплены в земле, руки удлинены, и каждая оканчивается белым снежным комочком. За холмами виднеется блестящее зеленое море.

Руки перешли в снежки,
ноги переходят в землю;
кто отравлен болью, тот открыт поземно.

Ты не вправе думать, что твой синий ....
открывает море, ласковое море;
ты не вправе думать, что в святую землю
ты зароешь горе, ласковое горе.

Открываешь книги, ветошные книги;
сердцу очень больно, но душе прохладней;
день идет поникший, голубой привольный;
открываешь ужин из сплошных ....

Дети акварелей возбуждают зависть —
разбудить несложно маленькое сердце;
дети-менестрели, сказочные вести...

Аллегория и поэтика готических снов

Сильные и слабые, маленькие грозные;
трогается завязь, зависть, злая зависть;
дети на пригорке — маленькие взрослые.

Кто успеет встретить их,
где воздух входит в землю,
маленьких и трепетных,
где море блещет зеленью...

Где небо непохожее и солнце непохожее,
маленькие взрослые маленькие дети,
дяди тонкокожие, тети словно плети...
Сердце так болезненно, плохо все и все же —

руки перешли в снежки,
ноги переходят в землю...
Кто устал от боли, тот открыт поземно.

**Кусок неба, часть солнца;
пыльный ветер — большая моль — точит цветные
стекла, уже потрачен южный витраж
и заметно помутнел восточный; царапины, точки...
Но дождь, дождь идет часто, слишком часто для лета,
такого жаркого времени, с таким пыльным ветром;
дождь — это узоры. Дождь — не капли, косые брызги
ветра, дождь — не струи, косые ленты серой воды,
дождь — океан, пресный океан,
возвращающийся в свои расселины и впадины,
падающий на свое дно, так неузнаваемо преобразившееся
за время его отсутствия. Дождь выбивает из земли
стремительные брызги грязи.**

**Грязь летит на стекла, смешивается со струями дождя.
На голубом стекле — голубая прозрачная грязь,
на изумрудно-зеленом — зеленые водянистые разводы,
на красном запекается кровь цвета земли.
Ватель берет свои кисти, опускает их в цветную грязь
и на южной стене часовни пишет:
«Ничто не может смутить меня, пока идет этот дождь».**

Примечания

[1] Эта глава фактически продолжает предыдущую; однако специфика поэтических моментов столь велика, что требует отдельного текста.

[2] О времени написания «Вателя Прихожанина» судить трудно, но это, вероятнее всего, конец XIV века. Однако заметны гораздо более поздние вставки — касающиеся, в частности, предметов материального мира; возможно, это всего лишь следствие модернизации текстов. Некоторые стихотворения вызывают сомнения в отношении их принадлежности автору, в силу стилистического диссонанса с остальными произведениями цикла.

[3] Стихотворные фрагменты переведены В. Соловьёвым.

[4] Полный цикл, по разным версиям, насчитывал от трех дюжин до полусотни стихотворений, большая часть которых сохранилась в отрывках, как, например:

«Радостный сон мой, чистый и светлый, надежду дарящий… / руки стыда твоего преисполнились, небо… / милостью Вашей мы снова откроем страницы / повести наших скитаний… / плавится сон твой в огне приземленного солнца, / в солнечных бликах на карте земного овала дом твой чудесный… / вряд ли мой ангел — солнца

ребенок прелестный… / лето в агонии — где посадивший на мели / песчаный корабль твой, мой ангел?» (сон № 23);

«Хрипло давились ручные звери / на золотых цепях,/ тени сверкали каплями мрака / в вызолоченных углах» (сон № 9);

«Ты застыла в своих глазах / переливчатых, скучных, ручных;/ ты открылась в своих слезах — / драгоценных камнях текучих» (сон № 26);

«Где вздернута лошадь — там светлые сны,/ под прозрачным пологом / желанья важны… / послужат для снов твоих верным залогом» (сон № 28);

«Розы во льду, серебрящийся путь,/ каменно-серый цветок mediana;/ в книгах сокрыта щемящая суть, / светлые-светлые смыслы обмана» (сон № 31);

«Я увидел проем, золотистый, живой, / в предзакатном сиянии душного солнца / в минуты покоя» (сон № 17);

«Любое стекло — зеркало./ Назови свое имя — и зеркало / сразу вспомнит тебя, и узнает,/ и покажет тебе, что ты знаешь, / но не помнишь, боишься, не помнишь…» (сон № 41);

«Солнце же словно нарочно согрето / для этого дня — ты его не жалей,/ ты ведь не рвешь еще белое лето — / для себя, для меня — на полотна дождей» (сон № 19);

«Драгоценная дичь — женщина, / каждый раз я тебе говорю» (сон № 24);

«На гравюре лета — маленькое солнце,/ тень листвой одета в раскаленный полдень» (сон № 30);

«И снова в явь из снов веду я / холодный ветер, теплый ветер / на затхлый снег букетами падая, / добрые дети, пустые дети / рождаются парами» (сон № 15).

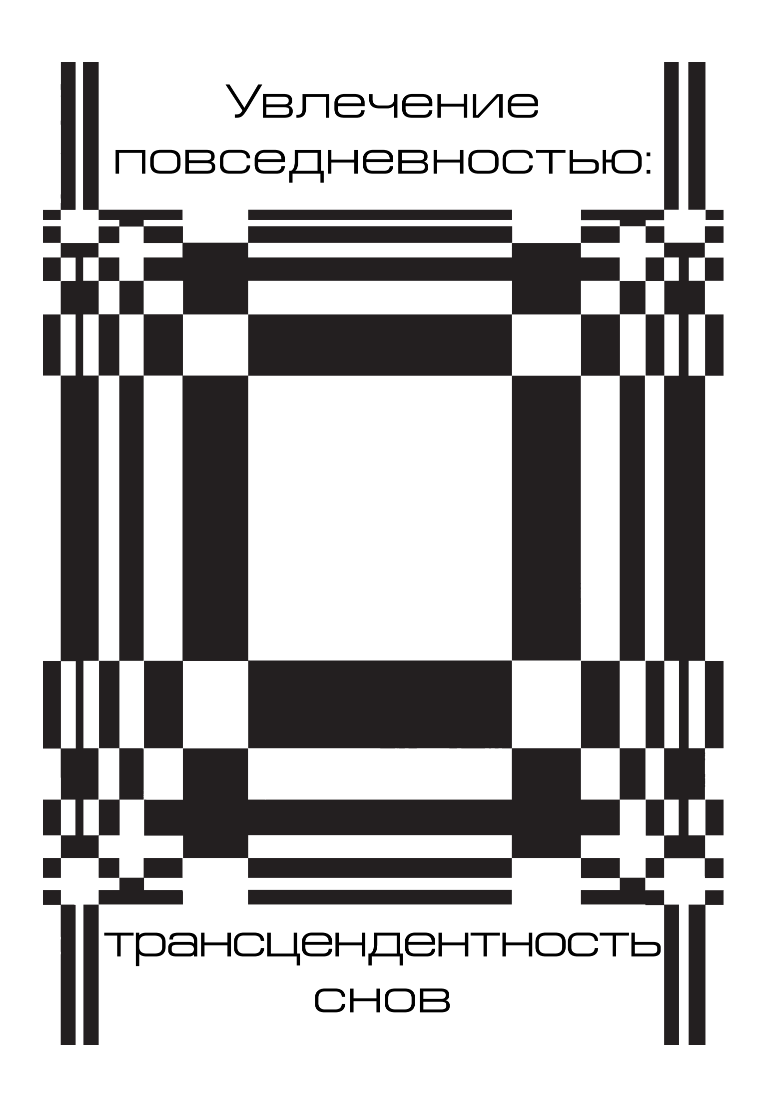
Обратите внимание — по обрывкам стихотворений очень легко заметить, что это сны,— гораздо легче, чем по тем, которые облечены в законченную форму.

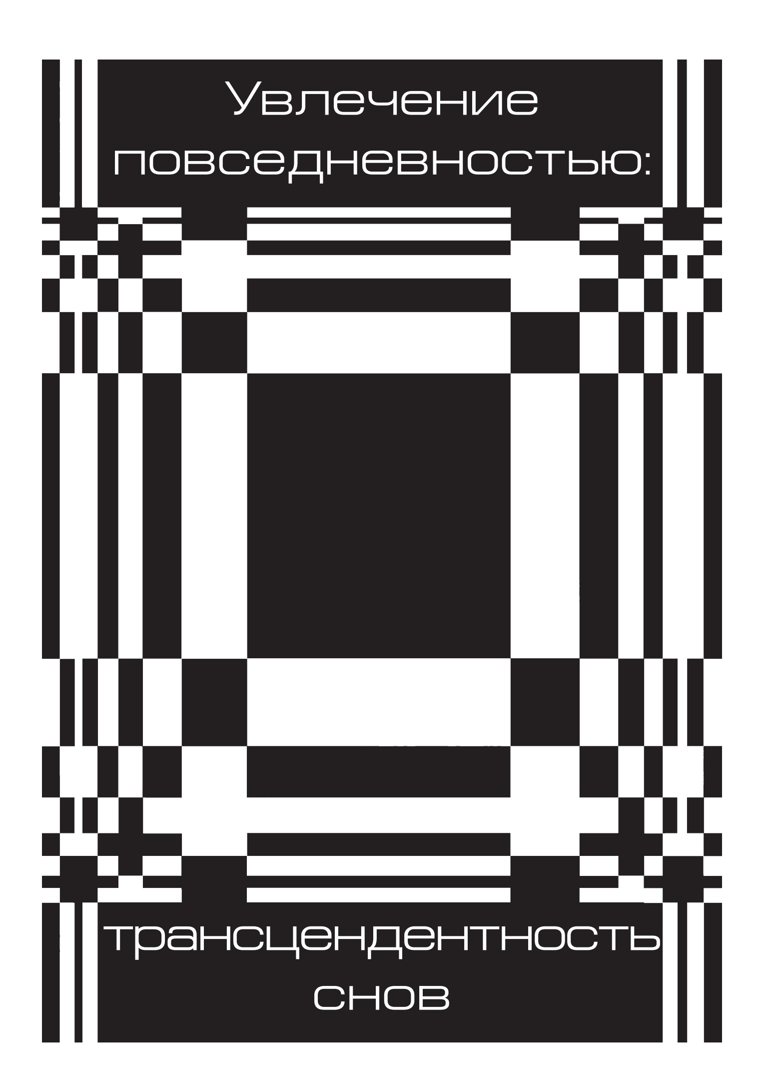
[5] В отношении четырнадцатого сна существуют разночтения; предлагалось даже вынести его за рамки цикла. В частности, полагается, что это сон-воспоминание, что он не принадлежит Вателю (он был ему кем-то рассказан), что это фантазия, облеченная в форму стихотворения-сна, наконец — что это позднейшее привнесение.

[6] Он даже — во сне — ведет им счет.

[7] В свое время было высказано предположение, что это стихотворение повлияло на выбор сюжетной линии «Государств Луны» Сирано де Бержерака.

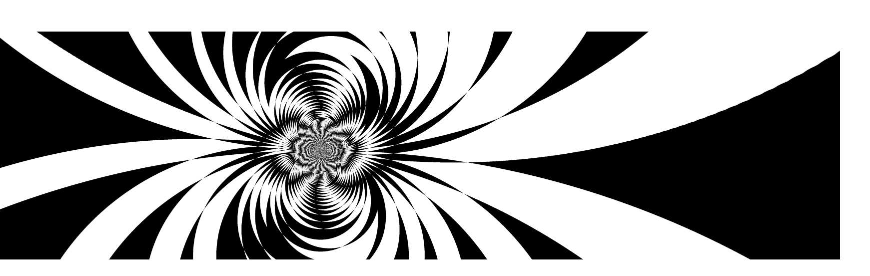
[8] По-видимому, сходную картину мы наблюдаем при цветении так называемой «райской яблони».

Увлечение
повседневностью:
трансцендентность
снов

Увлечение
повседневностью:
трансцендентность
снов

Наступает время трансцендентных снов.
Новую Европу захлестывает волна
сомнамбулизма. Природа этого
удивительного явления двояка:
это чистая физиология, с одной стороны,
с другой же — это особая, пикантная,
тонкая мистика;
сомнамбул демонстрируют
с подмостков — и сомнамбул же
почитают в узких кружках посвященных,
где при их посредстве говорят умершие.
Суть этого гротескного дуализма хорошо
выражает некий дю Прель, удостоенный
степени доктора философии
за сочинение о сновидениях (!).
Эзотерика Ваших снов —
это те, лежащие вне Вашего опыта,
альтернативные миры, которые видите
Вы во сне, их — бесчисленное множество.

Оборотная сторона медали —
патофизиологическая трактовка
сновидений, попытки идентификации
их с патологическими состояниями;
сны уже почти прозаичны.
В этом контексте уместно упоминание
о Викторе Кандинском
и его псевдогаллюцинациях.
Другие теории сновидений лежат
в границах физиологии сна и его
прикладной статистики; физиологическая
теория сна настолько понятна, что,
будучи продолженной в настоящее,
она не требует дополнительных
комментариев: все и так очевидно.
Тенденции к прозаическому пониманию
снов нарастают: сновидение
уже ставят в один ряд
с психопатологическими феноменами.

Публичные сны: трансцендентность и физиология сомнамбулизма[1]

Некий Шастене де Пюисегюр, маркиз, горячий поклонник и последователь Франца Месмера, магнетизер-любитель, занимаясь из филантропических побуждений магнетическим лечением вассальных крестьян в своем родовом имении Бюзанси, совершенно неожиданно для себя открыл явление *искусственного сомнамбулизма* — явление, хорошо известное в истории; новая же его номинация привела к его нещадной эксплуатации — на театральных подмостках, в салонах, вообще на публике. Нам оно интересно прежде всего потому, что это и есть один из краеугольных камней новой психической эпидемии, трансцендентальной и физиологической одновременно, которая качается в рамках понятийно-феноменной связки «гипнотизм — внушение — спиритизм».

Принято считать, что гипноз — у животных — первым описал, в 1646 году, ученый иезуит Афанасий Кирхер, назвавший это

явление *experimentum mirabile*, что означает «чудесный опыт». Методика эксперимента состояла в следующем: Кирхер укладывал на бок курицу и удерживал ее в этом положении, пока она не успокоится. Затем проводил мелом черту у самой головы курицы и переставал ее удерживать. Но курица еще долго продолжала, не шевелясь, лежать в неестественной для нее позе, даже и тогда, когда ее начинали тормошить. По мнению Кирхера, курица принимает проведенную мелом черту за удерживающую ее веревку и, понимая бесполезность сопротивления, не пытается встать.

Однажды, начав магнетизацию пастуха Виктора и ожидая, в соответствии с учением Месмера, возникновения у него состояния кризиса с конвульсиями, Пюисегюр заметил, что парень заснул. Он хочет его разбудить — и не может. Тогда он приказывает ему встать — тот встает, приказывает идти — идет, говорить — тот говорит, и все это он проделывает с закрытыми глазами; очевидно, что он спит. Картина точно такая, какая бывает у лунатиков во время их ночных прогулок, но сейчас это произошло днем и не случайно, а как результат воздействия магнетическими пассами. Конечно, Пюисегюр не знал, что дело не в магнетических пассах, а во внушении, но факт остается фактом: во время лечения было достигнуто сомнамбулическое состояние (гипноз).

В дальнейшем Пюисегюр много экспериментировал и даже написал книгу «Поиски, опыты и физиологические наблюдения над человеком в состоянии естественного сомнамбулизма и сомнамбулизма, вызванного магнетизацией», вышедшую в 1811 году.

Публичные сны: маски сомнамбулизма

* * *

Интерес к мистической стороне гипнотизации, сомнамбулических явлений и прочего в XIX веке столь велик, что в 20-х годах XIX века в Берлине кандидатам богословия читали специальный курс лекций по «животному магнетизму».

Вырастают «магнетические общества», пишутся и публикуются научные трактаты, тут и там появляются все новые носители волшебной магнетической силы. Публике предлагается широкий спектр чудес: и окоченение у замагнетизированных субъектов мышц тела, и полное подчинение их воле магнетизера, и магнетизация на расстоянии, и чудеса перевоплощения, и предсказания судьбы.

Одни демонстрируют могущество своих магнетических чар с подмостков сцены, другие добиваются славы магических исцелителей, третьи не без успеха совмещают одно с другим.

Некоторые ограничивают сферу своей деятельности масштабами одной страны, иные не ступают дальше собственной провинции, более удачливые и дерзкие гастролируют по всему Европейскому континенту; находятся и такие смельчаки, кто в поисках успеха пересекают не только Ла-Манш, но и Атлантический океан.

Думаю, о спиритизме — медиумах, сеансах, атрибутике, последствиях и прочем — не стоит и говорить: его описания хорошо известны каждому уже из художественной литературы.

* * *

В 1886 году Амвросий Август Льебо подытоживает результаты своих наблюдений в книге «Сон и подобные ему состо-

яния, рассматриваемые прежде всего с точки зрения влияния разума на тело».

Существует всеобщее свойство людей поддаваться внушению,— считает Льебо. Поэтому концентрация мыслей на идее о сне при одновременном утомлении взора, сосредоточенного на одной точке, вызывает у гипнотизируемого состояние неподвижности тела, притупление чувств. Гипнотизируемый как бы отрывается от всего окружающего. Гипнотический сон,— говорит Льебо,— есть внушенный сон. Течение самостоятельных мыслей у усыпленного приостанавливается, и он целиком отдается впечатлениям, получаемым от того, кто вызвал у него, посредством искусственных приемов, этот сон.

Например, гипнотизер поднял руку загипнотизированного и задержал ее в этом положении. Это действие, хотя и не сопровождаемое внушением, сделанное совершенно молча, все-таки входит в сознание загипнотизированного, внушает ему мысль, что так он и должен держать руку. Поэтому, когда врач отпускает руку усыпленного, тот долго продолжает держать ее в приданном ей положении. Так объясняет Льебо *каталепсию*, или *восковидную гибкость* тела загипнотизированного.

Льебо считает, что искусственно вызванный сон не отличается от естественного, обычного сна: и тот и другой возникают вследствие концентрации мыслей на идее о сне. Разница — в сновидениях. В обычном сне спящий человек, изолируясь от внешнего мира, остается наедине с собой; его сновидения самопроизвольны, то есть внушены им самим. Спящий же

гипнотическим сном сохраняет контакт с тем, кто его усыпил, поэтому последний может внушать ему сны, мнимые образы, мысли, даже действия.

По мнению Льебо, очень просто можно объяснить и такую удивительную особенность гипноза: глубоко загипнотизированный, будучи пробужден, не помнит, ни что он делал во время гипноза, ни что ему внушал гипнотизер, хотя часто исполняет, даже после пробуждения, то, что было ему внушено в состоянии гипнотического сна. Вероятно, нервная энергия, сосредоточенная во время гипноза в мозгу, при пробуждении вновь рассеивается по всему организму и в самом мозгу ее мало. Ее просто не хватает,— развивает далее свое рассуждение Льебо,— чтобы пробудившийся после гипнотизации человек мог восстановить в своей памяти то, что он несколько минут назад так ясно сознавал.

* * *

С 1878 года в Сальпетриере — одной из ведущих на тот момент мировых клиник — начинается серьезное исследование гипноза, как в клинических наблюдениях на больных, так и в специальных экспериментах.

О ходе этой работы Жан Мартен Шарко регулярно рассказывает в своих блестящих лекциях, которые привлекают теперь не только врачей и студентов, но и самую широкую публику. Тут же, в залах Сальпетриера, открыто демонстрируются производимые исследования.

Вот в зал вводится больная истерией, с которой один из ассистентов начинает неторопливую беседу. Внезапно разда-

ется пронзительный звук установленного здесь гигантского камертона. И глазам присутствующих предстает удивительное зрелище *большого гипноза*. Больная, пораженная резким звуком, окаменевает. Ее колют булавкой, она не чувствует. Ее руку поднимают кверху — и она застывает надолго в этом неудобном положении. Еще интереснее то, что стоит придать телу, рукам, голове больной позу, характерную для какого-нибудь переживания, и печать этого чувства ярчайшим образом отразится на ее мимике. Больной закладывают руки за голову, одновременно отгибая назад затылок, как часто делают люди в припадке отчаяния, и на лице ее появляется выражение неутешного горя. Если руки больной складывают в молитвенную позу, она набожно поднимает к небу глаза и становится на колени. Этот комплекс внешних проявлений гипноза получил в Сальпетриере название *стадии каталепсии*.

Шарко выделил в гипнозе еще две стадии; каждая из них имеет характерный набор признаков-симптомов. С помощью простых приемов одну стадию довольно легко перевести в другую. Так, больную, находящуюся в каталепсии, сажали в кресло и осторожным движением опускали ее веки — возникала стадия *летаргии*. В этой стадии исчезала не только восприимчивость к боли, но и к звуковым, световым и другим, даже более сильным, раздражителям. Способность подолгу сохранять принятую позу уступает место полной расслабленности, вялости мышц. Вместе с тем они приобретают чрезвычайно повышенную возбудимость. Стоит слегка ущипнуть или просто потереть локтевой нерв, как все мышцы,

к которым он имеет отношение, резко сокращаются — в результате пальцы и кисти рук загипнотизированной сводит судорога.

Третья, самая глубокая, стадия гипноза получила название *сомнамбулизма*. Иногда она возникает у больных сразу, при первой же вспышке яркого света или сильном звуке камертона (применялись также тамтамы, гонги и т. п.), иногда же в нее переводят больных, только что бывших в стадии летаргии или каталепсии.

Пациента, находящегося в стадии сомнамбулизма, не так легко заставить поменять позу — мышцы оказывают сильное сопротивление. Но зато он сам автоматически повторяет все движения, которые производит стоящий перед ним врач. Если тот делает вид, что качает ребенка, то больной тотчас повторяет это. Сомнамбулы остаются глухи к стрельбе из револьвера даже тогда, когда выстрел производится у самого уха; они не слышат вопросов, громко задаваемых посторонними, но чутки даже к шепоту ассистента, проводящего исследование.

Больным, находящимся в стадии сомнамбулизма, можно внушать различные мнимые образы, то есть заставлять видеть то, чего на самом деле нет. При этом все поведение гипнотизируемых ясно свидетельствует о том, что они на самом деле живо и остро воспринимают внушенные им картины.

Достаточно сказать больному, что он гуляет в зоологическом саду, как он начинает оживленно прохаживаться по залу, вглядываясь в будто бы летающих в больших клетках

птиц, рассматривая ползающих змей и отдыхающих тигров; он настойчиво просит воображаемого попугая назвать свое имя и вдруг начинает громко хохотать над ужимками мнящихся ему мартышек.

Если сомнамбуле говорят: «Не чувствуете ли вы, какая нынче холодная погода, да и снег идет, не правда ли?» — он начинает зябко ежиться, дрожит, стряхивает невидимые снежинки с платья, а на руках у него четко выступает «гусиная кожа».

В заключение опыта больного будят, слегка подув ему в лицо. Оказывается, ничего происходившего с ним во время сеанса он не помнит, он просто «спал». При настойчивых наводящих вопросах больные иногда припоминают, что видели «сон», будто они гуляли в зоологическом саду или бродили по улице в морозный зимний день.

* * *

В заключение послушаем, что говорит нам о сомнамбулизме Карл дю Прель, с которым мы встретимся в следующей главе: «Сомнамбулизм дает убедительнейшее доказательство существования другого мира вещей, сверхчувственного, так как он показывает, что несознаваемой нашим *я* стороной нашего субъекта мы сами вплетены в этот сверхчувственный (трансцендентальный) мир. Сомнамбулизм доказывает, что Шопенгауэр и Гартман были правы, положив в основание формы явления человека волю и бессознательное; но он доказывает также и то, что эта воля не слепа и что то, что между нами и мировой субстанцией надобно вставить трансцен-

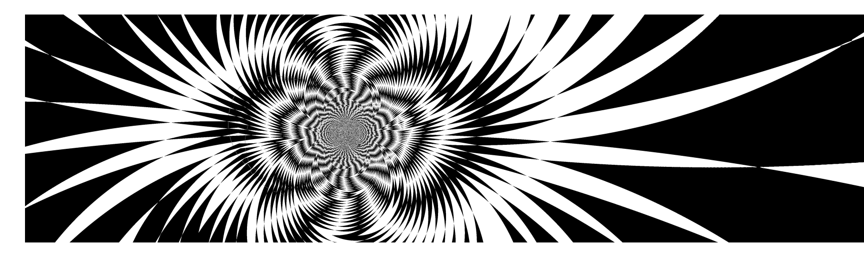
дентальный субъект, волящее и познающее трансцендентальное существо, значит, что индивидуальность человека переживает теперешнюю форму его явления, а земное наше существование представляет только одну из возможных форм существования нашего субъекта»[2].

Все это — физиология сомнамбулизма, замешанная на вере в трансцендентное: эти публичные сны каждый стремится испытать на себе; безучастных нет, все вовлечены в этот заманчивый, будоражащий дискурс.

Примечания

[1] При написании этой главы использовались материалы из: *Рожнов В. Е., Рожнова В. А.* Гипноз от древности до наших дней.— М.: Советская Россия, 1987.— 304 с.

[2] Цит. по: (*Prel K. du*) *Прель К. дю*. Философия мистики [или двойственность человеческого существа].— М.: RELF-book, 1995.— С. 139.

Карл дю Прель: драматизм сновидения

Послушаем теперь Карла дю Преля — его мысли о *драматизме сновидения*. Выстроив свое исследование вокруг банальной феноменологии сновидения[1] — как, например, того факта, что сюжет сновидения каким-то загадочным образом разворачивается уже *после* действия побудившей его причины,— он затрагивает, прежде всего, проблему *трансцендентальной меры времени* в сновидении.

Вот иллюстрации, которые он вводит в целью проблематизации,— но также и с целью интриги: «В одном месте Корана содержится повествование о Магомете, на основании которого можно сказать почти с уверенностью, что пророк придерживался употребления гашиша, служившего ему суррогатом вина. Там говорится, что однажды утром Магомет был взят со своего ложа ангелом Гавриилом, перенесшим его на седьмое небо рая, а также показавшим ему ад. Пророк осмотрел все подробно и после девяностократной беседы с Богом был снова положен в постель. Но все это произо-

шло в столь краткое время, что когда Магомет очутился опять на своем ложе, то нашел его еще теплым и мог поднять опрокинутую им во время его путешествия глиняную кружку раньше, чем вылилась из нее вся вода»[2].

И далее: «Если мы обратимся теперь к аналогичным примерам из области обыкновенных сновидений, то увидим, что эта сказка указывает, поистине с большим остроумием, на одну характеристическую черту обусловленного трансцендентальным измерением времени скучения представлений, а именно: на драматически обостренное течение их. Это своеобразное явление наблюдается в сновидениях, которые отнюдь не представляют собой редкого явления и которые подлежат всегда опыту, так как могут быть вызваны даже искусственно. Уже Дарвин-старший в своей "Зоономии" обратил внимание на то, что внешние раздражения, доходя до сознания спящего и будя его, тем не менее могут служить поводом к возникновению пространного сновидения, которое, значит, имеет место в краткий промежуток времени между восприятием раздражения и пробуждением. Но при этом вызываемое внешними причинами пробуждение получает при посредстве драматически обостряющегося ряда представлений внутреннюю мотивировку. Так, однажды Картезий укусом блохи был разбужен от сновидения, кончившегося дуэлью, в которой он получил сабельный удар в укушенное блохой место.

И во время сна наши нервы чувствования все-таки подвергаются различным внешним раздражениям. Если эти раздражения передаются головному мозгу, то последний реагирует так же, как и во время бодрствования. Головной мозг по своей природе отличается той особенностью, что причины получаемых им впечатлений выносятся им во внешнее пространство. Так возникают у нас представления как во время бодрствования, так и во сне. Вся разница состоит в том, что в последнем случае причина заимствуется нами из мира фантастического и на место одной причины в основание

ощущения полагается целая цепь причинных перемен. Но эта цепь представляет ту отличительную особенность, что в развитии ее сновидец является драматическим художником и в этом процессе, как в соединенном с ним процессе скучения представлений, вполне уподобляется Магомету из вышеприведенного места в Коране.

Это выяснится из ряда следующих характерных примеров.

Геннингс рассказывает об одном сновидце, однажды привязавшем к вороту своей рубахи твердый предмет и увидевшем страшный сон, что его повесили. Другому приснилось путешествие по индейским степям и нападение на него индейцев, которые и скальпировали его: он завязал слишком туго свой ночной колпак. Третьему же приснилось, что на него напали разбойники, положили его навзничь на землю и вбили в нее сквозь его руку между большим и указательным пальцами кол: по пробуждении он нашел между этими пальцами соломинку.

Характерные особенности этих сновидений — драматизм и скученность представлений — обнаруживаются еще яснее, когда раздражения производятся внешними причинами, действующими внезапно. Начнем с рассказанного Гарнье и сделавшегося историческим следующего сновидения Наполеона Первого. Он спал в своей карете, когда произошел под ней взрыв адской машины. Треск от этого взрыва прервал его пространное сновидение, в котором он со своей армией переходил Талиаменто и был встречен залпом австрийских пушек, вследствие чего он вскочил с восклицанием: "Мы погибли!" — и проснулся. Рихерс упоминает о сновидении одного человека, разбуженного раздавшимся поблизости выстрелом. Ему приснилось, что он сделался солдатом, подвергся всевозможным напастям, дезертировал, был пойман, допрошен, обвинен и, наконец, расстрелян. Таким образом, все это сновидение было делом одного мгновения.

Фолькельт говорит: "Одному композитору приснилось, что он содержит школу и хочет объяснить что-то своим ученикам. Уже он дал объяснение и обращается к одному из мальчиков с вопросом:

“Понял ли ты меня?” Тот кричит как сумасшедший: “О, да!” Рассерженный этим учитель журит мальчика за крик, но весь класс уже кричит “о, да!” Затем следуют крики: “ожа!”, “пожа!”, наконец, “пожар!”— и спящий просыпается от действительного на улице крика о пожаре”. Мори лег нездоровым в постель, и ему приснилась французская революция. Перед ним проходили кровавые сцены; он говорил с Робеспьером, Маратом и другими чудовищами того времени, предстал перед трибуналом, был приговорен к смерти, возим в толпе народа, привязан к доске и гильотинирован. От страха он проснулся: оказалось (как это подтвердила сидевшая подле него мать), что от кровати отскочил прут и в один миг, как топор гильотины, упал ему на шею».

Останавливается дю Прель на следующей гипотезе: «Целесообразное направление сновидения могло бы быть делом ясновидящей души, в трансцендентальном сознании которой предвиделась причина пробуждения и которая давала бы целесообразное направление течению сновидений, что могло бы совершаться двояким образом: или так, что лежащая еще в будущем причина пробуждения, в качестве *causa finalis*, определяла бы направление течения сновидений, или так, что трансцендентальное сознание направляло бы это течение произвольно, и притом таким образом, что при этом смягчалась бы внезапность пробуждения».

«Значит,— продолжает дю Прель,— выбору подлежат только это предположение и защищаемое мной предположение о существовании трансцендентальной меры времени. Но из обоих этих предположений вытекает одно и то же следствие: как из признания за душой способности ясновидения, так и из

признания за ней несвязанной физиологической мерой времени способности представления вытекает заключение о существовании трансцендентального сознания, т. е. второго лица нашего субъекта.

Итак, если проследить эстетико-психологическую задачу явления драматического сновидения до того пункта, в котором она вливается в метафизику, то окажется, что сон представляет одно из тех явлений, из которых философия может извлечь больше пользы, чем она извлекла ее для себя из всех других известных явлений: как бы то ни было, а он приподымает покров, скрывающий загадку о человеке. Трансцендентальная половина нашего существа не обнимается нашим сознанием, самосознание наше не освещает всего нашего *я*. Таким образом, учение о бессознательном получает новое подтверждение, но при этом оказывается, что бессознательное есть нечто индивидуальное, а не метафизическое *все*. Как и луна, наше *я* обращено к нам только одной своей половиной; но, подобно тому, как луна своей нутацией дает астрономам возможность наблюдения если и не всей другой своей половины, то по крайней мере краев последней, точно так и наше *я* своими совершаемыми им в известных наших состояниях колебаниями обнаруживает отчасти свою трансцендентальную половину. Конечно, имеющему место во время сновидения трансцендентальному нашему познанию приходится иметь дело только с фантастическим материалом; но если бы нас, вооруженных трансцендентальной мерой времени, поставить лицом к лицу с действительностью, то мы уподобились бы

гипотетическим существам Эрнста фон Бэра: мы могли бы видеть рост травы и даже, пожалуй, наблюдать в атомистической цельности колебания эфира, которые теперь, только скопляясь в миллионных количествах, могут посылать в наш глаз лучи света.

Польза от изучения явления драматического сновидения настолько велика, что мы должны постараться извлечь и из родственных с ним явлений вспомогательный для определения человека материал. При этом сейчас же и обнаружится (впрочем, это прозрачно выступает и в настоящем исследовании), что часто творцы философских систем нашего столетия, воображавшие, что определяют *кантовскую* вещь в себе, определяли только *я в себе*. Трансцендентальное существо человека, находящегося в состоянии драматического сновидения, характеризуется со стороны одной из форм познания, времени; значит, мы должны узнать, не доставляется ли действительностью трансцендентальному сознанию человека, находящегося в подобных состояниях, и познавательный материал и как оно относится к этому материалу.

Но наперед надобно решить еще и другую задачу. Если человеческое сознание со своей физиологической мерой времени имеет только относительное значение, если, как учит опыт, эта мера времени находится в зависимости от органического субстрата этого сознания и если при драматическом сновидении у человека является другая мера времени, то последняя может *уже не находиться* в зависимости от органического субстрата его сознания. Значит, физиологическая мера време-

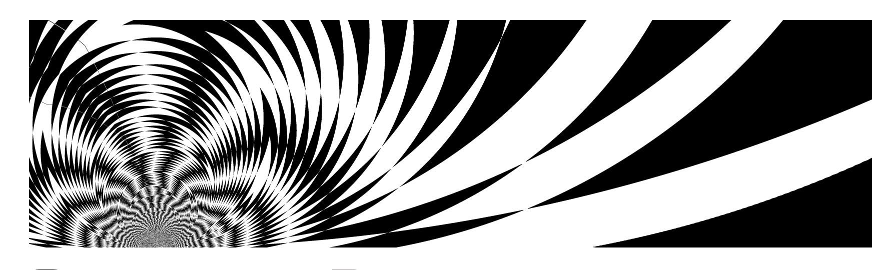
ни не составляет существенной принадлежности человеческого духа; а так как для него возможен иной способ представления, свободный от этой меры времени, а следовательно, и от органического субстрата, то отсюда следует, что его связь с органическим телом *отнюдь не необходима*».

«Таким образом, из скромного явления драматического сновидения вытекает заключение о присутствии в нас трансцендентального существа»,— заключает дю Прель.

Примечания

[1] Кстати, и в настоящее время ее объяснение можно расценивать как неудовлетворительное.

[2] Здесь и далее цит. по: (*Prel K. du*) *Прель К. дю*. Философия мистики [или двойственность человеческого существа].— М.: RELF-book, 1995.— 512 с.

Эзотерика Ваших снов

Эзотерические сны — это сны-видения иных миров; их отличает необыкновенная связность и еще то, что это сны-повествования, даже если на первый взгляд они кажутся картинами. В каждом таком сне — все другое: твоя история, твое прошлое, твоя жизнь. И сам ты — другой. Ты живешь в этом мире всегда и не знаешь иного. И еще: в этих снах тебе всегда хорошо.

* * *

Мне нередко снятся эзотерические сны, и среди них чаще других мне снится Город, мой вечный, бесконечный город: зимний город в расцвеченном снегу, вечерний, обжитой, уютный; апокалиптический город, где сохранились отдельные громады зданий, сумрачный и залитый солнцем, вызывающий упоительный интерес; то, что осталось от города, который уже

в далеком прошлом,— бесконечное разнотравье, ветер и солнце; наконец, город под землей, город-метрополитен, загадочный, живущий своей жизнью, отдельный.

Этот сон я назвал «*Университет*».

Мне снится кладбище, превращенное во временный госпиталь; кажется, здесь собраны раненые. В оградках (прямо на могильные плиты?) поставлены койки, на них лежат люди; многие вынуждены протягивать ноги сквозь прутья оградок. Помню алюминиевую кружку (возможно, они просили пить). Покидаю кладбище, аккуратно прикрываю за собой калитку. Несколько внезапно замечаю, что от кладбища поднимаются вверх аллеи; вдали высится, в какой-то искаженной перспективе, серая громада здания: во сне я знаю, что это уцелевший университет. Прохожий смотрит на меня со значением. В следующей сцене сна я нахожусь уже за университетом (так чувствую): я стою на каких-то широких трубах, изогнувшихся аркой над рекой. Впереди, насколько хватает глаз, расстилается выжженная, покрытая воронками и насыпями земля, залитая ярким солнцем. Я смотрю вниз: река мертва; она похожа на сток каких-то технических отходов. Солнце нагрело поверхность трубопровода, на котором я стою; жаркий ветер треплет лоскутья серебряной и черной изоляции (утеплителя? обмотки?). Вижу, что ко мне приближаются трое: девушка, мужчина и ребенок, скорее даже подросток; они не замечают меня. Она роняет что-то блестящее; возможно, это какой-то кулон, подвеска; посверки-

вая, этот предмет погружается в мутную зеленоватую воду. Мужчина и мальчик бросаются за ним; я вижу, как их тела грациозно уходят в пробитую солнцем глубину. Девушка с любовью смотрит на них. Чувствую легкий укол сожаления: я хотел бы быть с ними. Впрочем, общие ощущения от сна — счастье, жгучий интерес: вот он, новый, упоительный мир.

Вот типичный для меня сон о городе.

Мне снится зимний вечерний Город: дома уютно теснятся; каждый квартал — маленький оазис цветного света; светофоры безмолвно расцвечивают снег. Я покупаю мороженое. Вижу ярко освещенные, нарядные трамваи. Город кажется близким, уютным, защищенным; красив каждый его выступ, каждый всполох, каждый сугроб цветного снега. Ощущение Рождества, теплого счастья.

Похожий сон о городе: в нем есть снег, теплые вечерние краски, трамваи.

Снится: спускаюсь, почти сбегаю по заснеженным крышам с деревьями, вниз и вниз, по уровням. Вечерняя улица в снегу. Вижу светящийся трамвай, слышу прекрасную музыку. Ощущение красоты и уюта.

В еще одном сне о городе я видел метро; «*заброшенное метро, площадка, утрамбованная в земле, освещенный вагончик*»,— так я записал для памяти этот сон.

Снится: стою на площадке, утрамбованной в земле (это выступ стены) тоннеля метро. Со всех сторон — за спиной, сверху, по бокам — свисают какие-то корни с комьями земли на них.

Передо мной — тоннель метро, уходящий в обе стороны, в темноту; выходов нет. Из темноты справа выныривает несколько игрушечный вагончик (может быть, детский), ярко освещенный, и уносится влево; он совершенно пуст. Ожидание счастья, ощущение жгучего интереса.

Другой сон о метро был совсем иным: в нем я видел станцию метрополитена с гигантскими декорациями зданий.

Мне снится, что еду в метро, затем поезд прибывает в громадный зал-пещеру, где стоят плоские декорации зданий. Кое-где в окнах горит свет. Прохожу к выходу из метро. Хорошо помню возникшее ощущение: я выхожу в иную реальность. Наверху дождь, слякоть, ярко горит указатель станции. Впереди — спина человека в мокром черном плаще. Встречаю девушку; она с собакой, у которой лицо сфинкса. Почему-то собираюсь у нее жить. Ощущение антиутопии, другого мира.

Вот сюрреалистический сон.

Я листаю книгу — в ней оживают иллюстрации; я вижу наложение картин на пейзажи — нежные тона, упоительный поток видений. Ощущение красоты, исполненной значений,— это очень трудно передать словами.

Другой сон эзотерического содержания — похожий, правда, на картину; в нем также есть что-то идиллическое.

Снится сюрреалистическая картина: слегка раскачиваюсь на качелях, расположенных на склоне холма (?), вижу множество облаков вокруг. Напротив меня, немного сбоку, сидит огромный кот яркого голубого цвета. Ощущение умиротворения, спокойного счастья.

Еще один сон о городе напрямую фантастичен.

Я прибыл (приехал, возник, появился) в городе — вечерний, чужой город; на фоне бледного закатного неба дымят гигантские трубы. Над городом — перевернутый купол, я вижу его как бы со стороны: на пустой сумеречной равнине лежит округлое поселение в прозрачной (защитной?) сфере; возможно, ее вижу только я.

Вот еще один сон — и в нем все тот же город; на этот раз, правда, он лишен своего цветного снега.

Мне снится спуск по довольно крутым мощеным улицам: вниз и вниз по вечернему городу; на тротуарах — слякоть, хотя скорее это грязь, как после дождя. Внизу («нижний город» — не могу сказать точнее) вижу размещенные в ряд клети — кажется, они предназначены для людей, это что-то вроде пенитенциария; какие-то ямы до краев заполнены мутной грязной водой.

Теперь я расскажу не свой сон[1], но в нем снился *я*.

Снится: ты уходишь — туда, домой, к себе; я стою перед большим окном. За ним — глубокая, бархатная ночь. Я начинаю снимать с себя кожу, безболезненно, как платье; разламываю ее надвое, как кожистую скорлупу. Я не то чтобы вижу это, но ощущаю себя со стороны: крупное, больше чем я есть, сильное существо, с птичьими крыльями, гладкой холодной кожей и нечеловеческими ногами — словно химера. Я раскрываю окно, как-то неловко взбираюсь на подоконник, расправляю тяжелые крылья, вглядываюсь в темноту. Вижу, как ты выезжаешь на своей машине; смотрю, как обычно, тебе вслед: ты как всегда поворачиваешь, задние огни описывают в темноте дугу. Я тяжело опускаюсь в воздух, лечу за тобой. Пролетаю между деревьями, низко, тяжело, скользнули ночные ветви; настигаю машину и лечу чуть выше ее, почти над крышей. Следую за тобой весь путь, долетаю до старинных — им более ста лет — зданий, миную темный купол синагоги, опускаюсь на крышу второго, между его грифонов, обращенных к сторонам света. Наблюдаю за арками твоих окон — они прямо напротив. Я не вижу, как ты выходишь из машины (хотя ты внизу, прямо подо мной), как ты поднимаешься, просто слежу за окном кухни, вижу плафон лампы, теплый вечерний свет. Меня все сильней охватывает тоска, щемящее чувство одиночества; это окно кажется мне таким уютным-уютным, теплым, желанным. Я не вижу, но остро чувствую, как ты заходишь в квартиру: тебе радуются, встречают тебя. Угадываю — скорее по твоей тени — что ты заходишь на кухню. Я не вижу, что ты делаешь, но отчетливо представ-*

ляю себе твои действия, и от ощущения этого твоего домашнего уюта, тепла, света мне становится только холоднее и тоскливее; я почти ощущаю боль в сердце, переживаю острое чувство утраты. Я поднимаюсь и лечу в темноту.

И еще один прекрасный эзотерический сон.

Снится: нахожусь в квартире — длинный-длинный коридор, очень темный, только какое-то слабое голубое свечение, как бывает от света луны, льющегося через окно или проем двери, и от этого света все становится еще более призрачным, размытым; все видно словно сквозь дымку, как акварель, размытый фон. Но все равно заметно, что стены убогие, как будто во время ремонта — голые, серые бетонные стены. У меня странное чувство: это не совсем я; четко вижу молодого мужчину, очень близко. Он выходит из кухни, идет по коридору; испытываю такое ощущение, будто я иду прямо у него за спиной. Он неспешно проходит вдоль всего коридора, вплоть до преграждающей его стены; там останавливается. В этом месте голубые размытые тона резко усиливаются, и потому стена и пол кажутся довольно хорошо освещенными.*

Парень наклоняется — и я вижу, что он ставит на пол две миски с едой. И тут же к нему устремляются две крупные темные собаки. Они очень рады ему, прыгают, повизгивая, как щенки. Я присматриваюсь к собакам и тут вдруг понимаю, что их больше, минимум вдвое. И, что меня поражает,— другие собаки насквозь светятся. Видны только их очертания: они настолько пронизаны этим го-

лубым светом, что их почти не видно. Они тоже радуются этому молодому человеку, прыгают, ластятся,— но они как бы уступают дорогу реальным, настоящим собакам, держатся немного позади. И все эти собаки склоняются над мисками и начинают хлебать еду, время от времени отрываясь от мисок, прыгая вокруг юноши, резвясь, а затем возвращаются к мискам. Эта кутерьма продолжается долго. Ощущается, что эти призраки собак доброжелательно настроены и к человеку, и к животным, но они все равно ненамного, но отступают: в первую очередь они дают возможность двигаться реальным лицам.

Я испытываю чувство, что всегда это делала — кормила, ухаживала, ласкала этих собак — просто сейчас это немного не я; в глубине души проступает чувство жалости к этим призрачным собакам.

Эзотерика снов красива; она затягивает;
пробуждаться после них так больно.
Но — каждую ночь у тебя есть шанс
вернуться туда, в свой упоительный мир.

Примечание

[1] Здесь и далее сны сообщенные, не мои, я буду помечать знаком *, хотя и излагать, в большинстве, от первого лица; это касается, в основном, *психоанализа сновидений*.

Прозаика сна: между физиологией снов и их статистикой

Сны становятся все более и более прозаичны; даже массовые демонстрации сомнамбул — гротескных персонажей, впечатляющих, знакомых каждому,— не могут остановить этой девальвации романтики снов. Хуже того: сны становятся физиологичны — настолько, что налет мистики в толковании их природы позволяют себе только очень немногие, да и то лишь в рамках приватных философских деклараций. В то же время обнаруживается удивительный факт: мы видим несколько пока еще изолированных штрихов, которые вскоре были сложены Фрейдом в психоанализ сновидений.

Фрэнсис Бэкон: сны — это проекции

Рационалистичные мысли о сути сновидений были высказаны английским философом Фрэнсисом Бэконом (1561—1626): он отметил, что во сне внутренние органические возбуждения проецируются во внешний мир.

Томас Гоббс: сны — продукт воображения

Другой английский философ, Томас Гоббс (1588—1679 гг.) понимал сновидения как продукт воображения спящего. Он утверждал, что религии произошли из неумения отличать сны от бодрствования и что вера в пророческий смысл сновидений — такое же заблуждение, как вера в колдовство и духов.

Рене Декарт: сны — они сами по себе

По мнению Декарта, или Картезия (1596—1650 гг.), существенное различие между сновидениями и сознанием бодрствования заключается в том, что сновидения не могут вступать в связь ни между собою, ни с содержанием бодрствующего сознания. Введенное Декартом понятие *рефлекса* получило впоследствии основополагающее значение для физиологического понимания сновидений — впрочем, как и всяких других психических актов.

Готфрид Лейбниц: сновидения непрерывны

Немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716 гг.), исходя из своих — метафизических — воззрений на душу, утверждал, что душа, как непрерывно существующая, должна также непрерывно проявляться; поэтому необходимо допустить, что сон постоянно сопровождается сновидениями.

Жюльен де Ламеттри: сновидение — неполный сон

В трудах французского философа и врача Жюльена Офре де Ламеттри (1709—1751 гг.) механизм сновидения получил объяснение, которое приближается к пониманию этого явления физиологией XX века. Ламеттри в своем «Трактате о душе» объясняет сновидение как явление неполного сна, как деятельность частично бодрствующего мозга.

Он пишет: «Во время неполного сна только часть этих способностей (способностей мозга в состоянии бодрствования) прекращает или прерывает свое действие, и вызываемые таким образом ощущения несовершенны или всегда в каком-нибудь отношении дефектны». «По общему правилу,— говорит Ламеттри,— предметы, больше всего поразившие нас днем, являются нам ночью, и это одинаково верно по отношению ко всем животным вообще. Из этого следует, что непосредственной причиной грез является всякое сильное или часто повторяющееся впечатление, производимое на ту чувствующую часть мозга, которая не заснула или не утомлена...» «Очевидно также,— пишет он,— что бред, сопровождающий

бессонницу и лихорадку, проистекает из тех же самых причин и что греза является полубодрствованием, поскольку часть мозга остается свободной и открытой для восприятия впечатлений...» И далее: «Из того, что было сказано относительно грез, вытекает, что сомнамбулы на самом деле спят полным сном только в некоторых частях мозга; напротив, они бодрствуют в других...»

Очевидно, что Ламеттри уже вполне приблизился к физиологическому объяснению механизма сновидений и явлений сомнамбулизма.

Иммануил Кант: сновидения обязательны

Немецкий философ Иммануил Кант (1724—1804 гг.), следуя своей дуалистической концепции, поддерживал мнение Лейбница о невозможности сна без сновидений; по мнению Канта, полный сон без сновидений был бы равносилен прекращению жизни.

Пьер Кабанис: сновидения интероцептивны

Французский врач-философ Пьер Жан Кабанис (1757—1808 гг.) трактует сновидения как продукт возбуждения отдельных частей головного мозга под влиянием раздражений, исходящих из внутренних органов.

Кабанис указывает, что сновидение «нередко зависит самым заметным образом от обременения органов пищеваре-

ния, от состояния сердца и больших сосудов...», что «сопровождающие его тяжелые мысли и мрачные чувства могут не иметь ни малейшего отношения к тому, что сосредоточивает на себе все наше внимание в бодрствовании».

«Сновидения возникают,— пишет Кабанис,— в состоянии, при котором прерываются отправления внешних чувств, которое умеряет деятельность многих внутренних органов и вызываемых ими впечатлений, но умеряет их в различной степени и даже увеличивает чувствительность и силу некоторых из них; наконец, очевидно, что состояние это в то же самое время сводит и сосредоточивает большую часть нервных сил в мозговой орган и предоставляет его на произвол собственных его впечатлений или впечатлений, получаемых внутренними чувствующими окончаниями, которые не могут быть уравновешены и исправлены внешними чувствами».

Итак, Кабанис считает источником сновидений только те раздражения, которые исходят либо из самого «мозгового органа», либо из внутренних органов (интероцепция). Как известно, позднейшие наблюдения и экспериментальные исследования показали, что раздражения, исходящие из внешней среды, также могут вызывать сновидения и играют в этом смысле существенную роль. Тем не менее нельзя недооценивать заслуги Кабаниса, впервые указавшего на преобладание интероцептивных восприятий во время сна и на значение этого момента в механизме возникновения сновидений.

Прозаика сна: физиология и статистика

Нудов: проба теории сна

В 1791 году в Кенигсберге была опубликована монография Г. Нудова «Опыт теории сна». Автор считает сновидение состоянием, промежуточным между бодрствованием и сном. Он приводит наблюдения, показывающие значение раздражений как факторов, влияющих на содержание сновидений.

Фридрих Шеллинг: сны мистичны

Шеллингианцы наделили сновидение мистическим смыслом — как некую форму высшего интуитивного познания, религиозного откровения. Следует отметить, что шеллингианская натурфилософия оказала влияние и на физиологов первых десятилетий XIX века.

Карл Бурдах: сны ирреальны

Крупный немецкий физиолог Карл Фридрих Бурдах (1776—1847 гг.), автор-редактор большого руководства «Физиология как опытная наука», в третьем томе этого труда посвящает проблеме сна и сновидения целый раздел.

Бурдах считает, что «душа во сне ведет жизнь, отделенную от бодрствования, в которой она освобождена от действительности»; в этом взгляде заметно влияние идеи Декарта об отрыве сновидений от бодрствующей жизни.

Иоганнес Мюллер: сновидения — световые фантазии

В 1826 году другой немецкий физиолог, Иоганн Мюллер (1801—1858 гг.), давал свое — физиологическое — объяснение сновидения. В работе «О фантастических видениях» он утверждал, что «образы сновидения суть не что иное, как световые фантазии, которые возникают в зрительной субстанции при закрытых глазах».

Очевидно, Мюллер исходил из известного «закона специфической энергии органов чувств», согласно которому самые различные раздражения, действующие на органы чувств, вызывают неизменно лишь свойственное данному органу ощущение. Источником сновидений, по Мюллеру, является не раздражение, исходящее из внешней среды и изнутри организма, а всего лишь только возбуждение, возникающее в самом органе зрения, независимо от каких-либо внешних раздражений.

Эдуард Клапаред: сновидение — психический отдых

Автор так называемой «биологической теории сна» Эдуард Клапаред (1873—1940 гг.) считает, что во время сна низшие психические силы освобождаются от уз, с помощью которых бодрствующая жизнь их порабощает.

Сновидение есть ни что иное, как проявление игры этих сил, освобождение всего, что в нашем сознании было подав-

лено. Поэтому сновидение у здорового человека есть своего рода *психический отдых*.

Этот взгляд отражает ту телеологическую установку, которая характерна для всей концепции сна, развиваемой этим автором. По его мнению, сон есть проявление инстинкта, предохраняющего организм от самоотравления. Мы засыпаем не от того, что организм отравлен различными продуктами обмена, а для того, чтобы избегнуть подобного отравления.

Ян Пуркинье: сновидения непроизвольны

В 40-х годах XIX столетия видный чешский ученый Ян Эвангелиста Пуркинье (1787—1869 гг.) дает уже глубокую и конкретную физиологическую концепцию сновидений.

Взгляды Пуркинье на сновидение изложены в его работе «Бодрствование, сон, сновидения и родственные состояния». Он определяет сновидение как промежуточное состояние между сном и бодрствованием. Отличительным признаком бодрствования он считает наличие сознания. Пуркинье возражает против утверждения, что сна без сновидений не бывает[1]; напротив, он считает, что психическая деятельность может тормозиться полностью, как это бывает в глубоком сне и при других бессознательных состояниях. Он полагает, однако, что даже в глубоком сне «душа» не полностью закрыта для внешнего мира: «Сновидение есть иллюзорное отражение бодрствующей жизни». Из определения сновидения как промежу-

точного состояния между сном и бодрствованием следует, что сновидения возникают либо при засыпании, либо перед пробуждением. Все формы бодрствующего сознания повторяются и в сновидениях, которые отличаются лишь тем, что они разыгрываются в субъективной сфере.

Далее Пуркинье указывает на непроизвольный характер сновидений; этой особенностью они отличаются от грез, которые возникают произвольно и могут быть по желанию прерваны. Существенная черта сновидения заключается в том, что все переживания в нем воспринимаются как подлинные. В образах сновидения зачастую отражаются различные внешние раздражения; раздражения органов вкуса и обоняния реже других влияют на содержание сновидений. Большая часть сновидных переживаний относится к зрительному и слуховому чувствам, к осязанию и движениям тела.

Пуркинье пытается построить классификацию сновидений. Он дает их обстоятельный психологический анализ. По его мнению, сновидения несут отдых от переживаний в бодрствовании. Он отмечает тот факт, на который позднее указывали другие авторы: умершие близкие являются нам в сновидениях лишь тогда, когда скорбь о них уже притупилась. Пуркинье также отмечает сходство сновидений с бредом душевнобольного; эта мысль впоследствии получает развитие в трудах многих психологов и психиатров, особенно французской школы.

Прозаика сна: физиология и статистика

* * *

Во второй половине XIX века разноголосица в понимании снов — в ключе все той же прозаики — нарастает.

В 1860—1890-х годах в Германии, Франции, Англии и других странах Западной Европы, а также в США появляется ряд монографий, экспериментальных исследований и статей, посвященных именно проблеме сновидений.

Одни авторы пренебрегали физиологической стороной вопроса: они либо занимались анализом сновидений в духе ассоциативной психологии (как, например, Штрюмпель), либо строили отвлеченные концепции в духе Шеллинга и Фихте (Фолькельт), либо занимались самонаблюдениями и экспериментами в духе эмпирической психологии.

Другие стояли на позициях так называемого «психофизического параллелизма»: они хотя и пытались разобраться в вопросах физиологии сна, но проблему сновидения разрабатывали преимущественно в психологическом плане, в отрыве от физиологии мозга, считая невозможным установление ни единства двух «параллельных» рядов — материальных и психических явлений, ни причинной связи между ними.

Ставились вопросы о возможности сна без сновидений, об их происхождении, содержании, структуре, о течении представлений в сновидениях, об особенностях, отличающих сновидение от бодрствования, о судьбе психических способностей в сновидениях и многие другие[2].

* * *

Следует также остановиться на некоторых экспериментальных исследованиях, которые были выполнены в конце позапрошлого столетия и сыграли существенную, хотя и частную роль в истории вопроса.

Мори Вольд: сновидения кинестетичны

Мори Вольд особенно интересовался влиянием тактильного и мышечного чувства на сновидения, а также влиянием зрительных впечатлений, воспринимаемых перед отходом ко сну. Он пытался уточнить связь между тактильно-мышечными ощущениями и двигательными образами сновидений[3].

Представляют интерес его экспериментальные наблюдения.

1. При давлении на поверхность кожи сюжет сновидения имеет отношение к предмету, который производит давление, либо к другому подобному предмету и к месту давления; ощущение давления может превратиться в абстрактный образ, или в сновидении фигурирует предмет, который находится в зрительном или звуковом отношении к источнику раздражения и к конечности, на которую производится давление. Собственные ощущения в сновидении могут присваиваться другим лицам.

Испытуемая лежит, например, на спине на нескольких поленьях. Ей снится: «Я вижу большого зверя с одним или двумя горбами на спине; кажется, что на спине зверя сидит человек».

2. Мори Вольд экспериментально показал, что при кожно-двигательных раздражениях с преобладанием двигательного элемента обычно снится выполнение актов, при которых положение раздра-

жаемой конечности играет преобладающую роль, либо снятся другие лица, выполняющие соответственные движения.

Например, в случае подошвенного сгибания стоп спящему снится, что он бежит, поднимается по лестницам или поднимается на цыпочках либо он видит других лиц, выполняющих эти движения. При надевании на ночь перчаток спящий видит во сне, что его (или чужая) рука ударяет по другой его руке, сжимает ее и т. д. Обычно все тело участвует в этих движениях, по иногда спящий видит двигающейся только конечность, соответствующую той, которая подвергается раздражению.

В более редких случаях движение в сновидении представляется «задержанным», так, например, спящему снится, что он стоит на цыпочках. Иногда снится велосипед или другой аналогичный образ — например в случае подошвенного сгибания обеих стоп. Иногда спящий видит, что кто-то ступает по его телу.

3. Впечатления, прекращавшиеся к началу опыта или незадолго до того, вызывали сновидения, в которых спящий видел себя потревоженным приготовлениями к опыту. Эти образы, по-видимому, также имели кожно-мышечное происхождение и возникали в связи с привычными ассоциациями и зависели от общих или местных ощущений.

Мори Вольд наблюдал также сновидения и вне эксперимента, вызванные естественными кожно-двигательными раздражениями. Они представляли ту же структуру: так, сдавливание рук, рефлекторные сгибания в суставах, местное утомление конечностей, например ног после длительной ходьбы, ревматические явления в суставах и т. п. могут вызывать сновидения, подобные вышеописанным.

Напряжение в определенной группе мышц вызывает образ соответственного движения. Эта связь может лежать в основе навязчивого представления. Состояние какой-либо мышечной группы, соответствовавшее, быть может, совершившемуся в свое время событию, возбуждает определенный участок коры головного мозга. Возбуждение распространяется и на речевой центр, вызывая, с одной стороны, речевые движения, а с другой — соответственное представление.

Известно, что восприятие движений, выполняемых другими лицами, сопровождается у наблюдателя соответственными двигательными «микроактами». Естественно было предположить, что возможны и противоположные явления. Во время сна зрительные впечатления отсутствуют, отсутствует синтез, необходимый для осознания своего «я». В этих условиях слабые мышечные напряжения превращаются в знакомые образы соответственных движений у других лиц, между тем как мышечные ощущения, которые представляют их источник и причину, не воспринимаются.

Мори Вольд, исходя из своих наблюдений, пытался установить связь между галлюцинациями и сновидениями[4]. Он указывает на хорошо известное психиатрам значение ненормальных кожных восприятий в происхождении зрительных галлюцинаций, на подобное же значение двигательных восприятий, имеющих, по-видимому, источником мышечное чувство. Галлюцинаторные образы движений одного или нескольких лиц часто составляют содержание гипнагогических, т. е. испытываемых при засыпании, галлюцинаций. Их источник — мышечные напряжения. Мори, путешествуя в карете, в состо-

янии сонливости видел множество маленьких людей, производивших различные движения и что-то говоривших. Источник галлюцинаций в данном случае можно усмотреть в ненормальном состоянии мышц, сопровождавшемся ощущением оцепенения. В других случаях синтез ощущения с чувством «я» в движении порождает галлюцинаторный образ двойника.

Образы двигающихся животных также могут иметь, повидимому, своим источником двигательные и кожные ощущения[5]. Типическое сновидение с переживанием полета Мори объясняет легким эротическим возбуждением. В некоторых случаях переживание полета может иметь своим источником двигательные ощущения.

Что касается влияния зрительных впечатлений на сновидения, то оказалось, что предмет, который рассматривался в течение некоторого времени вечером перед отходом ко сну, в большинстве случаев претерпевает в сновидении различные изменения и превращения. Чаще и устойчивее всех других элементов виденного предмета отражается в сновидениях его цвет — либо прямо, либо в виде контрастного или дополнительного цвета, или в виде фона, на котором возникают образы сновидений и т. д.

Вольд на основании своих исследований приходит к следующим выводам:

— зрительные образы сновидений и зрительные галлюцинации могут быть результатом возбуждений других видов чувствительности, и, в частности, кожно-двигательных;

— кожно-двигательные ощущения играют важную роль в происхождении зрительных образов сновидений и зрительных галлюцинаций; при этом на первый план выступают двигательные ощущения;

— в образовании зрительных образов сновидений и зрительных галлюцинаций также имеют значение (правда, второстепенное) процессы, происходящие в зрительном аппарате (в сетчатке, глазных мышцах и т. д.);

— в основе образования зрительных сновидений и зрительных галлюцинаций при психических расстройствах лежит один и тот же механизм, в котором кожно-двигательные раздражения составляют важное звено.

Тесси: на сны можно влиять

В 1890 году в Париже вышла работа Тесси «Сновидения», в которой автор сообщал о своих экспериментальных наблюдениях над сомнамбулой Альбертом.

Вот выводы этого автора: все наши сновидения вызываются чувственными впечатлениями во время сна; эти впечатления, полученные во сне, переживаются в сновидениях в усиленном виде; то же относится и к гипнотическому сну. Сила впечатления еще больше возрастает при одновременном возбуждении двух органов чувств. При быстрой смене впечатлений течение мыслей ускоряется и представление о времени исчезает настолько, что в течение нескольких секунд пере-

живаются дни и месяцы. Сновидения, вызванные зрительным впечатлением в обычном сне, относительно редки, так как глаза у спящего закрыты и спит он в темноте; сновидения этого рода могут быть вызваны при обычном сне игрой теней и света. В гипнотическом сне сновидения подобного рода бывают чаще, так как глаза у спящего иногда открыты или полуоткрыты. В гипнотическом сне слух — самое восприимчивое чувство. Одно и то же раздражение может вызвать одно и то же сновидение одновременно у нескольких лиц, находящихся в обычном либо гипнотическом сне. Сновидений чисто психического происхождения не бывает. Все наши сновидения вызываются начальным чувственным впечатлением, так же, как и наши мысли в состоянии бодрствования; исходный пункт мысли иногда ускользает от нас,— из этого, однако, не следует, что его нет. В сновидении исходный пункт ускользает от нас всегда, поскольку во время сна активное внимание отсутствует. Так называемые психосенсорные галлюцинации особенно часто наблюдаются в гипнагогическом состоянии. Они могут возникать в обычном сновидении и продолжаться некоторое время после пробуждения. Галлюцинации одного и того же рода могут воспроизводиться в трех различных состояниях: во сне *обычном*, *сомнамбулическом* и *гипнотическом*. Раздвоение личности бывает во всех этих трех видах сна и имеет своим источником, по-видимому, диссоциацию сенсорного и спланхнического («относящегося к внутренним органам») «я». Самовнушение и внушение могут иметь место во всех трех видах сна. Чтобы вызвать воспоминание о пере-

житом в гипнозе, Тесси создавал у испытуемого путем внушения так называемые «идеогенные зоны» и пришел к заключению, что в состоянии бодрствования воспоминание о пережитом в гипнозе может иметь место.

Автор приходит к заключению, что существует плотная связь между тремя состояниями сна — *обычным*, *сомнамбулическим* и *гипнотическим*. Главный же вывод таков: образование сновидений во сне обычном и гипнотическом подчинено одним и тем же законам.

* * *

В 80—90-х годах XIX века в Западной Европе и США были опубликованы исследования статистического характера, авторы которых пытались выявить частоту появления сновидений в зависимости от пола сновидца, от времени возникновения сна, от рода раздражений, его вызывающих, от степени яркости, от связи с впечатлениями бодрствования.

Эти статистические изыски, конечно же, не принесли никаких результатов, однако сам факт их появления свидетельствуют о том, что внимание к сновидениям начинает приобретать массовый характер.

* * *

В заключение совершенно особо следует подчеркнуть по крайней мере два пункта этой путаной новой истории прозаики сновидений; эти позиции,— которые, скорее всего, оста-

лись бы незамеченными,— спустя немного времени мы видим уже в центре аналитической доктрины снотолкования.

Иоганн Фихте: сны — дары предсознательного

Иоганн Готлиб Фихте (1762—1814 гг.) полагает, что состояние сновидения — в отношении обнаруживаемых в нем «неведомых сокровищ предсознательной области» — богаче и интереснее бодрствования. Он говорит об освобождении сознания в сновидении, об высвобождении духа из телесных оков.

Шернер: сновидения телесно-символичны

В 1881 году в Берлине вышла работа К.А. Шернера «Жизнь сновидения». Основная мысль автора заключается в том, что сновидение есть творческий акт сознательной творческой силы духа, творческой фантазии. По Шернеру, образы сновидений представляют — только в символическом виде — внутреннюю жизнь организма.

Шернер выстраивает целое учение о символике внутренних органов и их функций в сновидении. Так, зубы символизируются в сновидениях в виде рядов светловолосых мальчиков или в виде отточенных камней; полость рта — в виде ступеней лестницы либо сводчатого помещения; сердце — в виде повозки, двигающейся то в одну, то в другую сторону; легкие представляются в сновидении в виде топящейся

печи; моча символизируется водой; кишечник — уходящая вниз узкая и грязная кривая улочка с низкими домишками.

Фрейд познакомится со сновидной символикой Шернера по книжке «Фантазия сновидений» некоего Фолькельта, где тот популярно изложил содержание трудночитаемой «Жизни сновидения».

Среди полифонии прозаики сна несколько тонов внезапно совпали; здесь странно уже даже то, что эти мнения могли появиться в эру позитивизма.

Примечания

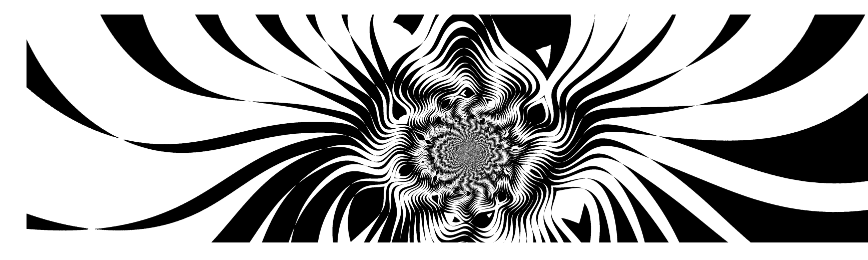
[1] Этот взгляд, вытекавший из концепции Декарта, повлиял практически на все последующее развитие проблемы сновидений философско-психологического направления.

[2] В 90-х годах XIX и в начале XX века французские авторы обсуждали на страницах журнала «Revue philosophique» вопросы о быстроте смены образов в сновидениях, о запоминании сновидений и т. п.

[3] От физиологии рукой подать до патологии: некоторые авторы начала прошлого века придают этим исследованиям большое значение в деле выяснения механизма галлюцинаций.

[4] Занимаясь исследованием сновидений, Вольд пришел к заключению, что во многих случаях зрительные галлюцинации представляют собою зрительное выражение кожно-мышечных ощущений, продукт их «визуализации». Он установил принцип функциональной замещаемости кожно-мышечных ощущений и зрительных образов в сновидениях.

[5] Жан Мартен Шарко наблюдал истеричных больных, видевших животных, движения которых исходили из стороны тела больного, утратившей чувствительность.

Виктор Кандинский и другие: гипнагогия, эйдетизм, онейризм и прочие болезни снов

Уже прозаическая физиология снов постоянно сбивается на обсуждение их очевидного родства с патологическими движениями и состояниями душевной жизни. Тем не менее оформляется целый пласт исследований, которые говорят о снах в категориях болезни, патологии, не-нормальности. Высказывания о сновидениях становятся диковинными, их звучание весьма непривычно, их заселяют терминологические монстры: кроме относительно привычных *иллюзий* и *псевдогаллюцинаций*, это *эйдетизм* и *онейризм*, *гипнагогия* и *патосомнии* и много, много других.

Виктор Кандинский: сны — это псевдогаллюцинации

В 1880 году в России выходит исследование, которое в истории проблемы сновидений следует считать важной вехой. Это исследование психиатра Виктора Хрисанфовича Кандинского (1849—1889 гг.) под названием «О псевдогаллюцинациях».

Как известно, Кандинскому принадлежит заслуга первого описания так называемых «псевдогаллюцинаций». Под «псевдогаллюцинациями» автор разумеет те случаи, когда в результате возбуждения сенсорных зон коры головного мозга в сознании являются «весьма живые и чувственно до крайности определенные образы (т. е. чувственные представления), которые, однако, резко отличаются для самого восприемлющего сознания от истинно галлюцинаторных образов тем, что не имеют присущего последним характера объективной действительности, но, напротив, прямо сознаются как нечто субъективное, однако вместе с тем — как нечто аномальное, новое, нечто весьма отличное от обыкновенных образов воспоминания и фантазии»[1].

Псевдогаллюцинации могут появляться и у здоровых, а именно в период *засыпания* — «в то время, промежуточное между сном и бодрствованием, когда, прекратив активно-преапперцептивную работу логического мышления, человек предается пассивному восприятию спонтанно возникающих субъективных образов»[2].

И вот при прекращении восприятий внешнего мира, т. е. «при наступлении сна, как те субъективные чувственные образы, которые перед засыпанием были псевдогаллюцинациями, так и обыкновенные (не псевдогаллюцинаторные) образы, воспоминания и фантазии прямо превращаются в сновидения».

Каков же механизм этого превращения?

Кандинский изображает эту картину следующим образом: «Те самые чувственные воспоминания и фантазии, которые, когда мы бодрствуем, совсем не обладают характером объективности и потому нимало не рискуют быть смешанными с объективными чувственными представлениями, объективируются, когда мы перестаем нашими кортикальными чувственными центрами апперципировать внешние впечатления, т. е. когда мы впадаем в сон».

* * *

Есть и другие, относящиеся к сновидениям так, словно они — *болезни*.

Альфред Мори: сновидения схожи с бредом

Заметной вехой в истории проблемы сновидения является монография Альфреда Мори «Сон и сновидения»[3].

Взгляды Мори на механизм сновидения совпадают, в основном, со взглядами де Ламеттри: «...сновидения,— говорит

Мори,— обязаны своим происхождением тому, что некоторые части головного мозга и чувствующих аппаратов остаются, вследствие раздражения, противодействующего полному усыплению, в состоянии бодрствования».

Особую ценность труду Мори придает тот факт, что автор излагает в нем результаты систематического анализа своих сновидений. Он устанавливает связь сновидений с гипнагогическими галлюцинациями, а также показывает влияние внешних раздражений на возникновение и содержание сновидений.

Анализируя свои сновидения, Мори показывает, как внешние раздражения влияют на содержание сновидений и с какой высокой скоростью протекают в сонном сознании сложные сновидения, переживаемые как события, происходящие на протяжении большого периода времени.

Примером подобного сновидения, ставшим известным в литературе, служит сновидение, в котором Мори пережил свою казнь на гильотине: сновидение было вызвано ударом свалившейся на затылок спящего стрелки, украшавшей спинку кровати.

Мори придает значение не только внешним раздражениям, но и тем, что исходят изнутри организма. Последним принадлежит важная роль в происхождении так называемых «патологических» — а точнее, *диагностических* — сновидений, которые уже древним лекарям служили вспомогательным материалом при распознавании болезней.

Мори подчеркивает сходство сновидения с *бредом*; идея о ценности изучения сновидений для понимания бредового

состояния душевнобольного высказывалась уже прежде[4]; впоследствии многие психиатры возвращались к этой идее и искали в сновидениях разгадку бреда.

Жюль Бейарже: сновидение родственно психозу

Так, Жюль Бейарже (1809—1890 гг.) считал, что как сновидение, так и бред представляют собою проявления непроизвольной автоматической работы мозга. Он подчеркивал значение сновидений в развитии психозов и значение переходного состояния между сном и бодрствованием в развитии галлюцинаций. Идея родства сновидений и психоза прочно утвердилась в психиатрии и вылилась в учение об *онейрическом бреде*.

Бинц: сновидения — низшие галлюцинации

По К. Бинцу, при здоровом глубоком сне всякая психическая деятельность временно угасает. Сновидение есть процесс телесный и притом совершенно бесполезный и даже болезненный.

Сновидение в количественном отношении представляет собою низшую ступень галлюцинации, а галлюцинация — есть высоко развитое сновидение.

Царство сновидений — это последний, растянутый, период сна. Сновидения бывают и в начале сна, при засыпании, но, как правило, они мимолетны.

Виктор Кандинский и другие

Вильгельм Гризингер: психозы — это сновидные состояния

Вильгельм Гризингер (1817—1868 гг.) писал: «...нам кажется чрезвычайно полезной для общего понимания болезненных психических процессов аналогия сумасшествия с некоторыми сродными ему состояниями, именно со сновидениями и с горячечным бредом».

Анализируя те расстройства сна, которые выражаются в ненормальном удлинении переходного состояния между сном и бодрствованием, Гризингер приходит к заключению, что именно это переходное состояние ничем не отличается от некоторых форм психического расстройства. Даже некоторые психозы, которые, казалось бы, представляют все признаки полного бодрствования, он считает своего рода сновидным состоянием. Острый горячечный бред, по Гризингеру, состоит из сновидений в состоянии полубодрствования.

Моро де Тур: сновидение и помешательство тождественны

На полном тождестве сновидения и помешательства настаивал Моро де Тур. В своих работах «О помешательстве с патологической и анатомо-патологической точки зрения» (1855 г.) и «О тождестве состояния сновидения и помешательства» (1855 г.) он утверждает, что состояние сна — основное патогенетическое условие бредовых идей.

Он пишет: «...Помешательство есть смешанное состояние, происходящее от смешения состояния сна и состояния бодрствования, от вмешательства явлений или психических фактов, относящихся ко сну, в состояние бодрствования».

Во второй из названных работ находим: «Помешательство есть сновидение бодрствующего человека». И далее: «...те же органические условия, которые дают повод к развитию сновидений, предрасполагают к бреду. Сновидения и бред имеют общее происхождение».

Эмиль Крепелин: сновидения напоминают шизофрению

Эмиль Крепелин (1856—1926 гг.) обратил внимание на сходство речевой спутанности у шизофреников со спутанностью речи во сне. И здесь, и там можно наблюдать уклонение мысли от смыслового стержня, соскальзывание возникающей мысли на другую, ей подобную, расстройство словесного расчленения и выражения мыслей, склонность к изобретению новых слов, часто в форме иностранных, изменение общеупотребительных слов и их значения.

Увлечение повседневным: эзотерика снов

**Другие, подвизавшиеся на поприще
болезней снов, более чем многочисленны;
тогда каждый стремился вклинить свою истинную,
достоверную реплику в полифонию
патологии сновидений.**

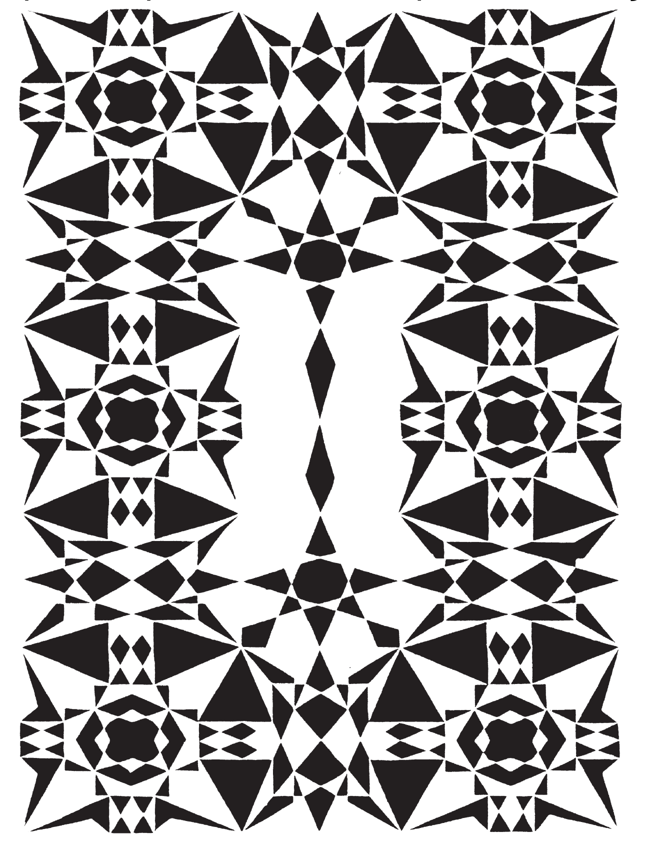
[1] Здесь и далее цит. по: *Вольперт И. Е.* Сновидения в обычном сне и гипнозе/Под ред. Д. А. Бирюкова.— Л.: Медицина. Лениградск. отд., 1966.— С. 38.

[2] Тут имеет место довольно тонкая дискуссия: Кандинский считает, что многие авторы неправильно относят гипнагогические явления к *галлюцинациям*; они суть *псевдогаллюцинации*: «Большая часть зрительных образов гипнагогического состояния у здоровых людей, в особенности же наиболее сложные (спонтанные) картины воспоминания и фантазии, суть не настоящие галлюцинации, а именно псевдогаллюцинации...»

[3] В позднейших работах по вопросу сновидений часто можно встретить ссылки на эту книгу.

[4] Еще в XVIII веке Ришар указывал на большое сходство сновидений и бреда лихорадящих. Сновидение и психоз сравнивали и сближали также Кабанис, Кондильяк, Мен де Биран и мн. др.

Пристрастие к прошлому:

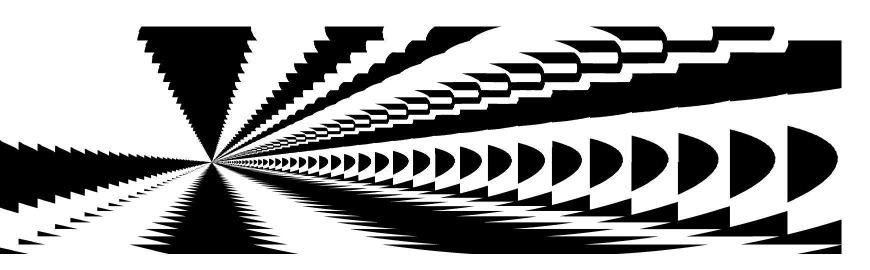
аналитика сновидений

Пристрастие к прошлому:

аналитика сновидений

Аналитика снов не является изобретением Фрейда, конечно же, нет. В аналитическом методе специфичен не символизм — он был хорошо известен, не ассоциативный подход — его давно применяли, ни даже принцип исполнения желаний — достаточно заглянуть в историю. Выделяет его пристрастие к прошлому: сновидение всегда о том, что было; даже побудительные желания идут из вчерашнего детства. Однако прежде чем перейти к способу аналитического толкования вообще и его квинтэссенции — психоаналитическому толкованию,— следует подобраться к Фрейду постепенно — да почему бы ему самому не сказать о своих предшественниках в наиболее эпатирующей и значимой области — в области сновидной символики? Далее взглянем на типовые сновидения — они тоже изобретение отнюдь не Фрейда, но именно на них он дал наиболее важные, как кажется, трактовки, определившие лицо психоаналитического метода снотолкования. И это понятно — ведь именно систематика, типология

в этой эфемерной области исключительно важна, порой не менее, чем метод: позитивизм все еще в расцвете. Однако есть и основная идея: сновидение — это исполненное желание; идея, повторюсь, старая. Действительно, существует определенный класс сновидений, где ассоциативные интерпретации, с привлечением ассоциированных же символов, могут принести желаемое объяснение; метод сам по себе довольно красив.
Иная, культурно опосредованная, аналитика снов — архетип-анализ Юнга. Этот, юнгианский, анализ, похоже, доступен каждому. Есть ли сновидения-архетипы — сновидения, в которых стоит огромная фигура культурно наследуемого образа, архетипа? Да, если таковым условимся считать каждое реликтовое, каждое архаичное, каждое готическое сновидение, да приспособимся перекладывать его на особый лад.
Есть и другие — мелкие скучные теории, апеллирующие к мистике и философии, психологии и физиологии, прочему.

Символика спящей души

Вряд ли стоит долго распространяться о том, что мышление по сути своей символично; достаточно сказать, что спящее мышление символично вдвойне.

Хотя символика сновидений довольно прочно ассоциирована с психоаналитической техникой снотолкования Фрейда, она отнюдь не является его изобретением. И речь здесь идет не о той древней символике, которая насчитывает тысячелетия, а именно о той самой телесной, сексуализированной системе образов-знаков, которая известна в культуре в образе, скорее, парадокса.

Предоставим слово самому Фрейду — пусть он сам скажет о своих предшественниках, потому как никто лучше него не может их знать, и его искажающая, ракурсная систематизация символики сновидений как раз и важна для нашего исследования. Обратимся к его циклу лекций, прочитанных

в течение двух зимних семестров 1915/16 и 1916/17 годов, а именно к *десятой лекции*, посвященной *символике сновидения*[1].

«Уважаемые дамы и господа! Мы убедились, что искажение, которое мешает нам понять сновидение, является следствием деятельности цензуры, направленной против неприемлемых, бессознательных желаний. Но мы, конечно, не утверждаем, что цензура является единственным фактором, вызывающим искажение сновидения, и в дальнейшем мы действительно можем установить, что в этом искажении участвуют и другие моменты. Этим мы хотим сказать, что, если цензуру сновидения можно было бы исключить, мы все равно были бы не в состоянии понять сновидения, явное сновидение не было бы идентично скрытым его мыслям.

Этот другой момент, затемняющий сновидение, этот новый фактор его искажения мы откроем, если обратим внимание на изъян нашей техники. Я уже признавался вам, что анализируемым иногда действительно ничего не приходит в голову по поводу отдельных элементов сновидения. Правда, это происходит не так часто, как они утверждают; в очень многих случаях при настойчивости мысль все-таки можно заставить появиться. Но бывают, однако, случаи, в которых ассоциация не получается или, если ее вынудить, она не дает того, что мы от нее ожидаем. Если это происходит во время психоаналитического лечения, то приобретает особое значение, о чем мы не будем здесь говорить. Но это случается

и при толковании сновидений у нормальных людей или при толковании своих собственных сновидений. Когда видишь, что никакая настойчивость не помогает, то в конце концов убеждаешься, что нежелательная случайность регулярно повторяется при определенных элементах сновидения, и тогда начинаешь видеть новую закономерность там, где сначала предполагал только несостоятельность техники.

В таких случаях возникает соблазн самому истолковать эти "немые" элементы сновидения, предпринимаешь их перевод (Übersetzung) собственными средствами. Само собой получается, что, если довериться такому замещению, каждый раз находишь для сновидения вполне удовлетворяющий смысл; а до тех пор, пока не решишься на этот прием, сновидение остается бессмысленным и его связность нарушается. Повторение многих чрезвычайно похожих случаев придает нашей вначале робкой попытке необходимую уверенность.

Я излагаю все несколько схематично, но это вполне допустимо в дидактических целях, и мое изложение не фальсификация, а некоторое упрощение.

Таким образом, для целого ряда элементов сновидений получаешь одни и те же переводы, подобно тем, какие можно найти в наших популярных сонниках для всевозможных приснившихся вещей. Однако не забывайте, что при нашей ассоциативной технике постоянные замещения элементов сновидения никогда не встречались.

Вы сразу же возразите, что этот путь толкования кажется вам еще более ненадежным и спорным, чем прежний по-

средством свободных ассоциаций. Но здесь следует кое-что добавить. Когда благодаря опыту накапливается достаточно таких постоянных замещений, начинаешь понимать, что это частичное толкование действительно возможно, исходя из собственных знаний, что элементы сновидения действительно можно понять без [использования] ассоциации видевшего сон. Каким образом можно узнать их значение, об этом будет сказано во второй части нашего изложения».

Итак, символы, которые поначалу воспринимались как дефекты техники толкования, все-таки занимают принадлежащее им по праву место в психоаналитической теории сновидений; попытка отказаться от метафорического, символического толкования, которую предпринял Фрейд в угоду позитивистским образцам исследовательской строгости, ему не удалась.

Что же представляют собой символ, символика сновидений?

«...Постоянное отношение между элементом сновидения и его переводом,— говорит Фрейд,— мы называем *символическим* (symbolische), сам элемент сновидения *символом* (Symbol) бессознательной мысли сновидения. Вы помните, что раньше при исследовании отношений между элементами сновидения и его собственным [содержанием] я выделил три вида таких отношений: часть от целого, намек и образное представление. О четвертом я тогда упомянул, но не назвал его. Введенное здесь символическое отношение является этим четвертым. По поводу него имеются очень интересные соображения, к которым мы обратимся, прежде чем приступим

к изложению наших специальных наблюдений над символикой. Символика, может быть, самая примечательная часть в теории сновидения».

Послушаем: «Прежде всего: ввиду того, что символы имеют устоявшиеся переводы, они в известной мере реализуют идеал античного и популярного толкования сновидений, от которого мы при нашей технике так далеко ушли. Они позволяют нам иногда толковать сновидения, не расспрашивая видевшего сон, ведь он все равно ничего не сможет сказать по поводу символа. Если знать принятые символы сновидений и к тому же личность видевшего сон, условия, в которых он живет, и полученные им до сновидения впечатления, то часто мы оказываемся в состоянии без затруднений истолковать сновидение, перевести его сразу же. Такой фокус льстит толкователю и импонирует видевшему сон; это выгодно отличается от утомительной работы при расспросах видевшего сон. Но пусть это не введет вас в заблуждение. Мы не ставим перед собой задачу показывать фокусы. Толкование, основанное на знании символов, не является техникой, которая может заменить ассоциативную или равняться с ней. Символическое толкование является только дополнением к ней и дает ценные результаты лишь в сочетании с ассоциативной техникой. А что касается знания психической ситуации видевшего сон, то прошу принять во внимание, что вам придется толковать сновидения не только хорошо знакомых людей, что обычно вы не будете знать событий дня, которые являются побудителями сновидений, и что мысли, приходящие в голо-

ву анализируемого, как раз и дадут вам знание того, что называется психической ситуацией.

В связи с обстоятельствами, о которых будет идти речь ниже, достойно особого внимания то, что признание существования символического отношения между сновидением и бессознательным вызывало опять-таки самые энергичные возражения. Даже люди, обладающие смелостью суждения и пользующиеся признанием, прошедшие с психоанализом значительный путь, отказались в этом следовать за ним. Такое отношение тем более удивительно, что, во-первых, символика свойственна и характерна не только для сновидения, а, во-вторых, символику в сновидении, как ни богат он ошеломляющими достижениями, открыл не психоанализ. Если уж вообще приписывать открытие символики сновидения современникам, то следует назвать философа К.А. Шернера (Scherner, 1861 г.). Психоанализ только подтвердил открытия Шернера, хотя и основательно видоизменил их.

Теперь вам хочется услышать что-нибудь о сущности символики сновидения и познакомиться с ее примерами. Я охотно сообщу вам, что знаю, но сознаюсь, что наши знания не соответствуют тому, чего бы нам хотелось.

Сущностью символического отношения является сравнение, хотя и не любое. Предполагается, что это сравнение особым образом обусловлено, хотя эта обусловленность нам не совсем ясна. Не все то, с чем мы можем сравнить какой-то предмет или процесс, выступает в сновидении как символ. С другой стороны, сновидение выражает в символах не все,

а только определенные элементы скрытых мыслей сновидения. Итак, ограничения имеются с обеих сторон. Следует также согласиться с тем, что, пока понятие символа нельзя строго определить, оно сливается с замещением, изображением и т. п., приближается к намеку. Лежащее в основе сравнения в ряде символов осмысленно. Наряду с этими символами есть другие, при которых возникает вопрос, где искать общее, *tertium comparationis* этого предполагаемого сравнения. При ближайшем рассмотрении мы либо найдем его, либо действительно оно останется скрытым от нас. Удивительно, далее, то, что если символ и является сравнением, то оно не обнаруживается при помощи ассоциации; что видевший сон тоже не знает сравнения, пользуется им, не зная о нем. Даже больше того, видевший сон не желает признавать это сравнение, когда ему на него указывают. Итак, вы видите, что символическое отношение является сравнением совершенно особого рода, обусловленность которого нам еще не совсем ясна. Может быть, указания для его выяснения обнаружатся в дальнейшем.

Число предметов, изображаемых в сновидении символически, невелико. Человеческое тело в целом, родители, дети, братья и сестры, рождение, смерть, нагота и еще немногое. Единственно типичное, т. е. постоянное изображение человека в целом, представляет собой *дом*, как признал Шернер, который даже хотел придать этому символу первостепенное значение, которое ему не свойственно. В сновидении случается спускаться по фасаду домов то с удовольствием, то со

страхом. Дома с совершенно гладкими стенами изображают мужчин; дома с выступами и балконами, за которые можно держаться,— женщин. Родители появляются во сне в виде *императора* и *императрицы*, короля и королевы или других представительных лиц, при этом сновидение преисполнено чувства почтения. Менее нежно сновидение относится к детям, братьям и сестрам, они символизируются *маленькими зверенышами*, *паразитами*. Рождение почти всегда изображается посредством какого-либо отношения к *воде*, в воду или бросаются, или выходят из нее, из воды кого-нибудь спасают, или тебя спасают из нее, что означает материнское отношение к спасаемому. Умирание заменяется во сне *отъездом*, *поездкой по железной дороге*, смерть — различными неясными, как бы нерешительными намеками, нагота — *одеждой* и *форменной одеждой*. Вы видите, как тут стираются границы между символическим и намекающим изображением.

Бросается в глаза, что по сравнению с перечисленными объектами объекты из другой области представлены чрезвычайно богатой символикой. Такова область сексуальной жизни, гениталий, половых процессов, половых сношений. Чрезвычайно большое количество символов в сновидении — символы сексуальные. При этом выясняется удивительное несоответствие. Обозначаемых содержаний немного, символы же для них чрезвычайно многочисленны, так что каждое из этих содержаний может быть выражено большим числом почти равнозначных символов. При толковании получается картина, вызывающая всеобщее возмущение. Толкования символов

в противоположность многообразию изображений сновидения очень однообразны. Это не нравится каждому, кто об этом узнает, но что же поделаешь?

Так как в этой лекции мы впервые говорим о вопросах половой жизни, я считаю своим долгом сообщить вам, как я собираюсь излагать эту тему. Психоанализ не видит причин для скрывания и намеков, не считает нужным стыдиться обсуждения этого важного материала, полагает, что корректно и пристойно все называть своими настоящими именами, и надеется, таким образом, скорее всего устранить мешающие посторонние мысли. То обстоятельство, что мне приходится говорить перед смешанной аудиторией, представляющей оба пола, ничего не может изменить. Как нет науки *in usum delphini*, так нет ее и для девочек-подростков, а дамы своим появлением в этой аудитории дают понять, что они хотят поставить себя наравне с мужчинами.

Итак, сновидение изображает мужские гениталии несколькими символами, в которых, по большей части, вполне очевидно общее основание для сравнения. Прежде всего для мужских гениталий в целом символически важно священное число 3. Привлекающая большее внимание и интересная для обоих полов часть гениталий, мужской член, символически заменяется, во-первых, похожими на него по форме, то есть длинными и торчащими вверх предметами, такими, например, как *палки*, *зонты*, *шесты*, *деревья* и т. п. Затем предметами, имеющими с обозначаемым сходство проникать внутрь и ранить, т. е. всякого рода острым оружием: *ножами*, *кинжалами*,

копьями, *саблями*, а также огнестрельным оружием: *ружьями*, *пистолетами* и очень похожим по своей форме *револьвером*. В страшных снах девушек большую роль играет преследование мужчины с ножом или огнестрельным оружием. Это, может быть, самый частый случай символики сновидения, который вы теперь легко можете понять. Также вполне понятна замена мужского члена предметами, из которых льется вода: *водопроводными кранами*, *лейками*, *фонтанами* — и другими предметами, обладающими способностью вытягиваться в длину, например *висячими лампами*, *выдвигающимися карандашами* и т. д. Вполне понятное представление об этом органе обусловливает точно так же то, что *карандаши*, *ручки*, *пилочки для ногтей*, *молотки* и другие *инструменты* являются несомненными мужскими половыми символами.

Благодаря примечательному свойству члена подниматься в направлении, противоположном силе притяжения (одно из проявлений эрекции), он изображается символически в виде *воздушного шара*, *аэропланов*, а в последнее время в виде *воздушного корабля Цеппелина*. Но сновидение может символически изобразить эрекцию еще иным, гораздо более выразительным способом. Оно делает половой орган самой сутью личности и заставляет ее *летать*[2]. Не огорчайтесь, что часто такие прекрасные сны с полетами, которые мы все знаем, должны быть истолкованы как сновидения общего сексуального возбуждения, как эрекционные сновидения. Среди исследователей-психоаналитиков П. Федерн (1914 г.) доказал,

что такое толкование не подлежит никакому сомнению, но и почитаемый за свою педантичность Мори Вольд, экспериментировавший со сновидениями, придавая искусственное положение рукам и ногам, и стоявший в стороне от психоанализа, может быть даже ничего не знавший о нем, пришел в своих исследованиях к тому же выводу... Не возражайте, что женщинам тоже может присниться, что они летают. Вспомните лучше, что наши сновидения хотят исполнить наши желания и что очень часто у женщин бывает сознательное или бессознательное желание быть мужчиной. А всякому знающему анатомию понятно, что и женщина может реализовать это желание теми же ощущениями, что и мужчина. В своих гениталиях женщина тоже имеет маленький орган, аналогичный мужскому, и этот маленький орган, клитор, играет в детском возрасте и в возрасте перед началом половой жизни ту же роль, что и большой мужской половой член.

К числу менее понятных мужских сексуальных символов относятся определенные *пресмыкающиеся* и *рыбы*, прежде всего известный символ *змеи*. Почему *шляпа* и *пальто* приобрели такое же символическое значение, конечно, нелегко узнать, но оно несомненно. Наконец, возникает еще вопрос, можно ли считать символическим замещение мужского органа каким-нибудь другим, ногой или рукой? Я думаю, что общий ход сновидения и соответствующие аналогии у женщин заставляют нас это сделать.

Женские половые органы изображаются символически при помощи всех предметов, обладающих свойством ограни-

чивать полое пространство, что-то принять в себя. Т. е. при помощи *шахт*, *копей* и *пещер*, при помощи *сосудов* и *бутылок*, *коробок*, *табакерок*, *чемоданов*, *банок*, *ящиков*, *карманов* и т. д. *Судно* тоже относится к их разряду. Многие символы имеют больше отношения к матке, чем к гениталиям женщины, таковы *шкафы*, *печи* и прежде всего *комната*. Символика комнаты соприкасается здесь с символикой дома, *двери* и *ворота* становятся символами полового отверстия. Материалы тоже могут быть символами женщины, *дерево*, *бумага* и предметы, сделанные из этих материалов, например *стол* и *книга*. Из животных несомненными женскими символами являются *улитка* и *раковина*; из частей тела — *рот* как образ полового отверстия, из строений — *церковь* и *капелла*. Как видите, не все символы одинаково понятны.

К гениталиям следует отнести также и груди, которые, как и ягодицы женского тела, изображаются при помощи *яблок*, *персиков*, вообще *фруктов*. Волосы на гениталиях обоих полов сновидение описывает как *лес* и *кустарник*. Сложностью топографии женских половых органов объясняется то, что они часто изображаются *ландшафтом* со скалами, лесом и водой, между тем как внушительный механизм мужского полового аппарата приводит к тому, что его символами становятся трудно поддающиеся описанию сложные *машины*.

Как символ женских гениталий следует упомянуть еще *шкатулку для украшений*; *драгоценностью* и *сокровищем* называются любимые лица и во сне; *сладости* часто изображают половое наслаждение. Самоудовлетворение обознача-

ется часто как всякого рода *игра*, так же как *игра на фортепиано*. Типичным изображением онанизма является *скольжение* и *скатывание*, а также *срывание ветки*. Особенно примечателен символ *выпадения* или *вырывания зуба*. Прежде всего он означает кастрацию в наказание за онанизм. Особые символы для изображения в сновидении полового акта менее многочисленны, чем можно было бы ожидать на основании вышеизложенного. Здесь следует упомянуть ритмическую деятельность, например *танцы*, *верховую езду*, *подъемы*, а также переживания, связанные с насилием, как, например, *быть задавленным*. Сюда же относятся определенные *ремесленные работы* и, конечно, *угроза оружием*.

Вы не должны представлять себе употребление и перевод этих символов чем-то очень простым. При этом возможны всякие случайности, противоречащие нашим ожиданиям. Так, например, кажется маловероятным, что половые различия в этих символических изображениях проявляются не резко. Некоторые символы означают гениталии вообще, безразлично, мужские или женские, например *маленький* ребенок, *маленький* сын или *маленькая* дочь. Иной раз преимущественно мужской символ может употребляться для женских гениталий или наоборот. Это нельзя понять без более близкого знакомства с развитием сексуальных представлений человека. В некоторых случаях эта двойственность только кажущаяся; самые яркие из символов, такие, как *оружие*, *карман*, *ящик*, не могут употребляться в бисексуальном значении.

Теперь я буду исходить не из изображаемого, а из символа, рассмотрю те области, из которых по большей части бе-

рутся сексуальные символы, и прибавлю некоторые дополнения, принимая во внимание символы, в которых неясна общая основа. Таким темным символом является *шляпа*, может быть, вообще головной убор обычно с мужским значением, но иногда и с женским. Точно так же *пальто* означает мужчину, но не всегда в половом отношении. Вы можете сколько угодно спрашивать почему. Свисающий *галстук*, который женщина не носит, является явно мужским символом. *Белое белье*, вообще *полотно* символизирует женское; *платье, форменная одежда*, как мы уже знаем, является заместителями наготы, форм тела, а *башмак*, *туфля* — женских гениталий; *стол* и *дерево* как загадочные, но определенно женские символы уже упоминались. *Всякого рода лестницы*, *стремянки* и подъем по ним — несомненный символ полового акта. Вдумавшись, мы обратим внимание на ритмичность этого подъема, которая, как и, возможно, возрастание возбуждения, одышка по мере подъема, является общей основой.

Мы уже упоминали о *ландшафте* как изображении женских гениталий. *Гора* и *скала* — символы мужского члена; *сад* — часто встречающийся символ женских гениталий. *Плод* имеет значение не ребенка, а грудей. *Дикие звери* означают чувственно возбужденных людей, кроме того, другие грубые желания, страсти. Цветение и цветы обозначают гениталии женщин или, в более специальном случае,— девственность. Не забывайте, что цветы действительно являются гениталиями растений.

Комната нам уже известна как символ. Здесь можно продолжить детализацию: окна, входы и выходы комнаты полу-

чают значение отверстий тела. К этой символике относится также и то, *открыта* комната или *закрыта*, а *ключ*, который открывает, является несомненным мужским символом».

Однако Фрейд всегда оправдывается — он вынужден так поступать, чтобы быть понятым и, напротив, не быть поднятым на смех.

«Таков материал символики сновидений. Он еще не полон, и его можно было бы углубить и расширить. Но я думаю, вам и этого более чем достаточно, а может быть, уже и надоело. Вы спросите: неужели я действительно живу среди сексуальных символов? Неужели все предметы, которые меня окружают, платья, которые я надеваю, вещи, которые беру в руки, всегда сексуальные символы и ничто другое? Повод для недоуменных вопросов действительно есть, и первый из них: откуда нам, собственно, известны значения этих символов сновидения, о которых видевший сон не говорит нам ничего или сообщает очень мало?

Я отвечу: из очень различных источников, из сказок и мифов, шуток и острот, из фольклора, т. е. из сведений о нравах, обычаях, поговорках, народных песнях, из поэтического и обыденного языка. Здесь всюду встречается та же символика, и в некоторых случаях мы понимаем ее без всяких указаний. Если мы станем подробно изучать эти источники, то найдем символике сновидений так много параллелей, что уверимся в правильности наших толкований.

Человеческое тело, как мы сказали, по Шернеру часто изображается в сновидении символом дома. При детальном рассмотрении этого изображения окна, двери и ворота являются входами во внутренние полости тела, фасады бывают гладкие или имеют балконы и выступы, чтобы держаться. Но такая же символика встречается в нашей речи, когда мы фамильярно приветствуем хорошо знакомого "*altes Haus*" [старина], когда говорим, чтобы дать кому-нибудь хорошенько *aufs Dachl* [по куполу] или о другом, что у него не все в порядке *in Oberstübchen* [чердак не в порядке]. В анатомии отверстия тела прямо называются *Leibespforten* [ворота тела].

То, что родители в сновидении появляются в виде императорской или королевской четы, сначала кажется удивительным. Но это находит свою параллель в сказках. Разве не возникает у нас мысль, что в начале многих сказок вместо: "Жили-были *король* с *королевой*" должно было бы быть: "Жили-были отец с матерью"? В семье детей в шутку называют принцами, а старшего наследником (Kronprinz). Король сам называет себя *отцом страны* [Landesvater, по-русски — царь-батюшка]. Маленьких детей в шутку мы называем *червяками* [по-русски — клопами] и сострадательно говорим: *бедный червяк* [das arme Wurm; по-русски — бедный клоп].

Вернемся к символике дома. Когда мы во сне пользуемся выступами домов, чтобы ухватиться, не напоминает ли это известное народное выражение для сильно развитого бюста: у этой есть за что *подержаться*? Народ выражается в таких случаях и иначе, он говорит: Sie hat viel Holz vor dem Haus

[у этой много *дров* перед домом], как будто желая прийти нам на помощь в нашем истолковании дерева как женского, материнского символа.

И еще о дереве. Нам неясно, как этот материал стал символически представлять материнское, женское. Обратимся за помощью к сравнительной филологии. Наше немецкое слово *Holz* [дерево] одного корня с греческим *'υλη*, что означает "материал", "сырье". Тут мы имеем дело с довольно частым случаем, когда общее название материала в конце концов сохранилось за одним частным. В океане есть остров под названием Мадейра. Так как он весь был покрыт лесом, португальцы дали ему это название, когда открыли его. *Madeira* на португальском языке значит "лес". Но легко узнать, что *madeira* не что иное, как слегка измененное латинское слово *materia*, что опять-таки обозначает материю вообще. А *materia* происходит от слова *mater* — мать. Материал, из которого что-либо состоит, является как бы материнской частью. Таким образом, это древнее понимание в символическом употреблении продолжает существовать.

Рождение в сновидении постоянно выражается отношением к воде; бросаться в воду или выходить из нее означает: рождать или рождаться. Не следует забывать, что этот символ вдвойне оправдан ссылкой на историю развития. Не только тем, что все наземные млекопитающие, включая предков человека, произошли от водных животных — это весьма отдаленная аналогия,— но и тем, что каждое млекопитающее, каждый человек проходит первую фазу своего су-

ществования в воде, а именно как эмбрион в околоплодной жидкости в чреве матери, а при рождении выходит из воды. Я не хочу утверждать, что видевший сон знает это, напротив, я считаю, что ему и не нужно этого знать. Он, вероятно, знает что-нибудь другое, что ему рассказывали в детстве, но и здесь я буду утверждать, что это знание не способствовало образованию символа. В детской ему говорили, что детей приносит аист, но откуда он их берет? Из пруда, из колодца, т. е. опять-таки из воды. Один из моих пациентов, которому это сказали, когда он был маленьким, исчез после этого на все послеобеденное время. Наконец его нашли на берегу пруда у замка, он лежал, приникнув личиком к поверхности воды и усердно искал на дне маленьких детей.

В мифах о рождении героя, подвергнутых сравнительному исследованию О. Ранком (1909 г.), самый древний из которых о царе Саргоне из Агады, около 2800 лет до Р. Х., преобладающую роль играет бросание в воду и спасание из воды. Ранк открыл, что это — изображения рождения, аналогичные таким же в сновидении. Если во сне спасают из воды какое-нибудь лицо, то считают себя его матерью или просто матерью; в мифе лицо, спасающее ребенка из воды, считается его настоящей матерью. В известном анекдоте умного еврейского мальчика спрашивают, кто был матерью Моисея. Он не задумываясь отвечает: принцесса. Но как же,— возражают ему,— она ведь только вытащила его из воды. Так говорит она,— отвечает мальчик, показывая, что правильно истолковал миф.

Символика спящей души

Отъезд означает в сновидении смерть, умирание. Принято так же отвечать детям на вопрос, куда девалось умершее лицо, отсутствие которого они чувствуют, что оно *уехало*. Я опять хотел бы возразить тем, кто считает, что символ сновидения происходит от этого способа отделаться от ребенка. Поэт пользуется такой же символикой, говоря о загробной жизни как о неоткрытой стране, откуда не возвращался ни один *путник* (*no traveller*). В обыденной жизни мы тоже часто говорим о последнем пути. Всякий знаток древнего ритуала знает, как серьезно относились к представлению о путешествии в страну мертвых, например, в древнеегипетской религии. До нас дошла во многих экземплярах «Книга мертвых», которой, как бедекером[3], снабжали в это путешествие мумию. С тех пор как кладбища были отделены от жилищ, последнее путешествие умершего стало реальностью.

Символика гениталий тоже не является чем-то присущим только сновидению. Каждому из вас случается быть невежливым и назвать женщину “*alte Schachtel*” [старая колода], не зная, что вы пользуетесь при этом символом гениталий. В Новом Завете сказано: женщина — *сосуд скудельный*. Священное писание евреев, так приближающееся по стилю к поэтическому, полно сексуально-символических выражений, которые не всегда правильно понимались и толкование которых, например Песни Песней, привело к некоторым недоразумениям. В более поздней еврейской литературе очень распространено изображение женщины в виде дома, в котором дверь считается половым отверстием. Муж жалуется, на-

пример в случае отсутствия девственности, что нашел дверь открытой. Символ стола для женщины также известен в этой литературе. Женщина говорит о своем муже: я приготовила ему стол, *но он его перевернул*. Хромые дети появляются из-за того, что *муж перевернул стол*. Эти факты я беру из статьи Л. Леви из Брюнна: “Сексуальная символика Библии и Талмуда” (1914 г.).

То, что и корабли в сновидении означают женщин, поясняют нам этимологи, которые утверждают, что первоначально “кораблем” (*Schiff*) назывался глиняный сосуд и это было то же слово, что овца (*Schaff*). Греческое сказание о Периандре из Коринфа и его жене Мелиссе подтверждает, что печь означает женщину и чрево матери. Когда, по Геродоту, тиран вызвал тень своей горячо любимой, но убитой из ревности супруги, чтобы получить от нее некоторые сведения, умершая удостоверила себя напоминанием, что он, Периандр, *поставил свой хлеб в холодную печь*, намекая на событие, о котором никто другой не мог знать. В изданной Ф.С. Крауссом “*Anthropophyteia*”, незаменимом источнике всего, что касается половой жизни народов, мы читаем, что в одной немецкой местности о женщине, разрешившейся от бремени, говорят, что *у нее обвалилась печь*. Приготовление огня, все, что с ним связано, до глубины проникнуто сексуальной символикой. Пламя всегда является мужскими гениталиями, а место огня, очаг — женским лоном.

Если, быть может, вы удивлялись тому, как часто ландшафты в сновидении используются для изображения жен-

ских гениталий, то от мифологов вы можете узнать, какую роль *мать-земля* играла в представлениях и культах древности и как понимание земледелия определялось этой символикой. То, что в сновидении комната (*Zimmer*) представляет женщину (*Frauenzimmer*), вы склонны будете объяснить употреблением в нашем языке слова *Frauenzimmer* [баба] вместо *Frau*, т. е. замены человеческой личности предназначенным для нее помещением. Подобным же образом мы говорим о Высокой Порте и подразумеваем под этим султана и его правительство; название древнеегипетского властителя *фараона* также означало не что иное, как «большой двор». (На Древнем Востоке дворы между двойными воротами города являются местом сборища, как рыночные площади в классическом мире.) Я, правда, думаю, что это объяснение слишком поверхностно. Мне кажется более вероятным, что комната как пространство, включающее в себя человека, стала символом женщины. Мы уже ведь знаем, что слово "дом" употребляется в этом значении; из мифологии и поэтических выражений мы можем добавить в качестве других символов женщины еще *город*, *замок*, *дворец*, *крепость*. Вопрос было бы легче решить, используя сновидения лиц, не знающих и не понимающих немецкого языка. В последние годы я лечил преимущественно иностранцев и, насколько помню, в их языках не было аналогичного словоупотребления. Есть и другие доказательства тому, что символическое отношение может перейти языковые границы, что, впрочем, уже утверждал старый исследователь сновидений Шуберт (1814 г.). Впрочем,

ни один из моих пациентов не был абсолютно незнаком с немецким языком, так что я предоставляю решить этот вопрос тем психоаналитикам, которые могут собрать опыт в других странах, исследуя лиц, владеющих одним языком.

Среди символов, изображающих мужские гениталии, едва ли найдется хоть один, который не употреблялся бы в шуточных, простонародных или поэтических выражениях, особенно у классических поэтов древности. К ним относятся не только символы, встречающиеся в сновидениях, но и новые, например различные инструменты, в первую очередь плуг. Впрочем, касаясь символического изображения мужского, мы затрагиваем очень широкую и горячо оспариваемую область, от углубления в которую из соображений экономии мы хотим воздержаться. Лишь по поводу одного, как бы выпадающего из ряда символа “три” мне хотелось бы сделать несколько замечаний. Еще неясно, не обусловлена ли отчасти святость этого числа данным символическим отношением. Но несомненным кажется то, что вследствие такого символического отношения некоторые встречающиеся в природе трехчастные предметы, например трилистник, используются в качестве гербов и эмблем. Так называемая французская лилия тоже трехчастная, и странный герб двух так далеко расположенных друг от друга островов, как Сицилия и остров Мен, *Triskeles* (три полусогнутые ноги, исходящие из одного центра), по-видимому, только стилизация мужских гениталий. В древности подобия мужского члена считались самыми сильными защитными средствами (*Apotropaea*) против дурных влияний, и с этим

связано то, что в приносящих счастье амулетах нашего времени всегда легко узнать генитальные или сексуальные символы. Рассмотрим такой набор, который носится в виде маленьких серебряных брелоков: четырехлистный клевер, свинья, гриб, подкова, лестница и трубочист. Четырехлистный клевер, собственно говоря, заменяет трехлистный; свинья — древний символ плодородия; гриб — несомненно, символ пениса, есть грибы, которые из-за своего несомненного сходства с мужским членом получили при классификации название *Phallus impudicus*; подкова повторяет очертание женского полового отверстия; а трубочист, несущий лестницу, имеет отношение к этой компании потому, что делает такие движения, с которыми в простонародье сравнивается половой акт. С его лестницей как сексуальным символом мы познакомились в сновидении; нам на помощь приходит употребление в немецком языке слова “*steigen*” [подниматься], применяемого в специфически сексуальном смысле. Говорят: “*Den Frauen nachsteigen*” [приставать к женщинам] и “ein alter *Steiger*” [старый волокита]. По-французски ступенька называется *la marche*, мы находим совершенно аналогичное выражение для старого бонвивана “*un vieux marcheur*”. С этим, вероятно, связано то, что при половом акте многих крупных животных самец взбирается, *поднимается* (*steigen*, *besteigen*) на самку.

Срывание ветки как символическое изображение онанизма не только совпадает с простонародным изображением онанистического акта, но имеет и далеко идущие мифологические параллели. Но особенно замечательно изображение она-

низма или, лучше сказать, наказания за него, кастрации, посредством выпадения и вырывания зубов, потому что этому есть аналогия в фольклоре, которая, должно быть, известна очень немногим лицам, видящим их во сне. Мне кажется несомненным, что распространенное у столь многих народов обрезание является эквивалентом и заменой кастрации. И вот нам сообщают, что в Австралии известные примитивные племена вводят обрезание в качестве ритуала при наступлении половой зрелости (во время празднеств по случаю наступления совершеннолетия), в то время как другие, живущие совсем рядом, вместо этого акта вышибают один зуб.

Этими примерами я закончу свое изложение. Это всего лишь примеры; мы больше знаем об этом, а вы можете себе представить, насколько содержательнее и интереснее получилось бы подобное собрание примеров, если бы оно было составлено не дилетантами, как мы, а настоящими специалистами в области мифологии, антропологии, языкознания, фольклора. Напрашиваются некоторые выводы, которые не могут быть исчерпывающими, но дают нам пищу для размышлений.

Во-первых, мы поставлены перед фактом, что в распоряжении видящего сон находится символический способ выражения, которого он не знает и не узнает в состоянии бодрствования. Это настолько же поразительно, как если бы вы сделали открытие, что ваша прислуга понимает санскрит, хотя вы знаете, что она родилась в богемской деревне и никогда его не изучала. При наших психологических воззрениях

нелегко объяснить этот факт. Мы можем только сказать, что знание символики не осознается видевшим сон, оно относится к его бессознательной духовной жизни. Но и этим предположением мы ничего не достигаем. До сих пор нам необходимо было предполагать только бессознательные стремления, такие, о которых нам временно или постоянно ничего не известно. Теперь же речь идет о бессознательных знаниях, о логических отношениях, отношениях сравнения между различными объектами, вследствие которых одно постоянно может замещаться другим. Эти сравнения не возникают каждый раз заново, они уже заложены готовыми, завершены раз и навсегда; это вытекает из их сходства у различных лиц, сходства даже, по-видимому, несмотря на различие языков.

Откуда же берется знание этих символических отношений? Только небольшая их часть объясняется словоупотреблением. Разнообразные параллели из других областей по большей части неизвестны видевшему сон; да и мы лишь с трудом отыскивали их.

Во-вторых, эти символические отношения не являются чем-то таким, что было бы характерно только для видевшего сон или для работы сновидения, благодаря которой они выражаются. Ведь мы узнали, что такая же символика используется в мифах и сказках, в народных поговорках и песнях, в общепринятом словоупотреблении и поэтической фантазии. Область символики чрезвычайно обширна, символика сновидений является ее малой частью, даже нецелесообразно приступать к рассмотрению всей этой проблемы исходя из сновидения.

Многие употребительные в других областях символы в сновидениях не встречаются или встречаются лишь очень редко, некоторые из символов сновидений встречаются не во всех других областях, а только в той или иной. Возникает впечатление, что перед нами какой-то древний, но утраченный способ выражения, от которого в разных областях сохранилось разное, одно только здесь, другое только там, третье в слегка измененной форме в нескольких областях. Я хочу вспомнить здесь фантазию одного интересного душевнобольного, воображавшего себе какой-то "*основной язык*", от которого во всех этих символических отношениях будто бы имелись остатки.

В-третьих, вам должно было броситься в глаза, что символика в других указанных областях не только сексуальная, в то время как в сновидении символы используются почти исключительно для выражения сексуальных объектов и отношений. И это нелегко объяснить. Не нашли ли исходно сексуально значимые символы позднее другое применение, и не связан ли с этим известный переход от символического изображения к другому его виду? На этот вопрос, очевидно, нельзя ответить, если иметь дело только с символикой сновидений. Можно лишь предположить, что существует особенно тесное отношение между истинными символами и сексуальностью.

По этому поводу нам было дано в последние годы одно важное указание. Филолог Г. Шпербер (Упсала), работающий независимо от психоанализа, выдвинул (1912 г.) утверж-

дение, что сексуальные потребности принимали самое непосредственное участие в возникновении и дальнейшем развитии языка. Начальные звуки речи служили сообщению и подзывали сексуального партнера; дальнейшее развитие корней слов сопровождало трудовые операции первобытного человека. Эти работы были совместными и проходили в сопровождении ритмически повторяемых языковых выражений. При этом сексуальный интерес переносился на работу. Одновременно первобытный человек делал труд приятным для себя, принимая его за эквивалент и замену половой деятельности. Таким образом, произносимое при общей работе слово имело два значения, обозначая как половой акт, так и приравненную к нему трудовую деятельность. Со временем слово освободилось от сексуального значения и зафиксировалось на этой работе. Следующие поколения поступали точно так же с новым словом, которое имело сексуальное значение и применялось к новому виду труда. Таким образом возникало какое-то число корней слов, которые все были сексуального происхождения, а затем лишились своего сексуального значения. Если вышеизложенная точка зрения правильна, то перед нами, во всяком случае, открывается возможность понимания символики сновидений. Мы могли бы понять, почему в сновидении, сохраняющем кое-что из этих самых древних отношений, имеется такое огромное множество символов для сексуального, почему в общем оружие и орудия символизируют мужское, материалы и то, что обрабатывается,— женское. Символическое отношение было бы остатком древней принадлежности слова; вещи, которые когда-то назывались так же, как и генита-

лии, могли теперь в сновидении выступить для того же в качестве символов.

Но благодаря этим параллелям к символике сновидений вы можете также оценить характерную особенность психоанализа, благодаря которой он становится предметом всеобщего интереса, чего не могут добиться ни психология, ни психиатрия. При психоаналитической работе завязываются отношения с очень многими другими гуманитарными науками, с мифологией, а также с языкознанием, фольклором, психологией народов и религиоведением, изучение которых обещает ценнейшие результаты. Вам будет понятно, почему на почве психоанализа вырос журнал "*Imago*", основанный в 1912 г. под редакцией Ганса Сакса и Отто Ранка, поставивший себе исключительную задачу поддерживать эти отношения. Во всех этих отношениях психоанализ сначала больше давал, чем получал. Хотя и он извлекает выгоду из того, что его своеобразные результаты подтверждаются в других областях и тем самым становятся более достоверными, но в целом именно психоанализ предложил те технические приемы и подходы, применение которых оказалось плодотворным в этих других областях. Душевная жизнь отдельного человеческого существа дает при психоаналитическом исследовании сведения, с помощью которых мы можем разрешить или по крайней мере правильно осветить некоторые тайны из жизни человеческих масс.

Впрочем, я вам еще не сказал, при каких обстоятельствах мы можем глубже всего заглянуть в тот предполагаемый "ос-

новной язык", из какой области узнать о нем больше всего. Пока вы этого не знаете, вы не можете оценить всего значения предмета. Областью этой является невротика, материалом — симптомы и другие невротические проявления, для объяснения и лечения которых и был создан психоанализ.

Рассматривая вопрос с четвертой точки зрения, мы опять возвращаемся к началу и направляемся по намеченному пути. Мы сказали, что, даже если бы цензуры сновидения не было, нам все равно было бы нелегко понять сновидение, потому что перед нами встала бы задача перевести язык символов на язык нашего мышления в состоянии бодрствования. Таким образом, символика является вторым и независимым фактором искажения сновидения наряду с цензурой. Напрашивается предположение, что цензуре удобно пользоваться символикой, так как она тоже стремится к той же цели — сделать сновидение странным и непонятным.

Скоро станет ясно, не натолкнемся ли мы при дальнейшем изучении сновидения на новый фактор, способствующий искажению сновидения. Я не хотел бы оставлять тему символики сновидения, не коснувшись еще раз того загадочного обстоятельства, что она может встретить весьма энергичное сопротивление образованных людей, тогда как распространение символики в мифах, религии, искусстве и языке совершенно несомненно. Уж не определяется ли это вновь отношением к сексуальности?»

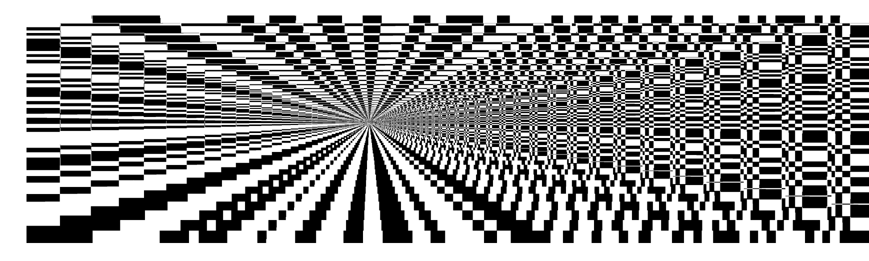
**Эти па-де-де вокруг сексуальной символики сновидения
сыграли с Фрейдом злую шутку:
он не выдумывал эти символы,
но все упрекают его в этом,
он натолкнулся на них случайно —
а все думают, что он сделал это нарочно,
не он их описал, но все строго указывают
на его сомнительное увлечение
живописанием низменных страстей;
не он даже видел все эти сладострастные сны —
но все ругают его за нескромность.
Он изобрел обычай показывать пальцем:
господин, у вас в душе нечистые вожделения,
ваши мысли непристойны,
а в ваших глазах плещется похоть.
Этим позабавились , да и подзабыли;
зато, когда речь заходит о Фрейде, все говорят —
а, это тот самый господин!**

Примечания

[1] *(Freud S.) Фрейд З.* Введение в психоанализ: (Лекции): Пер. с нем. / Авт. очерка о Фрейде Ф.В. Бассин и М.Г. Ярошевский.— 2-е изд., стереотип.— М.: Наука, 1991.— С. 92—106.

[2] Такое толкование прослеживается практически во всех позднейших психоаналитических трактовках сновидений с *полетами*.

[3] Нарицательное от имени немецкого издателя путеводителей К. Бедекера.

Типовые сновидения: тело, эротика, страх, погребение, полеты и тому подобное

Типовые сновидения — это сновидения, которые снятся каждому; если выразиться точнее — типичны их фабулы, сюжеты,— но часто это также декорации и, главное,— испытываемые при этом ощущения.

Их несколько основных линий, этих типовых сновидений: сновидения, связанные с *телом*, *эротические* сновидения, *кошмары*, сновидения, в которых фигурируют *смерть и похороны*, а также — *сновидения-полеты*. К последним примыкают сны с *падением*, а также вообще ощущением *высоты*. К типическим снам следует отнести также сновидения с *преследованием*, а еще сны, в которых предстают различные *водоемы* (другими словами — сны, связанные с *водой*).

Обратите внимание — типические сны часто сопряжены: полет или легчайший бег сопровождаются метаморфозами тела, падению сопутствует выраженное чувство страха, преследование сопровождается сексуальными сценами, угроза

смерти исходит от водоема и т. п.; список этих взаимопроникновений может быть продолжен.

* * *

Вот, например, одно реальное сюжетное сновидение с метаморфозами тела; я сразу приведу, в целях наглядности, его современное аналитическое толкование.

Снится: играю с маленькой девочкой, совсем ребенком. Она превращается в красный надувной шарик, однако мои отчаянные попытки вдохнуть в нее жизнь, воссоздать формы ее тела путем манипуляций с шариком (сжимание его конца, придание ему округлой, подобной детской головке, формы) приносят временный успех: очертания ребенка появляются, проступают, но тут же я вновь теряю ее. Очень боюсь грядущего наказания.*

Интерпретация: страх потерять жизнь ребенка означает, во-первых, наказание за мастурбацию (символика игры с ребенком, равно как и форма шарика во сне); во-вторых — недопустимость (запрет) фиксации влечения на детях; невозможность удержать исчезающую эрекцию, следовательно, наказание — невозможность осуществления полового акта (эрекция в психоаналитическом дискурсе — символ жизни).

Аналогичное сновидение:

Снится тельце ребенка, девочки, соскальзывающее в воду, в маленький округлый бассейн; она превращается в красную

рыбку. Пытаюсь извлечь ее из воды: она на мгновение приобретает привычные черты, а затем снова преображается; я вынужден опустить ее в воду.

Вот эротическое сновидение; я вновь буду вынужден снабдить его психоаналитическим комментарием.

Снится: вижу дыру между корнями — это дупло, переходящее в подрытую землю; очевидно, это очень старое дерево (мне видна только нижняя часть ствола, толстого, в бугристой серо-коричневой коре). Вокруг, кажется, нежная молодая трава, покрывающая неровную, во впадинах и холмиках, землю. В этой дыре мусор, земля, собранные в кучу. Ложусь на спину и протискиваюсь в это дупло; теперь над моим лицом свисает нечто вроде язычка. Начинаю его лизать; на вкус он соленый, слизистый.*

Интерпретация: это сновидение, согласно аналитической парадигме,— чистейшей воды инфантильная эротика, вероятнее всего с инцестуозным компонентом. Нет сомнений, что эта дыра будет понята как символ женских гениталий — грязных и притягивающих одновременно, а действия почти наверняка расценены как фиксация на *оральной стадии развития сексуальности*, когда в качестве главной эрогенной зоны якобы выступает рот ребенка.

Еще один эротический сон — и вновь с инцестуозными мотивами, на этот раз с садо-мазохистской окраской[1].

Мне снится: захожу в пустую комнату; внутри — связанная мать, вижу смутно; перед ней — три фигуры,*

сформированные по мужскому типу. От этих фигур исходит угроза насилия матери. Чувствую ужас.

Интерпретация: несомненно, что это сновидение в психоаналитической практике было бы истолковано как результат чувства вины, раскаяния — вследствие разрешения так называемого «Эдипова комплекса».

Перейдем теперь к сновидениям-кошмарам — а это классика жанра, где слово следовало бы, конечно же, предоставить Эдгару Аллану По и десяткам других, но — нам нужны сны живые, реальные, настоящие.

Начну с одного своего детского сновидения страха: оно называется «*Кот*».

Снится наша квартира; свет внезапно гаснет, и наступает плотный, ощутимый мрак. Вечернее, особенное свечение со стороны окон. Я иду в кухню, чтобы взять свечу, провожу рукой по темным полкам, не могу ее отыскать. Нахожу ее вверху. Со свечой, укрепленной на блюдце, иду в коридор. Возникает такое чувство, будто за дверью кто-то есть. Приоткрываю дверь в темно-серый провал лестничной клетки. На половике — едва различимая темная масса; это гигантский черно-серый кот. Он резко бросается в образовавшуюся щель, бьет в дверь всем телом. Я не могу удержать его. Распахивающаяся дверь выбивает из моей руки блюдце, почему-то уже с едой, которая рассыпается. Кот, кажется, проскользнул в спальню родителей.

Иду туда, испытывая страх. На составленных вместе кроватях — лежащая навзничь фигура (отец? мать?) с запрокинутой головой, безвольно раскинутыми руками. Кот где-то здесь же. Ощущение ужаса, темноты, слепоты.

Вот еще одно сновидение ужаса: я запомнил его под названием «*Красный костюмчик*».

Водянистые синие сумерки вливаются в окна, наполняют углы, смешиваются с тенями, забираются под мебель. Словно бархатистые клубки пыли, они катаются по полу, сплетаясь и распадаясь вновь в своей недолгой предвечерней жизни. Комната странным и каким-то мучительным образом меняет свой облик, теряет привычные черты и грани. Мы собираемся выходить, кажется встречать маму (возвращающуюся с работы?). В прихожей горит свет, и отец с сестрой уже собрались и теснятся, чувствую, у входной двери, мешая друг другу. Я же все еще в гостиной. Появляется предчувствие чего-то страшного. Я выхожу в прихожую, сажусь на пол у ванной, пытаясь натянуть обувь (сапоги?). В этот момент все и случается: одновременно со щелчком закрывшейся входной двери в проеме дальней комнаты, спальни родителей, просматривающейся под углом через открытую дверь гостиной, появляется плывущая ко мне фигура ребенка — это моя сестра, которая, как я знаю, только что вышла с отцом на лестницу. Мерцая, местами пропадая, ко мне плывет ее детский костюмчик, красный с зеленым кантом, на местах рук и ног

вроде бы белеет тело; самое ужасное то, что капюшон, его остроконечный капюшон опущен, скрывая лицо чудовищного ребенка. Все это длится лишь мгновение, в момент щелчка двери. Я силюсь закричать, но крик застывает у меня в горле: я чувствую, как родные уходят все дальше и дальше, оставляя меня закрытым наедине с кошмаром.

А это — детское сновидение темноты[2]: «*Вепрь и медведица в квартире*».

Снится квартира, комната; темно, задернутые шторы закрывают непрозрачные окна. Нарастающее ощущение страха. За шторой — очертания гигантской бесформенной фигуры. Знаю, что там укрывается медведица, огромная, косматая; ей тяжело стоять на задних лапах, она с трудом сдерживает свое шумное дыхание, стараясь остаться незамеченной. Стою спиной к окну; она где-то сбоку. Внезапно — в проеме двери возникает беззвучно визжащая черно-серая масса с искрящими глазами; это вепрь[3], он несется прямо на меня. Ощущение всеохватного ужаса. Пробуждение.

Вот сновидение о смерти родителей — мое сновидение о маме; я и сейчас вспоминаю его с содроганием.

Я вижу комнату — большая квадратная комната, возможно, без окон. Ощущаю гнетущее чувство страха, сложно смешанное с ощущениями тоски и брезгливости. Посре-

ди комнаты — бесформенная шевелящаяся масса, нечто вроде студня, обмотанного серыми бинтами. Знаю, что это моя мать. Пытаюсь разговаривать с ней, и она отвечает мне,— возможно что-то утешительное. Голос исходит из глубины ее тела, он невнятен и временами пропадает. Жизнь едва теплится в ней. Вокруг люди — отец, сестра. Они вроде бы как безразличны к этой страшной сцене, суетливы, озабочены похоронами, поминками. Их печаль притворна и фальшива, я же испытываю настоящее горе. Бьется мысль: я всегда знал, что один по-настоящему любил маму.

Еще один кошмарный детский сон, связанный с мертвыми, записан у меня как «*Пожелавший вернуть свою руку*».

Снится наклонный бетонный пол, ведущий в какой-то мемориальный зал (боевой славы?). На сером бетоне замечаю сверток, поднимаю его; он довольно тяжелый. Это — рука, одетая в матерчатую перчатку. Я снимаю ее. Ногтевые ложа испорчены. Я спускаюсь в традиционно оформленный зал — стенды с фотографиями замученных, мерзлых тел в грязном снегу, на пристендовых столах под стеклом разложены медали, каски, ржавые детали оружия. На одном из стеклянных столов — телефон. Он звонит. Я поднимаю трубку. Слышу далекий, тусклый, неживой голос. Понимаю — это старик из того, далекого прошлого, мертвый старик, пожелавший вернуть свою руку.

Типовые сны: тело, эротика, страх, полеты

Наконец,— сны-полеты, типичнейшие, общедоступные сны; целиком эротические сны, согласно психоаналитической доктрине. К ним примыкают сны с ощущениями падения,— и вообще страха, боязни высоты.

Сны-полеты может рассказать каждый; у любого их были десятки.

Приведу поэтому один только сон:

Снится, что нахожусь перед бетонной коробкой здания; передняя стена отсутствует, и видны перекрытия и срединная стена,— получается, что оно выглядит разделенным на четыре части, почти квадрата. Лето, очень тепло, даже жарко; буйная зелень проросла сквозь асфальтированную площадку, да и само строение почти уже утоплено в деревьях и высоких кустах.

Я ложусь на живот и приступаю к упражнениям: кладу на воздух руки и ноги, постепенно, одну за другой, пытаясь почувствовать его упругость, плотность, овладеть техникой левитации. Не сразу — иногда я проваливаюсь, срываюсь — но мне удается подняться в воздух, я улавливаю тонкости техники полета. Чуть позже я уже летаю, с пируэтами, помня о правилах полета, удерживая себя в воздухе как напряжением мышц, позой, махами, так и своей волей.

Вот несколько сновидений высоты, связанных со страхом падения.

Один из них сюжетно-бытовой:

Снится: трамвай взбирается в гору, все выше и выше; кажется, он сейчас не выдержит, упадет, сорвется[4]*; внезапно он взрывается. Я чувствую облегчение: солнце заливает разбитый на холмах парк, под огромными старыми деревьями — пронизанный солнечными столбиками сумрак, прохлада. Собираюсь подниматься по одной из аллей. Пройдя несколько десятков метров, замечаю, что асфальт начинает вздыматься, становится трудно держаться. Меня захлестывает страх падения с гигантской высоты; от него слабеют руки.*

Другой сон имеет какой-то налет сказки:

Снится таверна над лесом. Выхожу, отпускаю скрипнувшую дверь. Я стою на деревянной площадке, большую часть которой и занимает эта таверна, на головокружительной высоте. Вокруг — бескрайний океан леса. Хочу спуститься вниз: вдоль боковой стенки шаткой гигантской колонны — квадратной, деревянной,— на которой я стою, вьется узкая деревянная же лесенка без перил.

Еще один сон бесфабульный — просто картинка, просто страх падения, просто желание удержаться; их очень много, таких снов, и они очень похожи.

Я нахожусь на вершине гигантского голого дерева. Вокруг расстилаются бескрайние, нанесенные водой — так думаю я во сне — пески. Дерево начинает раскачиваться,

наклоняясь почти до земли; я судорожно пытаюсь удержаться на нем.

Собственно, к категории полетов — понимая их прежде всего в кинестетическом ключе, в плане *легкости тела*,— можно присовокупить и сновидения с легчайшим, почти до взлетания, бегом.

Вот один из таких снов.

Бегу от своего дома в сторону детского сада; внезапно я прыгаю через его решетчатый забор и мягко приземляюсь на четыре лапы. Я — большая кошка, возможно тигр. Я наслаждаюсь легкостью моих грациозных прыжков.

Вот другое сновидение — сохраняющее, если можно так сказать, пристойный антропоморфизм.

Снится: гигантский деревянный короб; подле него стоит шест. Вокруг расстилается бескрайняя степь, залитая солнцем, напоенная горячим ветром. Я спускаюсь с этих подмостков по шесту. Бегу по степи, все быстрее и быстрее. Ощущения легкости, счастья, почти невесомого тела, которому доступно все.

Вот еще одно сновидение — в нем вроде бы есть превращения тела.

Я бегу по лесной извитой дороге, в пятнах солнечного света. Слева, по склону, необозримо вверх уходят джунгли,

справа они спускаются; сквозь деревья внизу я вижу сверкающую ленту реки. Я все ускоряю свой бег, постепенно опуская руки — сначала одну, а вслед за ней и другую, что помогает бежать быстрее и свободнее. Я уже — животное. Ощущение скорости и счастья.

Сны, связанные с преследованием,— также исключительно сексуальны; в этом пункте психоанализ непреклонен. Нижеследующее сновидение в этом контексте выглядит даже несколько нарочито.

Снится: я — обнаженная, с длинными, распущенными волосами — бегу по яркому, красивому полю. Вдруг слышу страшный топот копыт: оборачиваюсь и вижу кентавра. Помню его в мельчайших подробностях — торс, ноги; чувствую исходящую от него сексуальную агрессию. Он настигает меня — разъяренный, мокрый. Забегаю в пещеру в скале, в полумрак. Бегу в глубину, упираюсь в стенку. Он догоняет меня — я вижу его искаженное возбуждением лицо, чувствую его возбужденное прерывистое дыхание. Проснулась с возбуждением и сладостным страхом.*

А вот совсем другой сон того же плана: при всей его диковинности он — типичный сон с преследованием и характерным ощущением избегнутой опасности.

Снится станция метро: над плоскими лентами эскалаторов, ползущими через некое подобие гребня вниз, к со-

ставам, протянуты железные канаты, по которым много быстрее скользят одиночные сиденья. Проношусь в одном из таких сидений над перроном, довольно низко, так, что меня можно схватить. Вокруг, задрав головы, стоят люди-медведи. Ощущение страха и, вроде бы, избегнутой опасности.

Также мне часто снились бассейны: это весьма долгий ряд снов.

Попробую просто перечислить их:

Я плыву в одежде — тяжелой, возможно, шубе — в маленьком бассейне, который, собственно, представляет собой комнату с сильно наклоненным в одну сторону полом, залитым темной, непрозрачной водой. Не могу выбраться из него: скольжу, обрываюсь на покатом выходе. Нарастает страх.

Такой же почти бассейн; во всяком случае — тот же покатый бетонный склон, та же мутная коричнево-черная вода. Я плыву баттерфляем, словно попав в мед, столь густой кажется эта вода.

Кубический бассейн, очень глубокий; он неосвещен, вода темна. Я стою на выступе стены — совершенно глухом; я не знаю, как отыскать выход; кажется, его вовсе нет.

Над бассейном, погруженным в сумрак, протянуты поблескивающие в отраженным свете тросы: по ним надо

скользить над водой, которая, кажется, таит в своей глубине что-то страшное.

Вижу бассейны, их много — они, словно соты, прилежат друг к другу. Я стою на перемычке (бортике?) между двух из них: вода переливается через край. Мне очень интересна их голубоватая, освещенная глубина; мне хочется обследовать каждый из них, поплавать, понырять в каждом.

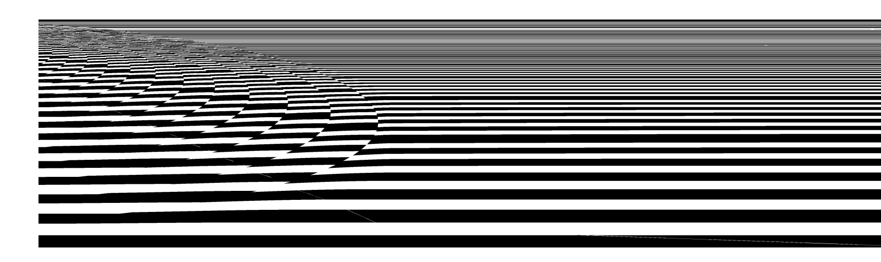
О типовых сновидениях
можно говорить бесконечно долго —
их список, на самом деле, весьма внушителен —
ведь есть еще и повторяющиеся сны, и сны серийные,
и, кстати,— сны эротические,
настоящие эротические сны,
а не виноватые половые игры,
которые видятся во снах аналитикам.

[1] Сон приснился во время болезни, сопровождавшейся значительным повышением температуры.

[2] *Сновидения темноты* — один из вариантов сновидений страха; они ужасны сами по себе.

[3] Характерно, что в этом инфантильном сне медведь и вепрь (дикий кабан) сопряжены — а это было еще у Артемидора!

[4] Такие ощущения очень часты, они бывают даже более изощренными: снится, например, подъем в открытой машине, его крутизна все нарастает, и ты уже отчаянно пытаешься прижать ее к полотну дороги (телу скалы, склону холма и пр.) и, вместе с тем, удержаться в ней, хватаясь за части салона, которые поддаются под твоими руками.

Зигмунд Фрейд: исполнение желаний

Несмотря на то что Фрейд постоянно акцентировал тот факт, что символика сновидений имеет исключительно сексуальный характер, в основу генеральной линии толкования он положил так называемый *принцип исполнения желаний*.

Посмотрим на метод, в изложении автора, и затем — на толкование: самим Фрейдом своего же сна[1].

* * *

Мой метод не так удобен, как метод популярного расшифровывания, который при помощи постоянного ключа раскрывает содержание сновидений; я, наоборот, готов к тому, что одно и то же сновидение у различных лиц и при различных обстоятельствах может открывать совершенно различные мысли. Благодаря всему этому, я стараюсь использовать мои собственные сновидения как наиболее обильный и удобный

материал, проистекающий, во-первых, от довольно нормальной личности, а во-вторых, касающийся самых различных пунктов повседневной жизни. Читатели могут усомниться в надежности такого «самоанализа». Произвол при этом, конечно, не исключен. Однако самонаблюдение, на мой взгляд, значительно удобнее и целесообразнее, чем наблюдение над другими; во всяком случае, можно попытаться установить, какую роль играет самоанализ в толковании сновидений. Другую, значительно большую трудность мне пришлось преодолеть внутри самого себя. Человек испытывает понятную боязнь раскрывать интимные подробности своей душевной жизни: он всегда рискует встретить непонимание окружающих. Но боязнь эту необходимо подавлять. «Всякий психолог,— пишет Дельбеф,— должен признаться в своей слабости, если это признание позволит ему осветить ранее закрытую проблему». И у читателя, как мне кажется, начальный интерес к интимным подробностям должен скоро уступить место исключительному углублению в освещаемую этим психологическую проблему.

Я приведу поэтому одно из моих собственных сновидений и на его примере разъясню свой метод толкования. Каждое такое сновидение нуждается в предварительном сообщении. Мне придется попросить читателя на несколько минут превратить мои интересы в его собственные и вместе со мной погрузиться в подробности моей жизни, ибо такого перенесения с необходимостью требует интерес к скрытому значению сновидения.

Предварительное сообщение: Летом 1895 г. мне пришлось подвергнуть психоанализу одну молодую даму, которая находилась в тесной дружбе со мной и моей семьей. Вполне понятно, что такое смешение отношений может стать источником всякого рода неприятных явлений для врача, особенно же для психотерапевта. Личный интерес врача значительнее, его авторитет меньше. Неудача угрожает подорвать дружбу с близкими пациентами. Мое лечение закончилось частичным успехом, пациентка избавилась от истерического страха, но не от всех своих соматических симптомов. Я был в то время не вполне еще убежден в критериях, которые определяют полное окончание истерии, и предложил пациентке «решение», которое показалось ей неприемлемым. Расходясь с нею во мнениях, мы посреди лета временно прекратили лечение. В один прекрасный день меня посетил мой молодой коллега, один из моих близких друзей, бывший недавно в гостях у моей пациентки Ирмы и у ее семьи. Я спросил его, как он ее нашел, и услышал в ответ: ей лучше, но не совсем еще хорошо. Я помню, что эти слова моего друга Отто или, вернее, тон их меня рассердил. Мне показалось, что в этих словах прозвучал упрек, нечто вроде того, будто я обещал пациентке чересчур много. Я объяснил мнимое пристрастие Отто по отношению ко мне влиянием родных пациентки, которым уже давно, как мне казалось, не нравилось мое лечение. Впрочем, неприятное чувство было у меня довольно смутно, и я ничем не проявил его. В тот же вечер я записал довольно подробно историю болезни Ирмы, чтобы вручить ее в свое

оправдание доктору М., нашему общему другу и чрезвычайно популярному врачу. В эту же ночь (вернее, к утру) я испытал нижеследующее сновидение, записанное мною тотчас же по пробуждении.

Сновидение 23/24 июля 1895 г.

Большая зала — много гостей, которых мы принимаем. Среди них *Ирма*, которую я беру под руку, точно хочу ответить на ее письмо, упрекаю ее в том, что она не приняла моего «решения». Я говорю ей: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата только ты сама». Она отвечает: «Если бы ты знал, какие у меня боли теперь в горле, желудке и животе, мне все прямо стягивает». Я пугаюсь и смотрю на нее. У нее бледное, опухшее лицо. Мне приходит в голову, что я мог не заметить какого-нибудь органического заболевания. Я подвожу ее к окну, смотрю ей в горло. Она слегка противится, как все женщины, у которых вставные зубы. Я думаю про себя, что ведь ей это не нужно. Рот открывается, я вижу справа большое белое пятно, а немного поодаль странный нарост, похожий на носовую раковину; я вижу его сероватую кору. Я подзываю тотчас же доктора М., который повторяет исследование и подтверждает его... У доктора М. совершенно другой вид, чем обыкновенно. Он очень бледен, хромает и почему-то без бороды... Мой друг *Отто* стоит теперь подле меня, а друг *Леопольд* исследует ей легкие и говорит: «У нее притупление слева внизу». Он указывает еще на инфильтрацию в левом плече (несмотря на одетое платье я тоже ощущаю ее, как и он)... М. говорит: «Несомненно, это ин-

фекция. Но ничего, у нее будет дизентерия, и яд выделится...» Мы тоже сразу понимаем, откуда эта инфекция. Друг *Отто* недавно, когда она почувствовала себя нездоровой, вспрыснул ей препарат пропила, пропилен... пропиленовую кислоту... *триметиламин* (формулу его я вижу ясно перед глазами)... Такую инъекцию нельзя делать легкомысленно... По всей вероятности, и шприц был не совсем чист.

Сновидение это имеет перед другими одно преимущество. Тотчас же ясно, с каким событием прошедшего дня оно связано и какой темы касается. Предварительное сообщение дает полное этому освещение. Сообщение Отто относительно здоровья Ирмы, историю болезни которой я писал до позднего вечера, занимало мою душевную деятельность и во время сна. Тем не менее никто, ознакомившись с предварительным сообщением и с содержанием сновидения, не может все же предполагать, что означает мое сновидение. Я и сам этого не знаю. Я удивляюсь болезненным симптомам, на которые указывает мне Ирма в сновидении, так как они совсем не похожи на те, какие я у нее лечил. Я улыбаюсь бессмысленной идее об инъекции пропиленовой кислоты и утешению доктора М. Сновидение в конце своем кажется мне более туманным и непонятным, чем вначале. Чтобы истолковать все это, я произвожу подробный анализ.

Анализ:

Большая зала — много гостей, которых мы принимаем. Мы жили в то лето на улице Бельвю в особняке на небольшом возвышении. Особняк этот был когда-то предназначен

для ресторана и имеет поэтому очень высокие комнаты, похожие на залы. Все это мне снилось именно в этом особняке за несколько дней до дня рождения моей жены. Днем жена говорила мне, что в день рождения ждет много гостей, среди них и Ирму. Мое сновидение пользуется этими словами: день рождения жены, много народу, среди них Ирма, мы принимаем гостей в большом зале особняка на Бельвю.

Я упрекаю Ирму в том, что она не приняла моего «решения»; я говорю ей: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата только ты сама». Я мог бы сказать ей это и наяву, может быть, и говорил даже. Тогда я придерживался того взгляда (впоследствии я в нем разуверился), что моя задача ограничивается сообщением больному скрытого смысла его симптомов: принимают ли они такое «решение» или нет, от которого затем зависит весь успех лечения, за это я уже не ответственен. Я благодарен этому теперь устраненному заблуждению за то, что оно в течение некоторого времени облегчило мое существование, так как я при всем своем неизбежном невежестве должен был производить терапевтический успех. По фразе, которую я сказал Ирме, я замечаю, что прежде всего не хочу быть виноватым в тех болях, которые она еще чувствует. Если в них виновата сама Ирма, то не могу быть виноватым я. Не следует ли в этом направлении искать смысла сновидения?

Жалобы Ирмы: боль в горле, желудке, животе; ее всю стягивает. Боли в желудке относятся к обычным болезненным симптомам моей пациентки, но прежде они не так ее беспо-

коили, она жаловалась только на тошноту и рвоту. Боли же в горле и животе почти не играли в ее болезни никакой роли. Я удивляюсь, почему сновидение остановилось именно на этих симптомах, но пока это остается для меня непонятным.

У нее бледное и опухшее лицо.

У моей пациентки был всегда розовый цвет лица. Я предполагаю, что она в сновидении заменена другим лицом.

Я пугаюсь при мысли, что мог не заметить у нее органического заболевания.

Это вполне естественный, постоянный страх специалиста, который повсюду видит почти исключительно невротиков и привыкает относить на счет истерии почти все явления, которые кажутся другим врачам органическими. С другой стороны, мною овладевает — я и сам не знаю откуда — легкое сомнение в том, что мой испуг не совсем добросовестен. Если боли у Ирмы имеют органическую подкладку, то, опять-таки, я не обязан лечить их. Мое лечение устраняет только истерические боли. Мне чуть ли не кажется, будто я хочу такой ошибки в диагнозе; тем самым был бы устранен упрек в неудачном лечении.

Я подвожу ее к окну и хочу посмотреть ей горло. Она сопротивляется немного, как женщины, у которых фальшивые зубы. Я думаю, что ведь ей это вовсе не нужно. Мне никогда не приходилось осматривать у Ирмы горло. Сновидение напоминает мне о произведенном мною недавно исследовании одной гувернантки, производившей впечатление молодой красивой женщины; перед тем, как открыть рот, она

старалась скрыть свою фальшивую челюсть. С этим связываются другие воспоминания о врачебных исследованиях и маленьких тайнах, которые раскрываются при этом.— «Это ведь ей не нужно»,— это для Ирмы комплимент. Я подозреваю, однако, еще и другое значение. При внимательном анализе всегда чувствуешь, исчерпаны ли все задние мысли или нет. Поза, в которой Ирма стоит у окна, вызывает во мне неожиданно другое воспоминание. У Ирмы есть близкая подруга, к которой я отношусь с большим уважением. Когда я однажды вечером пришел к ней, я застал ее в таком же положении у окна, и ее врач, все тот же доктор М., заявил мне, что у нее в горле дифтеритные налеты. Личность доктора М. и налеты воспроизводятся в дальнейшем ходе сновидения. Я вспоминаю, что в последние месяцы часто думал о том, что эта подруга Ирмы тоже истеричка. Даже больше: Ирма сама мне говорила об этом. Что известно мне, однако, о ее состоянии? Только одно то, что она также страдает истерическим сжиманием горла, как и Ирма в моем сновидении. Таким образом, сновидение заменило мою пациентку ее подругой, далее я вспоминаю, что у меня часто появлялась мысль, что эта подруга может также обратиться ко мне с просьбой избавить ее от болезненных симптомов. Я считал, однако, это невероятным, так как у нее чрезвычайно сдержанная, скрытная натура. Она сопротивляется, это мы видим и в сновидении. Другое объяснение гласило бы, что ей это не нужно; она действительно до сих пор превосходно владела собою без всякой посторонней помощи. Остается, однако, еще несколько де-

талей, которые не подходят ни к Ирме, ни к ее подруге: бледность, опухший вид, фальшивые зубы. Фальшивые зубы приводят меня к вышеупомянутой гувернантке; я склонен удовлетвориться объяснением плохих зубов. Но вдруг вспоминается еще другая особа, к которой могут относиться эти детали. Она тоже не лечится у меня, и мне бы не хотелось иметь ее своей пациенткой, так как я заметил, что она стесняется меня и поэтому лечить ее будет трудно. Она обычно очень бледна, и иногда лицо у нее бывает опухшим[2]. Я сравнивал таким образом мою пациентку Ирму с двумя другими особами, которые в равной мере воспротивились бы лечению. Почему же, спрашивается, я смешал ее во сне с подругой? Быть может, я умышленно совершил подмену. Подруга Ирмы вызывает во мне, быть может, более сильную симпатию, или же я более высокого мнения о ее интеллектуальности. Дело в том, что я считаю Ирму неумной потому, что она осталась недовольной моим лечением. Другая была бы умнее и, наверно, согласилась бы со мною. *Рот все-таки открывается*; она рассказала бы мне больше, чем Ирма[3].

Что я вижу в горле: белый налет и покрытые серою корою носовые раковины.

Белый налет напоминает мне о дифтерите, а тем самым о подруге Ирмы, кроме того, однако, и о тяжелом заболевании моей старшей двухлетней дочери и обо всем ужасе того времени. Кора на носовой раковине напоминает мне заботы о моем собственном здоровье. Я прибегал тогда часто к кокаину во время неприятного опухания носовой раковины и несколько

дней назад слышал, что у одного моего пациента от кокаина сделался некроз слизистой оболочки носа. Исследование о кокаине, произведенное мною в 1885 году, навлекло на меня тяжелые упреки. Близкий друг, умерший в 1895 году, благодаря злоупотреблению этим средством ускорил свою смерть.

Я подзываю поспешно доктора М., который повторяет мое исследование.

Это вполне естественно при той репутации, которой пользовался в нашем кругу доктор М. Но то, что я делаю это поспешно, требует особого объяснения. Это напоминает мне об одном печальном событии. Однажды, благодаря продолжительному прописыванию средства, считавшегося в то время вполне невинным (сульфонала), я вызвал у одной пациентки тяжелую интоксикацию и поспешно обратился по этому поводу за помощью к более опытному пожилому коллеге. То, что мне припомнился этот случай, подтверждается еще и другим обстоятельством. Пациентка, заболевшая от интоксикации, носила то же имя, что и моя старшая дочь. До сих пор мне никогда это не приходило в голову. Теперь же мне это кажется своего рода роковым совпадением, как будто здесь продолжается замещение лиц. Эта Матильда вместо той Матильды. Мне представляется, будто я выискиваю возможные случаи, которые могли бы сделать мне упрек в моей недостаточной врачебной добросовестности.

Доктор М. бледен, без бороды, он хромает.

Действительно, вид доктора М. в последнее время беспокоил его друзей. Две другие черты следует отнести к друго-

му лицу. Мне вспоминается мой старший брат, живущий за границей: он тоже не носит бороды и очень напоминает доктора М. в том виде, в каком я его видел во сне. От него несколько дней тому назад пришло письмо, в котором он сообщал, что у него заболела нога, он хромает. Смешение обоих лиц в сновидении, должно, однако, иметь особую причину. Я вспоминаю действительно, что сердит на обоих по одному и тому же поводу. Оба недавно отклонили предложение, с которым я к ним обратился.

Коллега Отто стоит у больной, а коллега Леопольд исследует ее и указывает на притупление в левом легком.

Коллега Леопольд, тоже врач, родственник Отто. Судьбе было угодно, что оба избрали себе одинаковую специальность и стали конкурентами. Их постоянно сравнивают друг с другом. В течение нескольких лет они состояли при мне ассистентами, когда я ведал еще делом помощи нервнобольным детям. Такие сцены, как та, которую я видел во сне, бывали очень часты. В то время как я спорил с Отто относительно диагноза одного случая, Леопольд подверг пациента новому исследованию и привел неожиданное доказательство в пользу моего мнения. Между ними существовала такая же разница в характерах, как между инспектором *Брезигом* и его другом Карлом. Один из них отличался «находчивостью», другой был медлителен, благоразумен, но зато основателен. Сравнивая в сновидении Отто с осторожным Леопольдом, я имел, очевидно, в виду отдать преимущество второму. Это то же самое сравнение, как и вышеупомянутое: непослушная

пациентка Ирма и ее более благоразумная подруга. Теперь я замечаю также один из тех путей, на который передвигается связь мыслей в сновидении: от больного ребенка к институту детских болезней. Притупление в левом легком производит на меня впечатление, точно оно во всех подробностях соответствует тому случаю, когда Леопольд поразил меня своей осторожностью. Мне приходит, кроме того, в голову нечто вроде метастаза, но он относится скорее к пациентке, которую мне бы хотелось иметь вместо Ирмы. Пациентка эта имитирует, насколько я мог заметить, туберкулез.

Инфильтрация на левом плече.

Я убежден, что это мой собственный ревматизм плеча, который я ощущаю каждый раз, когда ночью не могу долго уснуть. В этом отношении меня укрепляют слова сновидения: что я... ощущаю так же, как и он. Я хочу этим сказать, что чувствую это в своем собственном теле. Впрочем, мне приходит в голову, как необычно обозначение «инфильтрированный участок». Мы привыкли говорить «инфильтрация слева сзади и сверху»; это обозначение относится к легкому и этим самым опять-таки указывает на туберкулез.

Несмотря на одетое платье.

Разумеется, это только вставка. В институте детских болезней мы исследуем детей, конечно, раздетыми; это какое-то противоположение тому, как следует исследовать взрослых пациенток. Об одном выдающемся клиницисте рассказывали, что он производил физикальное исследование своих пациентов только через одежду. Дальнейшее для меня неясно;

я откровенно сказал, что я не склонен вдаваться здесь в слишком большие подробности.

Доктор М. говорит: «Это инфекция, но ничего. Будет дизентерия, и яд выделится».

Это кажется мне сперва смешным, но, как и все остальное, я подвергаю и это анализу. При ближайшем рассмотрении и это имеет свой смысл. Исследуя пациентку, я нашел у нее локальный дифтерит. Во время болезни моей дочери я вел, помнится, спор относительно дифтерита и дифтерии. Последняя представляет собою общую инфекцию, проистекающую от локального дифтерита. О такой инфекции говорит Леопольд, указывая на притупление, заставляющее предполагать наличность метастаза. Мне кажется, однако, что при дифтерии такие метастазы не имеют места. Они напоминают мне скорее пиемию.

Но ничего. Это утешение. По моему мнению, оно имеет следующий смысл: конец сновидения показывает, что боли пациентки проистекают от тяжелого органического заболевания. Мне представляется, что и этим я хочу свалить с себя всякую ответственность. Психический метод лечения неповинен в наличности дифтерита. Мне все же неловко, что я приписываю Ирме такое тяжелое заболевание исключительно с той целью, чтобы себя выгородить. Это слишком жестоко. Мне необходимо, таким образом, высказать убеждение в благоприятном исходе, и я довольно удачно вкладываю это утешение в уста доктора М. Я поднимаюсь здесь, так сказать, над сновидением, но это требует особого объяснения.

Зигмунд Фрейд: исполнение желаний

Почему же, однако, это утешение настолько абсурдно?

Дизентерия. Я встречал как-то теоретическое утверждение, будто болезненные вещества могут быть выделены через кишечник. Быть может, я хочу посмеяться здесь над слишком натянутыми объяснениями, над странными патологическими соединениями доктора М. Но по поводу дизентерии я вспоминаю еще и другое. Несколько месяцев тому назад я лечил одного молодого человека, страдавшего довольно своеобразным заболеванием желудка. Другие коллеги трактовали этот случай как «анемию с ослабленным питанием». Я определил, что заболевание это — истерического происхождения, но не хотел подвергнуть его психотерапии и послал его в морское путешествие. Несколько дней тому назад я получил от него отчаянное письмо из Египта; он испытал там тяжелый припадок, и врач нашел у него дизентерию. Я хотя и был убежден, что диагноз этот является лишь ошибкой малоопытного коллеги, принимающего истерию за серьезное органическое заболевание, но я не мог, однако, не сделать себе упрека в том, что дал возможность пациенту помимо истерии получить еще и органическое заболевание. Дизентерия звучит, кроме того, аналогично дифтерии; последняя, однако, не упоминается в сновидении.

Да, наверное, я хочу посмеяться над доктором М., ставя утешительный прогноз: будет дизентерия и т. д. Я вспоминаю, что несколько лет назад он рассказывал мне аналогичный случай об одном коллеге. Последний пригласил его на консультацию к одной тяжелобольной. Он счел своим дол-

гом сказать ему, что нашел у пациентки белок в моче. Коллега не смутился и ответил спокойно: «*Ничего не значит*, коллега, белок выделится». Не подлежит, таким образом, сомнению, что в этой части сновидения содержится насмешка над коллегой, не знающим толку в истерии. Словно в подтверждение этого возникает мысль: а знает ли доктор М., что явления, наблюдающиеся у его пациентки, подруги Ирмы, заставляющие опасаться наличности туберкулеза, следует отнести также на счет истерии? Распознал ли он эту истерию или проглядел ее?

Какие же мотивы могут быть у меня для такого дурного отношения к коллеге? Это очень просто: доктор М. столь же мало согласен с моим «решением» в психоанализе Ирмы, как и сама Ирма. Я таким образом отомстил в этом сновидении уже двум лицам: Ирме словами: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата ты сама» — и доктору М., вложив ему в уста столь абсурдное утешение.

Мы понимаем тотчас же, откуда инфекция.

Это непосредственное знание в сновидении весьма странно. Ведь мы только что этого не знали, и на инфекцию первый раз указал Леопольд.

Коллега Отто сделал ей инъекцию, когда она чувствовала себя плохо. Отто действительно рассказывал, что во время пребывания в семье Ирмы его неожиданно позвали к соседям, и он сделал там инъекцию одной даме, почувствовавшей себя внезапно дурно. Инъекция напоминает мне моего злосчастного друга, отравившегося кокаином. Я пропи-

сал ему это средство лишь для внутреннего употребления; он же сделал себе впрыскивание.

Препарат пропила... пропилен... пропиленовая кислота.

Почему пришло мне это в голову? В тот вечер, когда я писал историю болезни, моя жена раскрыла бутылку ликера, на этикетке которой стояло название «Ананас»[4]. Ликер этот подарил нам коллега Отто; у него была привычка делать подарки по всякому поводу. Вероятно, он будет от этого отучен когда-нибудь женой[5]. У этого ликера был такой запах сивушного масла, что я отказался даже его попробовать. Моя жена хотела отдать бутылку слугам, но я не позволил этого, сказав, что они могут еще отравиться. Запах сивухи (амил...) пробудил во мне, очевидно, воспоминание о целом ряде: пропил, метил и т. д. Сновидение произвело, однако, перемену: мне снился пропил после того, как я слышал запах амила, но такие замены позволительны даже в органической химии.

Триметиламин. Я видел ясно перед собою химическую формулу этого вещества, что доказывает, во всяком случае, чрезвычайное напряжение памяти, и формула эта была напечатана жирным шрифтом, как будто из контекста хотели выделить нечто особенно важное. К чему же такому, на что я должен обратить особое внимание, приводит меня триметиламин? Мне вспоминается разговор с одним из моих друзей, который в течение многих лет постоянно был осведомлен о моих работах. Он сообщил мне тогда о своем исследовании в области сексуальной химии и между прочим сказал, что находит в триметиламине один из продуктов сексуального обмена

веществ. Это вещество приводит меня, таким образом, к сексуальности, к тому моменту, которому я придаю наибольшее значение в возникновении нервных болезней. Моя пациентка Ирма — молодая вдова; если я постараюсь оправдать неуспех моего лечения, то мне целесообразнее всего сослаться на то обстоятельство, которое так бы хотели изменить ее ближайшие друзья. Какое странное сплетение представляет все же собою сновидение? Другая пациентка, которую мне бы хотелось в сновидении иметь вместо Ирмы, тоже молодая вдова.

Я начинаю понимать, почему я так ясно видел в сновидении формулу триметиламина. Этот химический термин имеет чрезвычайно важное значение: триметиламин не только свидетельствует о весьма существенном значении сексуальности, но напоминает мне об одном человеке, об одобрении которого я думаю с удовлетворением, когда чувствую себя одиноким в своих воззрениях. Неужели же этот коллега, игравший в моей жизни столь видную роль, не окажет известного влияния на дальнейший ход в сновидении? Я не ошибаюсь: он специалист в ринологии. Он интересовался чрезвычайно интересным взаимоотношением носовой раковины и женских половых органов (три странных нароста в горле Ирмы). Я дал ему исследовать Ирму, предполагая, что ее боли в желудке следует отнести на счет носового заболевания. Сам он, однако, страдает гноетечением из носа; последнее меня озадачивает, и, по всей вероятности, сюда относится пиемия, о которой я думаю, принимая во внимание метастаз в сновидении.

Такую инъекцию нельзя производить легкомысленно. Упрек в легкомыслии я делаю непосредственно коллеге Отто.

Мне представляется, что нечто подобное я подумал в тот день, когда Отто словами и взглядом выразил свое несогласие со мною. Мысль была, по всей вероятности, такова: как легко он поддается влиянию, как он скороспел в своих суждениях. Кроме того, упрек в легкомыслии вызывает во мне снова воспоминание о покойном друге, сделавшем себе кокаиновую инъекцию. Давая ему это средство, я, как уже упоминал выше, не имел в виду инъекции. Упрек, делаемый мною коллеге Отто в легкомысленном обращении с опасным химическим веществом, свидетельствует о том, что я снова вспомнил историю той несчастной Матильды, которая могла бы мне сделать аналогичный упрек. Я собираюсь здесь, по-видимому, доказать свою добросовестность, но вместе с тем доказываю обратное.

По всей вероятности, шприц не был чистым. Новый упрек коллеге Отто, имевший, однако, другие основания. Вчера я случайно встретил сына одной 82-летней дамы, которой я ежедневно делаю два впрыскивания морфия. Она живет на даче, и я слышал, что она заболела воспалением вен. Я тотчас же подумал, что, может быть, в этом повинно загрязнение шприца. Я горжусь тем, что в течение двух лет мои впрыскивания приносили только пользу; я постоянно забочусь о чистоте шприца. От воспаления вен я перехожу мысленно к моей жене, которая во время беременности страдала венозным тромбозом. В моей памяти всплывают три аналогичных ситуации: моя жена, Ирма и покойная Матильда, тождество которых мне, очевидно, дало право смешать в сновидении эти три лица.

Я закончил толкование сновидения[6]. Во время анализа я старался сообщать все те мысли, к которым меня приводило

сравнение содержания сновидения со скрытым позади него смыслом. Я подметил свои желания и намерения, осуществившиеся в сновидении и бывшие, очевидно, мотивами последнего. Сновидение осуществляет несколько желаний, проявившихся во мне благодаря событиям последнего вечера (сообщение Отто и составление истории болезни). Результат сновидения: я неповинен в продолжающейся болезни Ирмы, виноват в этом Отто. Отто рассердил меня своим замечанием относительно недостаточного лечения Ирмы. Сновидение отомстило ему за меня, обратив на него тот же упрек. Сновидение освободило меня от ответственности за самочувствие Ирмы, сведя последнее к другим моментам (сразу целый ряд обоснований). Оно создало именно ту ситуацию, какую мне хотелось; *его содержание является, таким образом, осуществлением желания, его мотив — желание.*

Это несомненно. Но с точки зрения осуществления желания становятся мне неясными некоторые детали сновидения. Я мщу не только Отто за его скороспелое суждение о моем лечении, приписывая ему неосторожность (инъекцию), но мщу ему также и за скверный ликер с сивушным запахом. В сновидении оба упрека соединяются в один: в инъекцию препаратом пропила, пропиленом. Я, однако, еще не вполне удовлетворен и продолжаю свою месть, противопоставляя ему более способного конкурента. Этим я хочу, повидимому, сказать: он мне симпатичнее, чем ты. Однако не один только Отто испытывает тяжесть моей досады и мести. Я мщу и своей непослушной пациентке, заменяя ее более благо-

разумной и послушной. Я не прощаю упрека и доктору М., а в довольно прозрачной форме высказываю ему свое мнение, что он в этих делах довольно невежественен («будет дизентерия» и т. д.). Мне кажется даже, что я апеллирую к более знающему (моему другу, сообщившему мне о триметиламине), все равно, как от Ирмы обращаюсь к ее подруге и от Отто к Леопольду. Уберите от меня этих лиц, замените их тремя другими по моему выбору, тогда я отделаюсь от упреков, совершенно мною не заслуженных. Неосновательность этих упреков обнаруживается очень ярко в сновидении. В болезни Ирмы я не повинен: она сама виновата в ней, не приняв моего «решения». Ее болезнь меня не касается, она органического происхождения и не поддается излечению психотерапией. Страдания ее вполне объясняются ее вдовством (триметиламин), которого я, понятно, изменить не могу. Они вызваны неосторожной инъекцией; Отто вспрыснул вещество, которым я никогда не пользовался. В болезни Ирмы виновата инъекция грязным шприцем все равно, как в воспалении вен у моей пожилой пациентки. Я замечаю, однако, что эти объяснения болезни Ирмы, оправдывающие меня, не совпадают между собою, а скорее исключают друг друга. Вся эта путаница — а ничем иным не является это сновидение — живо напоминает мне оправдание одного человека, которого сосед обвинил в том, что он вернул ему взятую у него кастрюлю в негодном виде. Во-первых, он вернул ее в неприкосновенности; во-вторых, кастрюля была уже дырявой, когда он ее взял, а, в-третьих, он вообще не брал у него кастрюли.

Но тем лучше: если хоть один из этих доводов окажется справедливым, человек этот должен быть оправдан.

В сновидении имеются еще и другие элементы, отношение которых к моему оправданию не столь очевидно: болезнь моей дочери и пациентки, ее тезки, вред кокаина, болезнь моего пациента, путешествующего по Египту, заботы о здоровье жены, брат, доктор М., мой собственный недуг, заботы об отсутствующем друге, страдавшем гноетечением из носа. Если, однако, я соберу все это в одно целое, то увижу, что за всем этим скрывается лишь забота о здоровье, о своем собственном и о чужом, врачебная добросовестность. Мне припоминается смутно неприятное ощущение, испытанное мною при сообщении Отто о состоянии здоровья Ирмы. Из круга мыслей, принимающих участие в сновидении, я мог бы дополнительно дать следующее выражение этому мимолетному ощущению. Мне кажется, будто он мне сказал: «Ты недостаточно серьезно относишься к своим врачебным обязанностям, ты недостаточно добросовестен, ты не исполняешь своих обещаний». Вслед за этим я воспользовался всеми этими мыслями, чтобы доказать, насколько я добросовестен и насколько я забочусь о здоровье своих близких, друзей и пациентов. Странным образом среди этих мыслей оказались и неприятные воспоминания, говорящие скорее за справедливость упрека, сделанного мною коллеге Отто, чем в пользу моих извинений. Весь материал, по-видимому, беспристрастен, но связь этого базиса, на котором покоится сновидение, с более узкой

темой последнего, из которого проистекает желание оправдаться в болезни Ирмы, все же очевидна.

Я отнюдь не утверждаю, что вполне раскрыл смысл этого сновидения и толкование его лишено каких бы то ни было пробелов.

Я мог бы продолжать этот анализ и разъяснять еще много различных деталей. Мне известны даже те пункты, из которых можно проследить различные ассоциации; многие соображения, неизбежные при всяком анализе своего собственного сновидения, мешают, однако, мне это сделать. Кто хотел бы упрекнуть меня в скрытности, тому я рекомендую самому попробовать быть откровенным до конца. Я удовольствуюсь поэтому установлением делаемого мною отсюда вывода: если проследить указанный здесь метод толкования сновидений, то оказывается, что сновидение действительно имеет смысл и ни в коем случае не является выражением ослабленной мозговой деятельности, как говорят различные авторы. *Согласно произведенному нами толкованию, сновидение является осуществлением желания*[7].

* * *

«Толкование сновидений» Фрейда — вообще довольно увлекательное чтение; мы же ограничимся предложенным им самим примером.

Скажем только несколько подытоживающих слов о позициях психоанализа в отношении сновидений.

Итак, основные положения аналитики сновидений таковы:

— сновидения *символичны*, причем эта символика, как мы видели выше, носит преимущественно сексуальный характер;

— основная процедура толкования сновидений — *интерпретация* путем *свободных ассоциаций*;

— основной принцип самого сновидения — принцип *осуществления желаний*;

— сновидение выполняет определенную *работу* — сгущения, смещения, вторичной обработки и пр.;

— имеется *цензура* сновидения — и она служит основной причиной искажений, придающих сновидениям этически приемлемую форму;

— наконец, сновидение *абсолютно эгоистично*.

Да, это так, сновидение — это только твой мир,
и каждый в нем — ты: твоя страсть, твоя боль, твой страх.
И никто не осудит тебя —
ведь нет никого и ничего кроме тебя.

Примечания

[1] Здесь я сохраню оформление текста сна в том виде, в каком оно подано в источнике, поскольку психоаналитическое изложение подразумевает множественные оговорки, возвраты, разъяснения тончайших нюансов, отдельных предложений и даже слов.

[2] «На это третье лицо,— замечает Фрейд,— можно отнести и не разъясненную до сих пор жалобу на боли в животе. Речь идет, разумеется, о моей жене: боли в животе напоминают мне об одном случае, когда я стал свидетелем ее страха. Я должен признаться себе, что я в этом сновидении отношусь к жене и к Ирме не особенно любезно, но извинением мне может служить тот факт, что я сравниваю обеих с идеалом хорошей послушной пациентки».

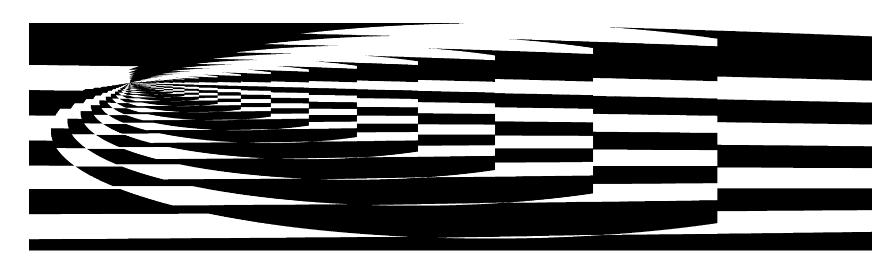
[3] «Я чувствую,— добавляет Фрейд,— что толкование этой части сновидения недостаточно для полного обнаружения скрытого смысла. Если бы я стал производить сравнение трех женщин, я бы далеко уклонился в сторону. В каждом сновидении есть по крайней мере одно место, в котором оно действительно, непонятно; это служит пуповиной, соединяющей сновидение с неизвестностью».

[4] «Слово "ананас",— говорит Фрейд,— очень странным образом напоминает фамилию моей пациентки Ирмы».

[5] «В этом отношении,— пишет Фрейд,— сновидение не оказалось пророческим. В другом смысле оно было право, так как "неразрешенные" желудочные боли моей пациентки, в которых я не хотел быть виноватым, были предвестниками серьезного страдания от желчных камней».

[6] «Само собой понятно,— подчеркивает Фрейд,— что я сообщил не все то, что мне пришло в голову при работе толкования».

[7] Цит по: *(Freud S.) Фрейд З.* Толкование сновидений: Пер. с 3-го нем. изд. М. К.; испр. и доп. по 7-му нем. изд. Я.М. Когана (с. 1—176).— К.: Здоровье, 1991.— С. 85—94.

Психоанализ Ваших снов

Действительно, существуют сны, которые словно созданы для психоаналитического истолкования: сумбурные сцены, нагромождения образов, обрывки фраз; над всей этой ночной суматохой царит удивление, порой даже крайнее изумление, видевшего сон. Что все это значит? И еще: для этих снов исключительна важна предыстория; каждый из них глубоко индивидуален, все они предельно персонифицированы.

* * *

Этот простой, на первый взгляд обыкновенный сон имеет вполне конгруэнтную психоаналитическому методу подоплеку.

Предыстория. Это сон периода рождения дочери. В то время я был студентом высшей медицинской школы.

Снится: я захожу в книжный магазин и вижу, что часть его отделов преобразовываются в аптечные, выставляются витрины, на них — лекарства. Оставшиеся отделы превращаются в молочные, причем, кажется, наблюдаются места оживления в магазине. Появляется мысль: где же я теперь буду покупать книги?*

Интерпретация:

книжный магазин — накануне сестра купила мне в этом магазине книгу, хотя вообще это не медицинский магазин;

аптечный отдел — так называлась глава реферата по организации и экономике фармации, которым я занимался накануне;

оставшиеся отделы превращаются в молочные, причем, кажется, наблюдаются места оживления в магазине — третьего дня советовал жене диету для усиления лактации, а также некоторые фармакологические препараты, стимулирующие этот процесс; мои советы были проигнорированы;

где же я теперь буду покупать книги — намедни я сказал жене: я так вожусь с книгами, потому что это единственный источник профессиональных знаний; в тот же день посещал специализированный магазин медицинской литературы, покупал профессиональную литературу.

Итак, смысл таков: аптека — медикаменты — стимулирование лактации; молочные отделы — это результат: «оживление» лактации; подспудная мысль: «я же врач, почему меня не слушают в собственной семье?»[1] — и еще: «как теперь помочь лактации?» (где же я буду доставать книги?).

Продолжение этого же сна.

Я выхожу из книжного магазина, иду вдоль каких-то подвальчиков; вижу химчистку. Думаю: здесь более аккуратно чистят.

Интерпретация:

вижу химчистку; думаю: здесь более аккуратно чистят — накануне запачканный в краску плащ жена посоветовала почистить каким-то химическим средством (предназначенным для снятия краски, но не для чистки одежды), в результате чего появились пятна на подкладке, и пришлось нести его в химчистку знакомой; вечером читал — в одной из тех купленных книг — описание истерической беременности, при которой возможно даже появление striae gravidarum (подлежащая мысль — когда же у жены исчезнут признаки бывшей беременности?[2]).

Смысл таков: я не посоветую что попало (по поводу усиления лактации); скрытое продолжение фразы — как с плащом не получится (подоплека: знакомые — относительно лактации — советуют чепуху!).

Еще один сон, принадлежащий тому же человеку, но относящийся к несколько более позднему периоду.

Снится: я захожу домой, комната огромна, ее стены представляют собой фасады каких-то домов (мансарды, косые крыши). Слышна громкая фортепианная музыка (пытаюсь уловить звуки скрипки). Я думаю, что это играет сосед. Я говорю жене: как же можно угощать его сигаретами, если он будет мешать дочери спать, когда она будет здесь.*

Интерпретация:

захожу домой, комната огромна, ее стены представляют собой фасады каких-то домов (мансарды, косые крыши) — сновидение выполнило, по Фрейду, работу смешения (синтеза):

во-первых, накануне я писал своему другу-американцу письмо, в ответ на его вопрос: «Стоит ли приезжать в твой город?»: «Это большой современный город, но здесь много старых красивых домов, есть что посмотреть», и сновидение подтвердило, что «старый город» довольно красив;

во-вторых, непосредственно перед сном я гулял с дочерью по тем улицам, которые имелись в виду в сновидении и фигурировали в письме;

в-третьих, несколько дней назад мы с приятелем были на этих улицах, и он обратил мое внимание на старые дома, особенно мансарды;

в-четвертых, комната в моем сне столь велика потому, что мы с женой обсуждали, удовлетворят ли американца условия проживания, которые мы можем ему предоставить;

слышна громкая фортепианная музыка — громкая фортепианная музыка доносилась, как я узнал по пробуждении, из включенного телевизора, где демонстрировались мультфильмы Уолта Диснея; Тимоти, этот мой друг, работает именно на студии Диснея в Лос-Анджелесе;

пытаюсь уловить звуки скрипки — несколько дней назад по TV я слышал какого-то певца со скрипкой и отметил, что в данном случае скрипка была вполне уместна; кстати, скрипичная партия присутствовала и в музыке мультфильма;

думаю, что это играет сосед; говорю жене: как же можно угощать его сигаретами, когда он будет мешать дочери спать — в незначительном эпизоде предшествующего сновидения (оно не сохранилось в памяти) присутствовал сосед, просивший сигареты; у него были длинные волосы, он был несколько неопрятен[3]; его по-

явление определили сразу несколько причин: во-первых, накануне я просмотрел два триллера, в которых фигурировали негативные персонажи: в одном — сосед, а в другом — рожденный ребенок[4]; во-вторых, это встреча с соседом из квартиры этажом ниже (с которым возникали периоды напряженных отношений): он поздравил меня с рождением дочери[5];

когда она будет здесь — это ключевая фраза: дочка, конечно же, здесь, для нее-то и поставили этот самый мультфильм; налицо исполнение желания: она молчит, не мешает мне спать (сновидение очень деликатно удаляет ее (цензура!): «когда она будет здесь»; не то, чтобы я хотел ее отсутствия, а просто ее пока еще нет дома)[6].

Итак, сновидение представляет собой исполнение желания: поспать удалось, ребенок не мешал. И еще одно осуществленное желание: есть, что показать гостю и где его поселить.

А вот сон женщины, о которой вскользь говорилось выше,— супруги рассказчика.

Предыстория. Это сон предшествовал рождению дочери.

Снится: я с матерью еду куда-то на метро. Люди стоят близко к краю, хаотично движутся. Мать в красном костюме подходит совсем близко к краю платформы; в тоннеле слышится поезд. Я боюсь подойти к краю; начинаю крутиться вокруг своей оси, не могу остановиться; останавливаюсь; мать прыгает на рельсы, как пловец в воду,— ее столкнули; вжимается в рельсы; поезд проезжает; подсознательно — мать жива, но она плачет; крошка кричит.*

Интерпретация:

с матерью — актуальная семейная легенда о тяжелых родах у матери, в которых — конечно же, косвенно — повинна она, дочь; этот момент пронизывает все остальные в этом сне[7];

метро — это ясная аналогия родовых путей;

люди стоят близко к краю — предлежание плода, обсуждаемое накануне на приеме у акушера, и близящиеся роды вообще;

хаотично движутся — беспорядочные толчки ребенка, также свидетельствующие о приближении даты родов;

мать в красном костюме — связанное с родами кровотечение;

совсем близко к краю платформы — рефрен, эмоционально усиленный акцентированием образа матери;

в тоннеле слышится поезд — символическое изображение начинающихся родов;

боюсь подойти к краю — страх перед предстоящими родами, коннотированный упомянутым семейным мифом;

начинаю крутиться вокруг своей оси, не могу остановиться — символическое изображение биомеханизма родов, возможно своего собственного рождения;

останавливаюсь — это усиливает подозрения в отношении того, что в этом фрагменте изображены собственные роды;

мать прыгает на рельсы, как пловец в воду — это весьма сложное символическое действие: во-первых, здесь можно видеть культурно коннотированные образы ряда «смерть [от родов] — рождение»; во-вторых, резонно предположить символическое замещение себя матерью; в-третьих, вода ассоциирована, в целом, как с рождением, так и, в более узком смысле, с [отходящими] околоплодными водами;

ее столкнули — она, в общем-то, опасалась беременеть, противилась родам; в известном смысле над ней совершили насилие, уговорив/принудив оставить ребенка;

вжимается в рельсы; поезд проезжает; мать жива — все обошлось, все прошло нормально, она осталась живой и невредимой;

подсознательно — мать жива, но она плачет — характерно исчезновение матери из сна; «жива, но плачет» — стереотипный пассаж, принятый культурой («пережитое»);

наконец, ключевая фраза: *крошка кричит* — этот на первый взгляд нелепый элемент, завершающий сон, подтверждает правильность толкования — в этом сновидении речь шла о рождении ребенка, точнее благополучном исходе процесса родов.

Итак: бояться не следует,— говорит сновидение,— все завершится благополучно.

Вот еще один сон, уже не имеющий отношения к этой семье; он, кажется, не требует предыстории.

Снится: сижу в темной, влажной, теплой комнате на коленях. Вижу перед собой точильный станок странной формы: точильные диски составлены из множества тонких золотых пластин. Замечаю сбоку от себя старые женские коньки. Думаю: надо их поточить. Беру коньки, начинаю затачивать. Яркий сноп искр прерывает сновидение. (В отдалении, тускло освещенные, сидят люди; старик в темном пальто.)*

Интерпретация:

сижу в темной, влажной, теплой комнате — это однозначный, как мы уже знаем, телесно-сексуальный символ, означающий женские гениталии;

на коленях — помимо того, что это характерная, культурно- и этически-коннотированная поза, следует заметить, что сновидец на тот момент увлекался йогой и буддизмом;

точильный станок — это, в общем-то, типичный символ мужских гениталий;

странной формы — накануне видел на какой-то женщине похожую заколку для волос;

точильные диски составлены из множества тонких золотых пластин — в сознании сновидца они ассоциированы с виденными им накануне женскими серьгами, которые были как бы набраны из множества золотых дисков;

старые женские коньки — типичный символ женских гениталий;

надо их поточить; беру коньки, начинаю затачивать — символическое изображение сексуального акта, желание его совершить;

яркий сноп искр прерывает сновидение — символическое отображение процесса эякуляции; сексуальный акт на поверку оказывается мастурбационным;

в отдалении, тускло освещенные, сидят люди; старик в темном пальто — символическое изображение стыда (цензура!); старик в темном пальто — это отец.

Итак: это вполне понятное, по его истолковании, сновидение отражает желание и достижение сексуальной разрядки.

Эти кропотливые аналитические штудии сновидений довольно увлекательны,— но, к сожалению, однотипны и скучны; и все же такие сны есть — Фрейд, очевидно, видел только эти сны, иначе психоанализ был бы совсем другим.

[1] Накануне прочел у Фрейда: *большая личная заинтересованность психотерапевта (друга семьи) ведет к меньшему доверию со стороны пациента*.

[2] Дополнительные наметки, помогающие прийти к такому выводу: во-первых, я недавно смотрел старые картины и гравюры; женщины Рубенса — такие же, как жена в состоянии беременности; во-вторых, ребенок срыгнул, и я неудачно пошутил: *надо бы тебе искупаться; хватит того, что ты толстая*.

[3] Эти черты — на самом деле он всегда был коротко стрижен — были вполне обусловлены: за несколько часов до гуляния с дочерью, днем, показали новый — американский же — фильм, где у главного героя, в роли сказочного персонажа, были именно такие длинные, неопрятные волосы; мы посмеялись над этим странным изыском стилистов. Еще глубже лежат впечатления, полученные в результате чтения газетной статьи о концерте какой-то рок-группы; тот же Тимоти, кстати, не так давно прислал мне эксклюзивную запись — прямо из студии — нового альбома одной из любимых мною в то время групп.

[4] Этот второй фильм хорошо известен — это «Ребенок Розмари» Р. Полански.

[5] Я рассказал об этом жене с иронией, даже сарказмом, на что она возразила, что он только поздравил меня. Я ответил: как можно поздравлять, ведь это подразумевает хорошие отношения (так же, как и любые виды угощений), когда у него *такой* сын.

Тут два момента: у меня родилась вторая дочь, а не сын (я все-таки хотел сына), у соседа же сын — глухонемой,— зачастую он очень громко включает телевизор, кроме того, досаждает постоянным курением на балконе. Очевидна связь между восприятием, сквозь сон, громких звуков мультфильма и неприятными воспоминаниями о включенном на полную громкость телевизоре соседей.

[6] Перед сном я подумал: *спать не стоит, ночью потом не засну, но сейчас ребенок даст мне поспать.*

[7] Ощущается и еще один, косвенный, момент — за ассоциациями угадывается старый комплекс вины перед матерью: родится дочка, и она будет так же относиться к ней, как она к своей матери.

Карл Густав Юнг: ты — прошлое мира

Представления об архетипических снах плотно увязаны с именем Карла Густава Юнга. Тем не менее говорение о юнгианском анализе сновидений представляется неправомерным, поскольку последний являет собой не метод как таковой, но ракурс, дискурсивный стиль, культурально-красивую манеру денотации.

Послушаем самого Юнга,— пусть он расскажет о своих впечатляющих сновидениях, снах-образах, которые он посчитал архетипами и которые по дурной [культур-]психоаналитической привычке приписал каждому из нас. Эти сны-видения образуют канву его духовного становления[1].

* * *

Накануне Рождества 1912 года мне приснился сон. Я находился на великолепной итальянской вилле — с колоннами,

мраморным полом и мраморной балюстрадой. Я сидел на золотом стуле эпохи Ренессанса, передо мной стоял стол редкой красоты. Он был из зеленого камня, похожего на изумруд. Итак, я находился в замковой башне. Мои дети сидели тут же — за столом.

Неожиданно сверху подлетела белая птица, небольшая чайка или голубь. Она грациозно опустилась на стол, и я жестами попросил детей не двигаться, чтобы не спугнуть красивую белую птицу. И вдруг птица превратилась в маленькую светловолосую девочку лет восьми. Она убежала к детям, и они стали играть в галереях замка.

Я же остался погруженным в свои мысли, я думал над тем, что увидел. Но тут малышка вернулась и нежно обняла меня, затем внезапно исчезла, и снова появилась птица; она медленно проговорила человеческим голосом: «Только в первые часы ночи, в то время как мой муж занят с двенадцатью мертвецами, я могу обрести человечье обличье». После чего она растворилась в синеве, а я проснулся.

Единственное, что я мог с уверенностью сказать про этот сон,— что он был необычайным проявлением бессознательного. Но я был не в состоянии его истолковать, я не владел техникой проникновения в бессознательные процессы. Что общего у голубя с двенадцатью мертвецами? По поводу изумрудного стола я вспомнил историю *tabula smaragdina*. Я подумал и о двенадцати апостолах, о двенадцати месяцах, о двенадцати знаках Зодиака. Но решения загадки я найти не мог. В конце концов я перестал его искать. Мне не оста-

валось ничего другого, кроме как ждать,— жить дальше и доверяться своим фантазиям.

Одна фантазия была пугающе постоянной: это было нечто мертвое и вместе с тем живое. Так, я видел трупы в печах крематория, потом оказывалось, что это еще живые люди. Эти фантазии достигли высшей точки и наконец разрешились в одном сне. Я находился в местности, напоминавшей Елисейские поля (*Elyscamps*) близ Арля. Там есть некрополь эпохи Меровингов. Во сне я удалился от города и увидел перед собою аллею, подобную той, с длинными рядами могил. Это были каменные плиты, на которых лежали мертвецы. Они лежали в своих одеждах, с руками, сложенными на груди, подобно тому, как в старинных склепах лежали рыцари в доспехах. Разница была лишь в том, что мертвецы из моего сна были не из камня, это были особым образом изготовленные мумии. Я остановился перед первой могилой и стал рассматривать мертвеца. Он казался человеком 30-х годов прошлого века. Я стал изучать его костюм, когда он вдруг зашевелился и разнял руки. Я понял, что это произошло только потому, что я посмотрел на него. Мне стало не по себе, я пошел дальше и остановился около другого. Тот был из XVIII века. Здесь все повторилось: как только я посмотрел на него, он ожил и разнял руки. Так я прошел вдоль всего ряда, добрался до захоронений XII века — до крестоносца в кольчуге. Он казался вырезанным из дерева. Я смотрел на него довольно долго, убеждаясь, что он действительно мертв. И вдруг я заметил, как начинают шевелиться пальцы на его левой руке.

Этот сон преследовал меня долгое время. Естественно, я сразу вспомнил концепцию Фрейда о реликтах архаического опыта, что живут в бессознательном современного человека. Но сны, подобные этому, и мой собственный опыт убеждали меня в том, что это все же не реликты утраченных форм, но живая часть нашего существа. Мои позднейшие исследования подтвердили это предположение, оно стало отправной точкой учения об архетипах».

* * *

«Приближалась осень 1913 года, и давление, которое я ощущал прежде, теперь, казалось, находится вовне, в самом воздухе — что-то мрачное и тяжелое. Это была уже не столько моя собственная психологическая ситуация, сколько окружающая меня действительность. Это мое ощущение все более усиливалось.

В октябре, когда я путешествовал в одиночестве, у меня было неожиданное видение. Мне привиделся чудовищный поток, покрывший все северные земли. Он простирался от Англии до России, от Северного моря до подножий Альп. Когда же он стал приближаться к Швейцарии, я увидел, что горы растут все выше и выше, как будто защищая от него нашу страну. Разыгрывалась ужасная катастрофа. Я видел могучие желтые волны, они несли обломки каких-то предметов и бесчисленные трупы. Потом все это море стало кровью. Видение длилось около часа. Я был в смятении, мне стало дурно, и я стыдился своей слабости.

Прошло две недели, и видение повторилось. Оно было еще более кровавым и страшным. Некий внутренний голос сказал мне: «Смотри, так будет!»

Зимой кто-то спросил меня, каков мой прогноз на ближайшее будущее. Я ответил, что у меня нет прогнозов, но что я видел потоки крови. Это видение не оставляло меня.

Я спрашивал себя, возможно ли, чтобы это видение предвещало какую-нибудь революцию, но не мог представить себе ничего подобного. Поэтому я решил, что это касается только меня и что мне грозит психоз. Мысль о войне не приходила мне в голову.

Вскоре после этого, весной и ранним летом 1914 года, мне трижды снился один и тот же сон — о том, как в середине лета вдруг наступает арктический холод и вся земля покрывается льдом. Так, я видел Лотарингию с ее каналами, замерзшую и совершенно обезлюдевшую. Все реки и озера покрылись льдом. Все, что было зеленого, закоченело и погибло. Это сновидение было у меня в апреле и мае и в последний раз — в июне 1914 года.

В третий раз мне снова снился гибельный вселенский холод, однако на этот раз сон имел неожиданный конец. Я увидел дерево, цветущее, но бесплодное. (Мое древо жизни,— подумал я.) И вот его листья на морозе превратились вдруг в сладкий виноград, полный целительного сока. Я нарвал ягод и отдал их каким-то людям, которые, казалось, ожидали этого».

Карл Густав Юнг: ты — прошлое мира

* * *

«Это было в один из адвентов 1913 года (12 декабря), в этот день я решился на исключительный шаг. Я сидел за письменным столом, погруженный в привычные уже сомнения, когда вдруг все оборвалось, будто земля в буквальном смысле разверзлась у меня под ногами, и я погрузился в темные глубины ее. Я не мог избавиться от панического страха. Но внезапно и на не очень большой глубине я почувствовал у себя под ногами какую-то вязкую массу. Мне сразу стало легче, хотя я и находился в кромешной тьме. Через некоторое время мои глаза привыкли к ней, я себя чувствовал как бы в сумерках. Передо мной был вход в темную пещеру, и там стоял карлик, сухой и темный, как мумия. Я протиснулся мимо него в узкий вход и побрел по колено в ледяной воде к другому концу пещеры, где на каменной стене я видел светящийся красный кристалл. Я приподнял камень и обнаружил под ним щель. Сперва я ничего не мог различить, но потом я увидел воду, а в ней — труп молодого белокурого человека с окровавленной головой. Он проплыл мимо меня, за ним следовал гигантский черный скарабей. Затем я увидел, как из воды поднимается ослепительно красное солнце. Свет бил в глаза, и я хотел положить камень обратно в отверстие, но не успел — поток прорвался наружу. Это была кровь! Струя ее была густой и упругой, и мне стало тошно. Этот поток крови казался нескончаемым. Наконец все прекратилось.

Эти картины привели меня в глубокое замешательство. Я догадался, разумеется, что *pièce de résistance* был некий солярный

героический миф, драма смерти и возрождения (возрождение символизировал египетский скарабей). Все это должно было закончиться рассветом — наступлением нового дня, но вместо этого явился невыносимый поток крови, очевидная аномалия. Мне вспомнился тот кровавый поток, что я видел осенью, и я отказался от дальнейших попыток объяснить все, что видел.

Шесть дней спустя (18 декабря 1913 г.) мне приснился сон.

Я находился где-то в горах с незнакомым чернокожим юношей, вероятно дикарем. Солнце еще не взошло, но на востоке уже показался свет, и звезды погасли. Вдруг раздался трубный звук — это был рог Зигфрида, и я знал, что мы должны убить его. Мы были вооружены и лежали в засаде, в узком ущелье за скалою.

Неожиданно на краю обрыва в первых лучах восходящего солнца возник Зигфрид. На колеснице из костей мертвых он с бешеной скоростью мчался вниз по крутому склону. Едва он появился из-за поворота, мы выстрелили — и он упал лицом вниз,— навстречу смерти.

Полный отвращения к себе и раскаяния — ведь я разрушил нечто, столь величественное и прекрасное,— я бросился бежать. Меня подгонял страх, что убийство обнаружится. Но начался ливень, и я понял, что он смоет все следы моего преступления. И так мне удалось спастись, и жизнь продолжалась, осталось лишь непереносимое чувство вины.

Проснувшись, я стал раздумывать, что бы это значило, но понять не смог. Я попытался заснуть снова, но некий го-

лос сказал мне: “Ты должен понять это, ты должен объяснить это немедленно!” Волнение мое росло, наконец наступил ужасный момент, когда голос произнес: “Если ты не поймешь сна, тебе придется застрелиться!” В ящике моего ночного столика лежал заряженный револьвер, и мне стало страшно. Я снова начал перебирать в уме все события моего сна, и вдруг смысл его дошел до меня. Он был о том, что происходило в мире. Зигфрид, подумал я, воплощал в себе то, чего хотела достигнуть Германия,— навязать миру свою волю, свой героический идеал. “Wo ein Wille, da ist ein Weg”[2]. Таков был и мой идеал. Сейчас он стал невозможен. Сон показывал, что героическая установка более не допустима.— И Зигфрид должен быть убит.

Мое преступление заставило меня страдать так сильно, будто я убил не Зигфрида, а себя самого: фактически я идентифицировал себя с героем. Я страдал, как страдают люди, жертвуя идеалами. Итак, я сознательно отказывался от героической идеализации, потому что есть нечто, что выше моей воли и моей власти, и моего “я”.

Размышляя так, я успокоился и снова заснул. Смуглый дикарь, сопровождавший меня и фактически толкнувший меня на преступление, был моей примитивной архаической тенью. Дождь в моем сне как бы “снимал” напряжение между сознанием и бессознательным.

В то время мои возможности истолкования этого сна ограничивались теми немногими идеями, которые я здесь привожу. Однако это дало мне силы довести до конца мой эксперимент с бессознательным».

* * *

«Для того чтобы удержать фантазии, я часто воображал некий спуск. Однажды я даже попытался дойти до самого низа. В первый раз я будто бы спустился метров на 300, но уже в следующий раз я оказался на какой-то космической глубине. Это было — как путешествие на Луну или погружение в пропасть. Сначала возник образ кратера, и у меня появилось чувство, будто я — в стране мертвых. У подножия скалы я различил две фигуры: седобородого старика и прекрасную юную девушку. Я осмелился приблизиться к ним — так, словно они были реальными людьми, и стал прислушиваться к их разговору. Старик меня несколько шокировал, объяснив, что он Илья-пророк. Но девушка меня просто возмутила — она назвала себя Саломеей! Она была слепа. Что за странная пара: Саломея и Илья-пророк. Но старик заверил меня, что они вместе уже целую вечность, и это меня окончательно запутало. С ними жила какая-то черная змея, кажется, я ей понравился. Я старался держаться ближе к старику, он казался мне наиболее разумным и здравомыслящим из всей этой компании. Саломея не внушала мне доверия. С Ильей мы вели долгие беседы, смысл которых, однако, оставался мне не ясен.

Естественно, я пытался найти правдоподобное объяснение появлению этих библейских персонажей в моей фантазии; я не забывал и о том, что мой отец был священником. Но это ничего не объясняло. Что означал этот старик? Что та-

кое — Саломея? Почему они вместе? Лишь много лет спустя, когда я узнал многое, чего не знал тогда, связь между стариком и девушкой перестала удивлять меня.

В таких снах, равно как и в мифологических путешествиях, мы часто встречаем старца в сопровождении девушки. Так, по преданию, Симон Маг странствовал с молодой девушкой, которую взял из публичного дома. Ее звали Еленой. Предполагалось, что в нее вселилась душа Елены Троянской. В этом же ряду — Клингсор и Кундри, Лао-цзы и являвшаяся с ним повсюду девушка-танцовщица.

В моей фантазии была еще одна фигура — большая черная змея. В мифах змея чаще бывает противницей героя, но существуют многочисленные указания на их родство. Например, у героя могут быть глаза, как у змеи, или после смерти он превращается в змею и в этом своем качестве становится объектом поклонения, наконец, змеей могла быть его мать и т. д. Присутствие змеи в моей фантазии указывает на ее связь с героическим мифом.

Саломея — фигура-Анима. Она слепа, потому что не видит значения вещей. Илья, напротив,— стар и мудр, он воплощает в себе гностическое начало, тогда как Саломея — эротическое. Можно сказать, что эти образы составляют антитезу: Эрос и Логос. Но подобные дефиниции чрезмерно интеллектуализированы. Имеет смысл оставить их такими, какими они тогда мне представлялись,— некими знаками, объясняющими содержание бессознательных процессов».

* * *

«Вскоре после этого мое бессознательное породило другой образ. Он был развитием и продолжением Ильи-пророка. Я назвал его Филемоном. Филемон был язычником и принес с собой какое-то египетско-эллинское настроение с оттенком гностицизма. Образ этот впервые явился мне во сне.

Это было небо, но оно походило на море. Покрыто оно было не облаками, а бурыми комьями земли. В просветах между ними я видел голубизну морской воды. Но эта вода была небом. Вдруг откуда-то справа ко мне подлетело крылатое существо. Это был старик с рогами быка. В руках он держал связку ключей, один он сжимал так, будто намеревался открыть замок. Крылья его окрасом напоминали крылья зимородка.

Я не понимал этого образа, и я зарисовал его, чтобы удержать в памяти. И тогда же я нашел в своем саду у побережья мертвого зимородка. Это было удивительно: зимородков не часто увидишь в окрестностях Цюриха, и я был потрясен этим, казалось бы, случайным совпадением. Птица умерла незадолго до того, как я ее нашел,— дня за два или за три,— я не обнаружил на ней никаких внешних повреждений».

* * *

«Затем Филемона сменил другой образ. Я назвал его Ка. В Древнем Египте “король Ка” был существом, принадлежащим стихии земли, ее духом[3]. В моей фантазии дух Ка явился из земли — из глубокой расщелины. Я нарисовал его, по-

пытавшись передать эту его связь с землею. У меня получилось погрудное изображение, основание его было из камня, а верхняя часть из бронзы. На самом верху моего рисунка оказалось крыло зимородка, а между ним и головой Ка — что-то вроде светящейся звездной дымки. В выражении лица Ка было что-то демоническое, я бы сказал: мефистофельское. В одной руке он держал какой-то предмет, напоминавший пагоду или пеструю шкатулку, в другой — некое стило, которым работал. Он представлял себя так: "Я тот, кому боги назначили хранить золото".

Филемон хромал, но он был крылатым духом, другой же — Ка — олицетворял собою стихии земли или металла. Филемон был духовным, осмысленным началом, Ка явился духом природы, как Антропарион в греческой алхимии, с которой я в то время никоим образом не был знаком. Ка воплощал нечто реальное, но он же был тем, кто затемняет смыслы (дух птицы) или заменяет их красотою (вечным отражением).

Со временем эти образы соединились у меня в один: я стал изучать алхимию».

* * *

«Свои тогдашние фантазии я записывал сперва в Черную книгу, потом я переименовал ее в Красную книгу и снабдил ее рисунками[4]. В ней содержится большая часть моих рисунков с изображением мандалы. В Красной книге я попытался придать моим фантазиям какую-то эстетическую форму, но завершить эту работу мне так и не удалось. Я понял, что

не нашел еще нужных слов, что я должен выразить это как-то иначе. Поэтому я в какой-то момент отказался от эстетизации, обратившись лишь к смыслу. Я видел, что фантазии нуждаются в некотором твердом основании, что мне самому необходимо спуститься на землю — вернуться в мир действительный. Но обрести основание в мире действительном я мог, только научно осмыслив его. Я намеревался проанализировать тот материал, который предоставило мне бессознательное,— отныне это стало содержанием моей жизни.

Определенная эстетизация в "Красной книге" была мне необходима еще и потому, что вся эта бесконечная череда бессознательных видений и образов раздражала меня необыкновенно,— мне нужно было снять некоторые этические обязательства. Все это существенно изменило мой образ жизни. Вообще, я понял тогда, что ничто так не меняет нашу жизнь, как язык: ущербный язык делает жизнь неполной и ущербной. Выразив таким образом угнетавшие меня бессознательные фантазии, я освободился от них, решив сразу две проблемы — интеллектуальную и этическую».

* * *

«Постепенно происходившие во мне внутренние изменения стали каким-то образом проявлять себя, оформляться, и в 1916 году я почувствовал внутреннюю необходимость сформулировать и выразить то, что могло быть сказано Филемоном. Так появились "*Septem Sermones ad Mortuos*", с их странным языком.

Все началось с какой-то сумятицы, и я не знал, что *это* значит или чего *оно* хочет от меня. Казалось, что атмосфера вокруг меня сгущается, ее заполняли какие-то удивительные призрачные существа. Так оно и было: мой дом стали посещать привидения. Моя старшая дочь однажды ночью увидела белую фигуру, пересекавшую комнату. Другая моя дочь в свою очередь жаловалась, что дважды за ночь у нее пропадало одеяло, а моему девятилетнему сыну приснился страшный сон. Утром он попросил у матери карандаш, и, хотя прежде он никогда не рисовал, на этот раз он захотел изобразить то, что видел. Он назвал это “Портрет рыбака”. В центре листа были изображены река и рыбак с удочкой на берегу. Он ловит рыбу. На голове его почему-то труба, и оттуда вырываются языки пламени и поднимается дым. С противоположного берега летит дьявол. Он проклинает рыбака за то, что тот украл его рыбу. Но над рыбаком парит ангел со словами: “Ты не можешь причинить ему вреда, он ловит только плохую рыбу!” Все это мой сын нарисовал в субботу утром.

В воскресенье, приблизительно в 5 часов пополудни, неистово зазвонил дверной звонок. Стоял солнечный летний день, обе служанки находились на кухне, и оттуда хорошо было видно открытую площадку перед входной дверью. Услышав звонок, все сразу бросились к двери, но там никого не было. Я видел даже, как покачивался дверной колокольчик! Мы молча смотрели друг на друга. Поверьте мне, все это казалось тогда очень странным и пугающим! Я знал, что что-то должно произойти. Весь дом был полон призраков, они бродили толпами. Их было

так много, что стало душно, я едва мог дышать. Я без конца спрашивал себя: "Ради бога, что же это такое?" Они отвечали мне: "Мы возвратились из Иерусалима, где не нашли того, что искали". Эти слова и стали началом "*Septem Sermones...*"

Затем слова потекли непрерывным потоком, и за три вечера вещь была написана. Стоило мне взяться за перо, как все сборище призраков вдруг пропало. Наваждение кончилось. В комнате стало тихо, и воздух очистился. К вечеру снова стало назревать что-то, но потом все прошло. Было это в 1916 году».

* * *

«Несколько лет спустя (в 1927 году) мне приснился сон, в котором я видел подтверждение своих идей о центре и замкнутом, самодостаточном развитии. Я представил суть этого сна в одной мандале, которую назвал «Окно в вечность». Этот рисунок был воспроизведен в «Тайне Золотого цветка». Через год я нарисовал вторую картинку: это тоже была мандала, в центре ее находился золотой дворец. Закончив ее, я спросил себя: «Отчего в ней столько "китайского"?» Я сам удивился ее форме и выбору оттенков, они казались мне «китайскими», хотя объективно — ничего «китайского» в мандале не было. Но я воспринимал ее так. По странному совпадению незадолго до этого я получил письмо от Рихарда Вильгельма. В письмо была вложена рукопись какого-то даосского алхимического трактата под названием «Тайна Золотого цветка» с просьбой его откомментировать. Я тотчас углубился

в рукопись и нашел там неожиданное подтверждение своим идеям о мандале и центростремительном движении. Итак, я уже не одинок, я нашел нечто близкое себе в этой китайской рукописи,— как бы там ни было, она имела ко мне непосредственное отношение.

В память об этом совпадении я сделал надпись на рисунке: «Когда рисовал этот золотой дворец, от Рихарда Вильгельма из Франкфурта получил тысячелетней древности китайский текст о золотом дворце, центре всего сущего, начале всех начал».

А мой сон о мандале был таков:

Я обнаружил себя в каком-то городе, грязном и закопченном. Стояла зимняя ночь, было темно, и шел дождь. Это был Ливерпуль. Еще с полдюжиной швейцарцев я шагал через темные улицы. У меня было ощущение, что мы удаляемся от моря и поднимаемся вверх, что сам город фактически находится вверху — на скале. Этот город напоминал мне Базель: внизу находился рынок, от него подымались крутые улочки к собору и площади св. Петра. Поднявшись, мы увидели перед собою широкую, тускло освещенную площадь с множеством выходящих на нее улиц. Город имел радиальную структуру, площадь была его центром. Посреди ее находился круглый пруд, а в центре пруда — маленький остров. В то время как все вокруг было скрыто дождем и туманом, все было погружено в ночь, маленький остров сверкал в лучах солнца. Там росло единственное дерево — магнолия, усыпанная розовыми цветами, и казалось, что дерево не просто

залито светом, но само излучает свет. Мои спутники жаловались на погоду и совершенно не замечали дерева. Они говорили о каком-то другом швейцарце, жившем в Ливерпуле, и удивлялись, зачем он поселился именно здесь. Я же был так очарован красотой цветущего дерева и солнечного острова, что подумал: "Я знаю — зачем!" — и в этот момент проснулся.

Я должен упомянуть еще об одной немаловажной вещи: часть городских кварталов была в свою очередь выстроена радиально вокруг маленькой открытой площади, освещенной одним большим фонарем; эта площадь была маленькой копией острова. Я знал, что тот "другой швейцарец" жил неподалеку от этого — второго — центра.

Этот сон отразил мое тогдашнее состояние. Я и теперь вижу серо-желтый дождевик, мокрый и скользкий. Все было удивительно мрачно, черно и мутно — так я себя тогда чувствовал. Однако мне открылось нечто прекрасное, благодаря чему я вообще мог жить. Ливерпуль (*Liverpool*) — это "полюс жизни", "*pool of life*". *Liver* — "печень", древние считали ее средоточием жизни.

С этим сновидением у меня было связано ощущение некоей окончательности, завершенности. Здесь была выражена цель, и целью этой явился срединный путь, которого мне не миновать. Этот сон объяснил мне, что самодостаточность, самость — архетипический смысл и принцип определения себя в этом мире. В том сне была целительная сила, и тогда ко мне впервые пришло предчувствие моего мифа.

Карл Густав Юнг: ты — прошлое мира

После этого сна я перестал рисовать мандалы. Он стал высшей точкой моего сознательного развития, и, открыв мне мое душевное состояние, он принес покой и уверенность в себе. Хоть я и знал, что занимаюсь чем-то небесполезным, но мне недоставало моего собственного понимания происходящего, а среди моих знакомых не было никого, кто мог бы мне в этом помочь. Сновидение дало возможность посмотреть на себя со стороны.

Не будь этого, я бы, вероятно, окончательно запутался, и мне пришлось бы отказаться от своего предприятия. Но сновидение открыло мне смысл и значение происходящего. Когда я расстался с Фрейдом, я знал, что вступаю в область неизведанную, и все же я решился сделать шаг в темноту. И когда этот сон явился мне, я принял его как *actus gratiae*.

Мне потребовалось сорок пять лет, чтобы заключить в строгие формы научной работы все, что я тогда пережил и записал. Когда я был молод, я мечтал о научной карьере. Но этот раскаленный поток, эта страсть захватила меня, преобразив и переродив в своем огне всю мою жизнь. Она была первоэлементом, все мои работы — лишь более или менее удавшаяся попытка сделать ее достоянием современников, частью их мировидения. Первые впечатления и сны были как раскаленный поток базальта — из него выкристаллизовался камень, и камень я уже мог обрабатывать.

Годы, когда я следовал своим внутренним образам, были самыми важными в моей жизни. Они определили ее суть, ее основание, а последующие частности были только дополне-

ниями и уточнениями. Вся моя дальнейшая деятельность состояла в последовательной разработке того, что в те годы прорвалось из бессознательного. Это стало первоосновой моей работы и моей жизни.

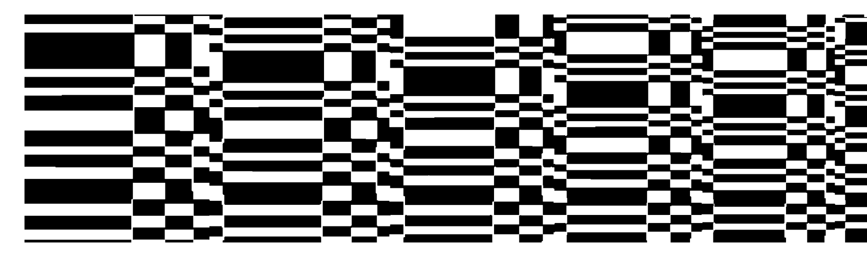
Чем вам не сновидная, онейрическая биография нового времени? Она уже даже эстетизирована, она обработана литературно, она приведена — путем культур-психоаналитических манипуляций — в соответствие с канонами современной науки-психологии.

[1] Здесь и далее цит. по: *(Jung C.G.) Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления: Пер. с нем. И. Булкиной.— К.: AirLand, 1994.— С. 174—200.

[2] «Воля пролагает путь» (*нем.*).

[3] Здесь Юнг допускает неточность: древнеегипетский Ка — это одна из «душ» человека и божества, «Двойник».

[4] «Черная книга» представляет собою маленький томик, переплетенный в черную кожу. «Красная книга» — своего рода фолиант в сафьяновом переплете, напоминающий по форме средневековые рукописи; и шрифт, и язык здесь стилизованы под готику.

Сны-архетипы: сновидная этнокультурология

Обратимся теперь к нескольким сновидениям Юнга — изолируя их от контекстов и смыслов, невзирая на то, причиной или следствием чего они были: сны как сны — только длиннее, напыщенней и много связнее других,— или так хотелось самому рассказчику?

* * *

«Прежде чем я открыл для себя алхимию,— говорит Юнг,— у меня было несколько повторяющихся снов. Сюжет их был один и тот же: рядом с моим домом стоял другой, пристройка или какой-то флигель, мне неизвестный. Всякий раз я удивлялся во сне, почему я не знаю этого дома, ведь я несомненно бывал там. Наконец мне приснился сон, в котором я зашел туда. Я обнаружил там прекрасную библиотеку, в основном книги XVI и XVII вв. Толстые фолианты в пере-

плетах из свиной кожи стояли вдоль стен. В некоторых книгах я нашел странные гравюры с изображением диковинных символов, каких я никогда не видал прежде. Я тогда не знал, что они обозначали, и только много позже узнал, что это были алхимические символы. Во сне я испытал лишь таинственное очарование, исходящее от библиотеки в целом. Это было средневековое собрание инкунабул и рукописей XVI в.

Неизвестная часть дома была частью моей личности, моего “я”, она представляла собою нечто мне принадлежавшее и мною не осознанное. Флигель и — особенно — библиотека указывали на алхимию, о которой я ничего не знал и которую я вскоре начал изучать. Лет через 15 сам я собрал такую же библиотеку.

Удивительный сон, предвосхитивший мои занятия алхимией, приснился мне году в 1926»[1].

«Я был в Южном Тироле. Шла война. Я находился на итальянском фронте и пробирался в тыл вместе с каким-то маленьким человеком, крестьянином, в его телеге. Кругом рвались снаряды, и я знал, что мы должны двигаться вперед как можно быстрее, потому что оставаться там было опасно. Мы должны были проехать по мосту через туннель, своды которого были взорваны. В конце туннеля нам открылся какой-то залитый солнцем пейзаж, и я узнал в нем окрестности Вероны. Внизу раскинулся сияющий солнечный город. Мне сразу стало легко, мы ехали дальше по зеленой, цветущей ломбардской равнине, через рисовые

поля и виноградники. В конце дороги я увидел огромных размеров господский дом — похоже, это был замок какого-то итальянского аристократа. Это было типичное поместье со множеством служб и пристроек. К замку — через просторный двор — вела аллея. Мой маленький возница и я — мы въехали в ворота и, проехав немного, наткнулись еще на одни ворота: справа от меня был фасад господского дома, слева — хозяйственные пристройки, конюшня, амбар и т. д. Когда мы оказались посреди двора, прямо напротив главного входа, случилось нечто непредвиденное: вдруг все ворота с шумом захлопнулись. Возница спрыгнул с телеги и крикнул мне: "Теперь мы заперты в XVII веке". "Да, это так,— подумал я.— Но что мы тут будем делать? Мы попали в плен на целый год". Но тут же пришла спасительная мысль: "В конце концов через год мы выберемся отсюда"».

«После этого сна я пролистал толстые тома по истории религии и философии без надежды прояснить для себя что-нибудь. Некоторое время спустя я понял, что и этот сон указывает мне на алхимию. Ее апофеоз как раз пришелся на XVII век».

«Мне снова снился мой дом с флигелем, в котором я никогда не был. Я решил посмотреть на него и, наконец, вошел внутрь. Я увидел какую-то большую дверь. Открыв ее, я оказался в комнате, напоминавшей лабораторию. У окна стоял стол, на нем множество сосудов и прочих вещей, которые можно встретить где-нибудь в зоологичес-

кой лаборатории. Это был рабочий кабинет моего отца. Но его самого там не было. На полках вдоль стен стояли сотни аквариумов со всевозможными видами рыб. Я удивился: итак, теперь мой отец занимается ихтиологией!

Пока я так озирался, я заметил, что занавес время от времени натягивается, будто от сильного ветра. Вдруг появился Ганс, юноша из нашей деревни, и я попросил его проверить, открыто ли там окно. Он ушел. Когда же он вернулся, я понял, что он чем-то сильно напуган. В глазах его был ужас. Он сказал лишь: "Да, там есть нечто. Там — привидение!"

Тогда я пошел туда сам и обнаружил дверь, ведущую в комнату моей матери. Там не было никого. Мне стало не по себе: в этой очень большой комнате с потолка свисали два ряда сундуков — по пять в каждом, на два шага не доходя до пола. Они напоминали маленькие беседки, в 2 м площадью, и в каждой было по две кровати. Я знал, что в этой комнате моя мать, которая на самом деле давно умерла, принимала гостей и что эти кровати предназначены для тех, кто останется ночевать. То были духи, которые ходят парами, так называемые "обрученные духи", они могут оставаться на ночь, а иногда и на целый день.

На противоположной стороне комнаты находилась дверь. Я открыл ее и оказался в огромном зале, это было похоже на вестибюль большого роскошного отеля: среди колонн стояло множество кресел и маленьких столиков. Звучала

музыка. Я слышал ее еще в комнате, но не мог понять, откуда она доносится. Зал был пуст, лишь музыканты оглушительно наяривали какие-то вальсы и марши.

Духовой оркестр в вестибюле отеля был нарочито "здешним", посюсторонним. Никто бы не подумал, что за этим ярким фасадом скрывается другой мир, который — здесь же, в этом же доме. Этот вестибюль из моего сна был своего рода карикатурой на мою светскую жовиальность. Но это была только поверхность, за ней находилось нечто совершенно иное, что никоим образом не вязалось с легкой музыкой: лаборатория с рыбами и висячие "ловушки для духов". То были места, где царила полная тайны тишина. У меня было чувство, будто здесь обитает ночь, в то время как вестибюль являл собою дневной мир с его поверхностным светским существованием».

«Самыми важными образами сна,— констатирует Юнг,— были "ловушки для духов" и лаборатория с рыбами. Первые — косвенным образом намекали на *coniunctio*, вторая же — на мои размышления, связанные с Христом и распятием; Христос и есть рыба (*ichtys*). И то и другое занимало меня на протяжении десятилетий».

«Проблема Иова и все, что с нею связано,— говорит Юнг далее,— явились мне во сне».

«Это был сон, в котором я посещал моего давно умершего отца. Он жил в какой-то деревне, мне незнакомой. Я увидел дом в стиле XVIII в., очень просторный, с больши-

ми пристройками. Первоначально он был гостиницей для приезжающих на воды. Я узнал, что в течение многих лет здесь останавливались известные и знаменитые люди. А некоторые из них здесь умерли, и в крипте у дома находились их саркофаги. Мой отец служил здесь хранителем.

Но, кроме того, как я вскоре обнаружил, в противоположность тому, чем он был в своей земной жизни, отец был здесь выдающимся ученым. Я встретился с ним в его кабинете, но странным образом: там находились некий доктор Игрек приблизительно моего возраста и его сын — оба психиатры. Я не знаю, задавал ли я какие-то вопросы или отец сам хотел мне что-то объяснить, в любом случае важно, что он достал из шкафа большую Библию, тяжелый том, похожий на Библию Мериана из моей библиотеки. Библия моего отца была переплетена сверкающей рыбьей чешуей. Он открыл Ветхий Завет, думаю, это было Пятикнижие, и стал комментировать отдельные места из него. Он делал это столь быстро и глубоко, что я не поспевал за его мыслью. Я заметил только, что в том, что он говорил, содержалась бездна всевозможных знаний, я понимал его лишь отчасти и не мог составить собственного мнения. Я видел, что доктор Игрек не понял ничего совершенно, а его сын начал смеяться. Они думали, что у отца что-то вроде старческого маразма и в том, что он говорил, нет ни малейшего смысла. Но мне было совершенно ясно, что в его волнении не было ничего болезненного, а в том, что он говорил,— ничего бессмысленного — напро-

тив, его доводы были столь тонкими и учеными, что мы в своей глупости просто оказались не в состоянии следить за его мыслью. Он говорил нечто очень важное и увлекательное. Он и сам увлекся и потому говорил с такой горячностью. Мне было досадно и стыдно, что ему приходится говорить для трех таких идиотов.

Оба доктора представляли собою ограниченную медицинскую точку зрения, которую и я как врач безусловно знал за собою. Они были моей тенью, более ранним и более поздним изданием меня самого: отцом и сыном.

Затем декорации переменились: отец и я — мы находились перед домом, напротив нас был дровяной сарай. Оттуда доносился громкий стук — так, будто кто-то перебрасывал большие поленья. Мне казалось, что там по крайней мере двое рабочих, но отец объяснил мне, что там лишь призраки. Это были своего рода полтергейсты, шумные духи.

Потом мы вошли в дом, и я увидел, какие там толстые стены. Мы поднялись по узкой лестнице на второй этаж. Моим глазам открылся странный вид: зал, точная копия зала, где заседал диван султана Акбара в Фатехпур-Сикри. Это была высокая круглая комната с галереей вдоль стен и четырьмя мостиками, которые вели к центру, напоминавшему круглую чашу. Чаша помещалась в гигантской колонне и представляла собой трон султана. Отсюда он обращался к совету и философам, которые находились обыкновенно в галерее. Все вместе это составляло огромную

мандалу. Она в точности соответствовала залу дивана, который я видел в Индии.

Вдруг я обнаружил, что от центра вверх поднимается крутая лестница,— а это уже не соответствовало действительности. Там наверху была маленькая дверь, и отец сказал: "Теперь я введу тебя в высочайшее присутствие". Это было так, как если бы он сказал "highest presence". Он опустился на колени и коснулся лбом пола. Я с трепетом повторял его движения. По какой-то причине я не мог склонить лоб до самого пола, между моим лбом и полом оставалось несколько миллиметров. Но я поклонился вслед за ним, и в этот момент я узнал (наверное, от отца), что эта дверь ведет в уединенные покои, и там живет Урия, доблестный воин царя Давида, которого тот постыдно предал, домогаясь Вирсавии».

«Я должен немного пояснить этот сон,— говорит Юнг,— начальная сцена предполагает, что какую-то свою подсознательную задачу я предоставил отцу, т. е. бессознательному. Он, очевидно, поглощен Библией (Бытием) и спешит объяснить свою точку зрения. Рыбья чешуя на переплете Библии — это некое бессознательное содержание, потому что рыбы бессознательны и немы. Мой бедный отец не преуспел в попытке передать свои знания, потому что аудитория была отчасти не способна к пониманию, отчасти раздражительна и глупа.

После этой неудачи мы перешли двор и вышли на "другую сторону", и там явились полтергейсты. Подобные вещи возникают обычно вблизи подростков, это означало, что я все еще не созрел и не все еще осознаю. Индийские аллюзии раскрывают понятие "другой стороны". Когда я был в Индии, мандальная структура того зала в своем стремлении к центру поразила меня. Центр — место, где восседал Акбар Великий, правитель полумира, он был подобен царю Давиду. Но гораздо выше Давида помещалась его невинная жертва, его верный слуга Урия, тот, кого он отдал врагам. Урия подобен Христу, Богочеловеку, который был оставлен Богом. Но Давид, кроме всего прочего, "взял к себе" жену Урии. Гораздо позже я понял, что это значило: я был принужден открыто и в ущерб себе говорить о противоречивом Боге Ветхого Завета, и моя жена была "взята" у меня смертью.

Это были события, ожидавшие меня и спрятанные в моем подсознании. Это судьба склоняла меня и требовала, чтоб я коснулся лбом пола, требовала совершенного подчинения. Но что-то во мне противилось, что-то говорило: "Склонись, но не до конца". Что-то во мне не повиновалось судьбе и отказывалось быть немой рыбой; и если бы этого не было в свободном человеке, то и Книга Иова не была бы написана за несколько сотен лет до рождества Христова. Человек никогда не принимал Божественное предписание безоговорочно. Иначе, что значит свобода для человека и в чем ее смысл, если человек не в состоянии возразить, когда ей что-либо угрожает.

Урия помещается выше Акбара. Его даже зовут во сне “*highest presence*”, так, собственно, обращались к Богу везде, кроме Византии. Я не мог здесь не вспомнить о буддизме с его отношением к богам. Для благочестивого азиата Татхагата — некий абсолют, и по этой причине хинаяна-буддизм был заподозрен в атеизме,— совершенно несправедливо. Власть богов делает человека способным *знать* Создателя. Он даже получает возможность уничтожить какую-то часть создания, а именно — человеческую цивилизацию. Сегодня с помощью радиации человек может уничтожить все высшие формы жизни на земле. Идея уничтожения мира была известна буддизму: цепь сансары, цепь причинности, которая с неизбежностью ведет к старости, болезни и смерти, может быть прервана, преодолена,— и тогда окончится иллюзия бытия. Шопенгауэрово отрицание воли лишь предвещало то, к чему сегодня мы так страшно приблизились. Сон обнаруживает некое скрытое предчувствие, которое уже долгое время тяготеет над людьми,— это идея о творении, превосходящем творца, превосходящем его в малом, но эта малость решает все».

* * *

«Один... сон был особенно важен для меня,— говорит Юнг в другом месте своей книги,— он привел меня к понятию “коллективного бессознательного” и положил начало моей книге “Метаморфозы и символы либидо”».[2]

«Сон был такой: Я находился один в незнакомом двухэтажном доме. Это был “мой дом”. Я оказался на верхнем

этаже, там было что-то вроде квартиры с прекрасной старой мебелью в стиле рококо. На стенах висели старые картины в дорогих рамках. Я удивился, что этот дом — мой, и подумал: "Ничего себе!" Но потом мне пришло в голову, что я еще не был внизу. Спустившись по ступенькам, я попал на первый этаж. Здесь все было много старше, и я понял, что эта часть дома существует с XV или XVI века. Средневековое убранство, полы, выложенные красным кирпичом,— все казалось тусклым, покрытым патиной. Я переходил из комнаты в комнату и думал: "Я должен обойти весь этот дом". Я подошел к тяжелой двери и открыл ее. Я обнаружил каменную лестницу, которая вела в подвал. Спустившись по ней, я очутился в красивом старинном сводчатом зале. Осматривая стены, я заметил слой кирпича в кладке; в строительном растворе были кусочки кирпича. Так я догадался, что стены были построены еще при римлянах. Мое любопытство достигло предела. Я исследовал каменные плиты пола: в одной из них я нашел кольцо. Я потянул за него — плита приподнялась, и я снова увидел каменную лестницу, узкие ступени которой вели в глубину. Я спустился вниз и очутился в низкой пещере. Среди толстого слоя пыли на полу лежали кости и черепки, словно останки какой-то примитивной культуры. Я обнаружил там два, очевидно, очень древних полуистлевших человеческих черепа. — В этот момент я проснулся».

«Мне было ясно, что дом — это в некотором роде образ души, т. е. образ тогдашнего состояния моего сознания. Мое

сознание выглядело как жилое пространство, вполне обжитое, хотя и несколько архаичное.

На нижнем этаже начиналось бессознательное. Чем глубже я спускался, тем более чуждым и темным оно было. В пещере я нашел остатки примитивной культуры, т. е. то, что оставалось во мне от примитивного человека и что едва ли когда-нибудь могло быть постигнуто или освещено сознанием. Душа примитивного человека граничит с душами животных, так же как и пещеры в древности были населены большей частью животными, прежде чем их заняли люди.

Именно тогда я ясно осознал, насколько велика разница между нашими с Фрейдом духовными установками. Я вырос в исторической атмосфере Базеля конца прошлого столетия, и, благодаря моим занятиям философией, я знал кое-что из истории психологии. Размышляя над сновидениями и содержанием бессознательного, я не мог обойтись без исторических аналогий; в студенческие годы я часто обращался к старому философскому лексикону Круга. Я лучше знал философов XVIII и отчасти XIX вв. Их мир и сформировал атмосферу салона на верхнем этаже. Для Фрейда же, как мне казалось, интеллектуальная история начиналась с Бюхнера, Молешотта, Дюбуа-Реймона и Дарвина.

Помимо собственно сознания, судя по моему сну, существовало еще несколько нижних уровней: необитаемый “средневековый” первый этаж, затем “римский” подвал и, наконец, доисторическая пещера. Это были эпохи сознательной истории человечества и эпохи в истории развития человеческого сознания.

В дни, что предшествовали сну, я думал о многих вещах. Я мучительно пытался понять, каковы предпосылки фрейдовской психологии и каким образом она соотносится с другими категориями человеческой мысли. При своем исключительном персонализме как она выглядит в свете универсальных концепций? В моем сне был ответ. Основные положения культурной истории представлены в нем в виде уровней сознания: снизу вверх. Мой сон, таким образом, явил собою структурную диаграмму человеческого сознания, выстроенную на обратных Фрейду безличных основаниях. Эта идея стала своего рода "*it clicked*", заклинивающей, как говорят англичане. Образы сна преследовали меня и дальше, я сам не понимал как, но они утвердились в моем сознании. Здесь впервые обозначилась идея "коллективного бессознательного", находящегося *a priori* в основе индивидуальной психики,— то, что я принял за останки примитивной культуры. Много позже, обладая уже немалым опытом и более надежными знаниями, я увидел здесь инстинктивные формы — архетипы».

* * *

Обратимся теперь к моему личному сну-видению — двойному сну, сну во сне,— которое являет собой чистый архетип; безотносительно юнгианской системы координат я назвал бы его «Духом поля», и это весьма мощный культурно-коннотированный образ.

Необъятный окоем кажется искаженным, изменчивым в мареве полуденного солнцестояния. Ни дуновения, ни ве-

терка над застывшей в дремотной тишине рожью. Раскаленный купол неба отсек иную вселенную, сверкающий колодец, наполненный расплавленным солнцем, античный цирк, грезящий о прошлом. Потревоженная шагами межевая пыль вздымается и опадает вокруг моих ног, стоячий воздух неохотно расступается, жарко овевая тело. Я оборачиваюсь и не нахожу своей тени, а затем замечаю ее, смешно растягивающуюся в ногах, расползающуюся в вертикальных потоках слепящего света. Я несколько раз подпрыгиваю, и это заставляет мою тень метаться; на мгновение оторвавшись, она снова припадает к ногам. Щеточка леса на горизонте кажется нарисованной, она дрожит и застывает; кажется, она таит в себе угрозу. В вышине, левее солнца, дрожит черной точкой какая-то птица, названия которой я не знаю. Я срываю колосок и подношу его к лицу, вдыхаю его запах; я хочу знать, как тот устроен внутри, но не могу вспомнить; что-то теснится на пороге узнавания, но так и не приходит.

Я устал, я иду слишком долго, расстояния оказались обманчивыми, даль все прибывает; в ее необозримости теряется конечная цель моего пути. Рассвет давно миновал, звенящий полдень бесконечно раздается вширь, а я все иду; пока еще не встретилось никого, кто мог бы подсказать дорогу.

Я решаю, что нуждаюсь в отдыхе. Я захожу в рожь, раздвигая колосья руками, отыскиваю место, где они растут посвободней, и ложусь, вытягиваюсь во весь рост, кладу сумку под голову. Я смотрю в небо сквозь мелкую сетку ко-

лосьев; они все время колышутся, меняя узоры, мешая осколки неба с белыми пятнами облаков.

Я делаю глубокий вдох; успокоенный сухим ароматом земли, закрываю глаза...

Щемящая нота висит в неподвижном воздухе, она нарастает крещендо, ею полнится земля; она заполняет все вокруг, рождая выворачивающий душу ужас. Я вскакиваю, пытаюсь бежать, но ноги врастают в податливое тело земли; я словно повисаю в центре огромной паутины и не могу ступить ни шага. Почти против воли я поворачиваюсь, медленно опускаясь на колени, лицом к полю, глаза на уровне колосьев. Ни дуновения, ни ветерка вокруг, поле странно неподвижно, лишь из центра по направлению ко мне идет быстрая волна: она мчится по ржи. У нее белое лицо; длинные веки прикрывают впалые глаза, белые волосы вьются за спиной; руки протянуты ко мне жестом, полным мольбы и угрозы. Вокруг все по-прежнему, лишь чуть менее четко, словно на все вдруг упала тонкая пелена пыли. Я силюсь что-то сказать, но не могу произнести ни слова, не могу даже отвести взгляда от белой одежды, от странно знакомого лица; во мне бьется ужас, скрученный в тугой жгут, он вот-вот вырвется наружу, стоит лишь чуть приоткрыться знакомым глазам...

Я просыпаюсь с бьющимся сердцем, поднимаюсь, смотрю вокруг, отряхиваю одежду. — «Не спи в поле в полдень, говорили же тебе»,— слышу я как бы со стороны свой голос. Я наклоняюсь, беру сумку и иду дальше.

Сны-архетипы: этнокультурология сна

Пристрастие к прошлому: аналитика снов

Лес растет, темнеет, его изломанная линия поднимается выше; это уже настоящий лес, плоть от плоти деревьев. Я нахожу сосны, светлые, устремленные ввысь, с ними так хорошо, они — само солнце, голубой день, смолистый воздух.

Но что-то странно меняется вокруг. Так бывает, если акварель попадает в воду. С каждым мгновением все становится менее четким, расплывается, просвечивает, словно стремительно ветшающая декорация. В следующий миг я уже понимаю, что вокруг меня — только лишь сон, что это все во сне. Я просыпаюсь со смешанным чувством облегчения и сожаления — все-таки хотелось знать, что там, за линией леса.

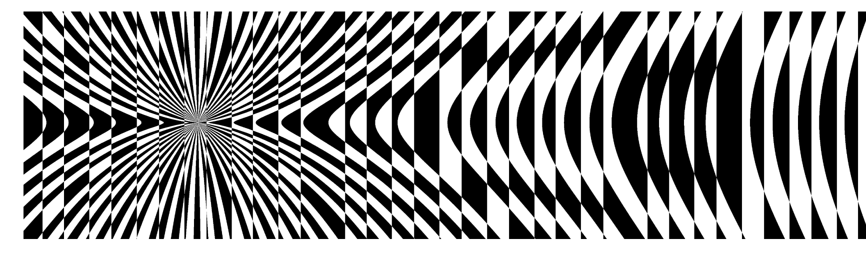
Это, как я полагаю, хороший, добротный пример архетипического сна-видения; Юнг был бы доволен мною.

Есть ли они, эти сны-архетипы?
И да и нет,— так, слышанное однажды,
общее мнение, средовой образ, печать предрассудка.
Да и зачем они?

Примечания

[1] Здесь и далее цит. по: *(Jung C.G.) Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления: Пер. с нем. И. Булкиной.— К.: AirLand, 1994.— С. 202—219.

[2] Цит. по: *(Jung C.G.) Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления: Пер. с нем. И. Булкиной.— К.: AirLand, 1994.— С. 163—166.

Другие: мелкие скучные теории

Других становится все больше и больше, но сказать о них почти нечего. Русская научная снотолковательная традиция всемерно развивает обросшую за века подробностями и противоречиями идею *естественных снов* и шаг за шагом выстраивает выхолощенный колос *нейроники сновидений*. Все основные линии — все эти диететические, мистические, патологические сны — продолжают худо-бедно развиваться, однако они уже никому не интересны: сама практика снотолкования стремительно, безвозвратно уходит в прошлое. Эти мелкие скучные теории повисают в воздухе — как результат, они удаляются в область спекулятивных книжек, они повторяют одна другую, они многократно переписываются, так что вскоре их уже довольно-таки сложно отличить одну от другой.

Удается обнаружить лишь несколько заметных теорий, ютящихся где-то в периферийных наукообразных дискурсах.

Анри Бергсон: сны — гештальт-воспоминания

Анри Бергсон (1859—1941 гг.) изложил свою теорию сновидений в докладе, сделанном им в 1902 году в Психологическом институте в Париже.

Как в свое время Мюллер и Мори, Бергсон приписывает важное значение в происхождении сновидения тем *мерцающим фигурам*, которые возникают на темном зрительном поле при закрытых глазах: «Зрительная пыль, данная нашему восприятию, составляет тот материал, из которого возникает сновидение». Кроме этой «зрительной пыли», материал сновидений дается раздражениями, исходящими из внешней среды и изнутри организма. Однако, по мнению Бергсона, материала еще недостаточно для образования сновидений. Истинный творец сновидения — *воспоминание*. Наши воспоминания сообщают материалу «зрительной пыли», материалу внешних и внутренних раздражений ту форму, облекаясь в которую этот материал становится сновидением. «Во сне в собственном смысле этого слова,— пишет Бергсон,— во сне, захватывающем нас целиком, всегда воспоминания, и только воспоминания, ткут наши сновидения».

По Бергсону, во время бодрствования несколько воспоминаний, относящихся непосредственно к тому, чем занято в данный момент сознание, оттесняют в глубь психики множество воспоминаний, не имеющих отношения к господствующему интересу. Оттесненные «воспоминания-призраки» пре-

бывают в глубине психики, не имея доступа на поверхность. Но вот наступает сон — который, по Бергсону, есть не что иное, как следствие утраты интереса к окружающему. Тогда приоткрывается «крышка», преграждающая «воспоминаниям-призракам» выход наружу. Они устремляются на поверхность сознания, и те из них, которые имеют ассоциативное сродство с мерцающими фигурами темного зрительного поля, с раздражениями, притекающими извне и изнутри организма, с общим чувственным тоном данного момента, обретают образ и цвет, превращаются в сновидения. «Когда произойдет это соединение воспоминания и ощущения,— говорит Бергсон,— мы будем иметь сновидение».

Бергсон указывает на сходство механизма сновидения с механизмом нормального восприятия в том отношении, что в обоих случаях материал нашего восприятия есть ничтожная часть по сравнению с тем, что дается нашей памятью. Экспериментальные исследования Гольдшейдера и Мюллера показали, что при кратковременной экспозиции знакомых слов, написанных с ошибками и пропусками, испытуемые воспринимали эти слова и прочитывали их без затруднения так, как если бы в них не было ни ошибок, ни пропусков. Бергсон ссылается и на опыты Мюнстерберга: написанное слово экспонируется в течение ничтожного отрезка времени, недостаточного для того, чтобы оно могло быть прочитано целиком. При этом испытуемому говорят на ухо слово совершенно другого значения, не имеющего ничего общего с экспонируемым словом. Испытуемый произносит при этом не то слово, которое было напи-

сано, а другое, похожее на него, но напоминающее своим значением слово, сказанное ему на ухо.

Такую же роль играет память и в сновидениях, преобразуя и пополняя материал, доставляемый раздражениями.

В чем же, однако, заключается, по Бергсону, различие между сновидением и восприятием в бодрствовании? В том, что сновидение есть следствие утраты интереса к окружающему нас миру, к реальной действительности. «Спать — это значит потерять интерес»,— говорит Бергсон. Мы не спим по отношению к тому, что продолжает нас интересовать. Тут Бергсон приводит известный пример раппорта между спящей матерью и больным ребенком. Бодрствовать и хотеть — одно и то же.

Из этой утраты интереса к действительности проистекает, по Бергсону, ослабление душевного напряжения, являющегося необходимым условием восприятия в бодрствовании, соответствия его действительности. Автор рассказывает о своем сновидении: он произносит политическую речь, в зале начинается шум, раздаются ритмические выкрики: «Вон! Вон!» Он просыпается и слышит лай собаки. Чтобы, услышав лай собаки, распознать его именно как собачий лай, требуется некоторая работа, усилие. В состоянии бодрствования происходит выбор и исключение множества ощущений и воспоминаний, не соответствующих данному восприятию. Между тем, в сновидном состоянии никакой работы нет. Сновидение связано с отсутствием всякого усилия, всякой работы. Отсюда и его бессвязность: «...К одному и тому же ощуще-

нию могут подойти очень различные воспоминания». Поэтому в сновидении образ зеленого лужка может превратиться в биллиардный стол. Отсюда и отсутствие чувства времени. В состоянии бодрствования внимание к внешней жизни регулирует последовательность наших переживаний; она играет роль как бы маятника в течение нашей психической жизни. В сновидении нет этого маятника. Для сновидения характерна значительность случайных, в действительности незначительных, впечатлений. Это объясняется тем, что «я», которое грезит, это «я» с ослабленным психическим напряжением; воспоминания, собираемые им,— это воспоминания не концентрированного, а рассеянного внимания, воспоминания, не отмеченные печатью усилия.

Что же такое, по Бергсону, память, которая как раз и служит, согласно его утверждению, источником сновидений? Сознание, по Бергсону, может существовать в различных планах. В одном крайнем плане сознания, который представляет собою наибольшее удаление сознания от действия, от реальной действительности, мы имеем дело с «чистым воспоминанием».

В другом противоположном крайнем плане сознания воспоминание соединяется с восприятием для перехода в действие, которое осуществляется телом: «...Одно и то же явление душевной жизни,— пишет Бергсон,— может одновременно затрагивать несколько различных планов сознания, каждый из которых намечает собой одну из промежуточных ступеней между грезой и действием; в самом последнем из этих планов, и только в нем, выступает на сцену тело».

Другие: мелкие скучные теории

Пристрастие к прошлому: аналитика снов

Сновидение, по Бергсону, характерно для плана сознания, в котором преобладает дух. «...Если наше прошлое,— говорит он,— остается почти целиком скрытым от нас, ибо нужды теперешнего действия налагают на него свое veto, то оно опять обретает силу переступить через порог сознания во всех тех случаях, когда мы отрешаемся от интересов нашего практического действия и переносимся, так сказать, в жизнь мечты. Сон, естественный или искусственный, несомненно, вызывает отрешение этого рода».

Бергсон усматривает в состоянии сна разрыв не только между организмом и средой, но и между «телом» и «духом»; романтизируя сновидение, он говорит: «...В надежде больше прелести, чем в обладании, во сне — чем в реальности».

Итак, согласно Бергсону, в сновидении мы переносимся в царство «чистого воспоминания», в «царство духа»; воспоминание в сновидении относится к раздражению, поступающему из внешней среды или изнутри организма, так же, как «душа» Плотина, как «идея» Платона относится к избранному ею телесному образу. Память, восприятия, представления — все это отнюдь не продукт мозговой деятельности, все это проявление «духа».

Вашид: сны эмотивны

Вашид возвращается к старой картезианской и кантианской идее о том, что сна без сновидений не бывает. При внезапном пробуждении спящего всегда можно убедиться в том,

что ему что-то снилось. Вашиду справедливо возражают, что самый акт пробуждения, как и всякое внешнее раздражение, может сам по себе послужить источником сновидения, толчком к его возникновению — как это чаще всего и бывает в тех сновидениях, которые мы запоминаем.

Свои выводы Вашид формулирует в трех положениях:

— для сновидного мышления характерны гипермнезия и парамнезия;

— сновидения запоминающиеся — это обычно сновидения, связанные с засыпанием или пробуждением; сновидения глубокого сна влияют лишь на подсознательную основу эмотивности;

— образы сновидения и воспоминаний нередко смешиваются.

Пробуждение — не постепенный переход от сна к бодрствованию, а своеобразное колебание (*осцилляция*), в котором состояния внимания и рассеяния, чередуясь, следуют одно за другим и взаимно влияют одно на другое.

Общий элемент всяких сновидений — эмотивность, всегда сопровождающая гипнагогические галлюцинации, образы и движения нашей сновидной жизни, эмотивность интенсивная, обусловливающая те особенности сновидения, которые отличают его от бодрствования.

Вашид подытоживает: «Причиной специфических процессов сновидения нам представляется “одухотворение”, ...элемент абстракции и элемент эмотивности составляют существенные свойства всякой онейрической галлюцинации». «Мы

думаем,— говорит он далее,— что образы и ощущения сновидения представляют самый совершенный пример законченного психического процесса. Образ не может больше развиваться: он пришел к определенному концу, к самой причине абстракции; он стал эмотивным, благодаря особенностям мышления во сне. Этот психологический феномен, при котором автоматически и самопроизвольно освобождается эмотивность, взрывает препятствия социальных условий и индивидуальной психики, чтобы завершиться в определенных образах».

Санте де Санктис: сновидения интуитивны

Санте де Санктис различает два рода деятельности сознания, которые он обозначает как *бодрствующее сознание* и *сознание сновидное*; они находятся между собой в определенной диспозиции.

Сновидное сознание подвержено колебаниям в смысле различной степени его глубины. Его уровень можно графически изобразить в виде волнообразной линии, подъемы которой соответствуют снижениям кривой бодрствующего сознания, а снижения, напротив, подъемам бодрствующего сознания.

В сновидениях сохраняются, в известной мере, логика, критика, воля и пр., особенно при сближении кривых обоих видов сознания. То, чего всегда недостает в сновидении,— это психическая непрерывность, поэтому в сновидении нет автономного «я».

В моменты крайнего расхождения обоих видов сознания сновидное сознание полностью освобождается от контроля бодрствующего сознания и находится в подлинно творческом состоянии (мистический экстаз, интуиция и т. п.).

Сновидение — самый верный источник познания природы человека, его мыслей и желаний, его более или менее сознательных стремлений.

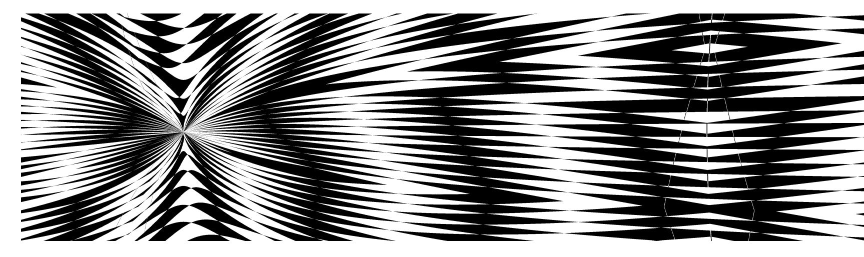
Субъективное различение сновидного и бодрствующего сознания связано, как утверждает Санте де Санктис, со способностью различения «я» и «не я». Начало отмечаемой субъектом сновидной деятельности означает начало оформления самосознания. Сновидное сознание оформляется тем раньше, чем выше умственное развитие ребенка. В молодости сновидное сознание деятельнее, чем в старости; у стариков, следовательно, сновидения реже, чем у молодых.

Почему одни переживания оживают в сновидениях, а другие нет? Санте де Санктис считает, что в связи с уменьшением психического напряжения во время сна подсознательные элементы, связанные с прошлым или настоящим, освобождаются и образуют преходящие психические связи. Новая связь, вследствие присущего ей эмоционального тона и в связи с содержащимися в ней кинестетическими элементами, тотчас же получает новое напряжение, благодаря которому и осуществляется в сновидном сознании.

Далее он пытается объяснить сущность тех затруднений, которые мы испытываем подчас при передаче содержания сновидения и которые вынуждают нас прибегать к помощи

символических выражений. Добрая часть подсознательного или сознательного опыта никогда не облекается в форму — ни словесную, ни зрительную. Это «утренняя заря» мысли, это интуиции, которые никогда не будут реализованы. Другая часть опыта хотя и была облечена в пригодную для выражения форму, но сама форма в подсознании подверглась глубоким превращениям («износу», пополнению, искажению, диссоциации). Наконец, есть еще другая, большая часть опыта, которая в подсознании хорошо закрепилась в образах, но не может появиться в сновидении в своей обычной форме, так как попадает в совершенно изменившуюся к данному моменту психическую констелляцию. В этой констелляции господствует множество образов, которые возникают в связи с наличными раздражениями. Всплывающий подсознательный опыт должен, чтобы появиться в сновидном сознании, приспособиться к непривычному окружению, по крайней мере замаскироваться, используя в качестве символов заимствуемые с помощью ассоциаций наличные образы.

Странно — но этих, недавних, других
мы помним плохо —
и все основательнее их забываем, день за днем;
Гераклит, выходит, ближе Бергсона.
Или так и должно быть?

От патристики к реалиям: мультипликация одного сна

Очевидно, что сновидение является производным от общей направленности и параметров социопсихических структур; то, чем изо дня в день обыденно, повседневно заполнено сознание, играет большую, даже определяющую роль в нашей сновидной жизни.

Каждый раз мы видим другие сны — ведь настоящее постоянно отмирает, и мы наступаем на самый край безбрежного, безмятежного пока что грядущего, и наши сны следуют за нами; их нескладные фигуры, бредущие подле, но всегда чуть позади, хорошо видны со стороны.

**Мы не можем увидеть те сны,
которые однажды уже
были увидены,
даже если это было только вчера.**

Да, мы видим реликтовые, античные, готические и прочие сны — но это *наши* реликтовые, *наши* античные, *наши* готические сновидения,— и это совсем не те сны, которые видели люди в Античности, Средневековье и т. п.; они закрыты для нас навсегда.

Заглянем в «Онейрокритику» Артемидора: «*Одной женщине приснилось, что у нее на груди растут колосящиеся стебли пшеницы и, изгибаясь книзу, уходят внутрь ее чресел. Случилось так, что, сама того не зная, она вступила в связь с собственным сыном, а впоследствии, узнав об этом, покончила с собой. Хлебные колосья означали сына; то, как они входили в нее, означало совокупление с ним; а смерть ей предвещали проросшие из ее тела стебли, потому что они растут из земли, а не из живых тел*».

Мы *не можем* увидеть такой сон — во-первых, подобное явление нам культурно чуждо (растение *не может* произрастать на теле человека, это знают даже дети); во-вторых, *хлебные колосья, уходящие внутрь бедер,*— это культурно нагруженная символика, давно уже неактуальная для нас; в-третьих, ситуация инцеста, тем более в подобной паре,— абсолютное табу, да это и просто невозможно: даже если предположить, что мать — в силу каких бы то ни было причин — не знает своего сына, то они, в силу заселенности современного мира, обязательно будут разнесены территориально (не говоря уже о возрастных и прочих ограничениях).

**Сонники недолговечны:
они, как правило, ветшают
уже в голове составителя.**

Мы не можем воспользоваться упомянутым сонником Артемидора, мы не можем обратиться к снотолковательной традиции патристики; опыт блаженного Августина или Гвиберта Ножанского для нас — пустой звук. Сомнамбула — сейчас это, в общем-то, инвектива. Мы подчас уже не понимаем Фрейда, почти современника,— другая культура, другая психика, другая сексуальность. Видения Юнга — а он жил только вчера,— нас смешат: мода на йогу прошла почти бесследно; его же сновидные метания по поводу героического идеала Германии — для нас нелепы и даже раздражают.

**Любой сонник — ключ;
мы же утратили то вместилище,
для открывания которого
он был предназначен;
мы утратили тот мир,
и мы теряем этот —
каждый час, всякий день,
год за годом.**

* * *

С культурно-средовыми особенностями связан и *модус подачи* — а с ним и характер обращенных к пониманию сновидения, его толкованию — вопросов, которые определяют саму стилистику интерпретации, начиная с выбора того или иного «метода».

На протяжении веков меняется язык сновидения, а точнее — язык пробуждений.

Что сохраняется в памяти по пробуждении? Какие модусы ощущений избирательно запоминаются — фон, предмет, чувства, картины, фразы, прочее? Каков принцип этого выбора? Что и как потом встраивается в структуры речи, облекается в этически приемлемую стилистику, какими жестами допустимо приоткрыть интимный мир сновидения?

Давайте попробуем взять пример сновидения — реального, живого, одного из сотен и тысяч моих сновидений — и последовательно истолковать его в духе, например, Артемидора, патристики, дю Преля, Фрейда, Юнга, в физиологическом модусе, а также в духе современных техник, хотя бы психометодологии; мы получим абсолютно разные содержания — более того, это будут уже совершенно разные сновидения.

Выберем один такой сон — который, разумеется, лишен каких-то исключительных, специальных примет эпохи; спер-

ва я опишу его обычным языком (так, как говорю я), а затем мы последовательно посмотрим, как он был бы *описан*, *толкуем* и, наконец, *объяснен* на *архаический*, *готический*, *эзотерический*, *аналитический*, *физиологический* и, наконец, *психометодологический* лад.

Мне снится, что мы бесконечно поднимаемся по очень крутой, почти отвесной, вроде бы покрытой льдом скале, близко к вершине которой виднеется ледяная же пещера. Ожидание неведомого и страх падения.

Античное истолкование:

описание: видеть во сне подъем;

толкование: поиск сна-прецедента — и при этом сна сбывшегося, а затем истолкование по неким формальным критериям, как-то: обыденная, общепринятая символика действий, поступков, событий, происходящих во сне, рассуждение, следование здравому смыслу;

объяснение: смотря по исходу сна, хотя подъем — это успех.

Средневековая экзегетика:

описание: и заснул, и увидел во сне: вот, сверкающая хрустальная скала вздымается ввысь, и верхушка ее касается неба; и вот, на скале той зияет пещера; и, испросив Бога, решил восходить, и, не пройдя половины, убоялся, и устрашился падения, и остановился, и хотел сойти; и было видение: вот, растерзанный, разбитый лежит у подножья скалы; и стал молитвой просить у Бога о спасении;

толкование: восхождение как символ означает хорошее, но следует опасаться гордыни — кто ты, чтобы получать сны от Бога? Не на соляной ли столп взойти собрался? Не Вавилонскую ли башню видишь во сне своем? Не диавольское ли искушение сон твой?

Объяснение: скорее-таки дьявольское искушение; молись о прощении и об отпущении грехов твоих.

Эзотерическая интерпретация:

описание: одному приснилось, что посреди равнины стоит гигантская ледяная скала; он хочет взобраться на нее, но постоянно соскальзывает, испытывая страх падения;

толкование: поиск физиологических коррелятов, вызывающих характерные сновидные образы (подъема/падения, холода и другого), сопряженный с дискурсивным фреймом о трансцендентальной мере времени, например;

объяснение: у сновидца соскользнуло одеяло, что вызвало ощущение *соскальзывания с ледяной поверхности*.

Физиологическая трактовка:

описание: снится — поднимаюсь по отвесной обледеневшей скале, боюсь сорваться;

толкование: поиск в ближайшем, а затем во все более отдаленном прошлом случаев падения (не только с высоты, но и на горизонтальной ледовой поверхности, тонкости не важны), с учетом физиологических особенностей сна (положение тела, температурный режим и прочее);

объяснение: этот сон может быть объяснен физиологически — ранее была сформирована патологическая доминанта, связанная с пережитым падением на льду, например.

Психоанализ:

описание: сон от такого-то числа; предыстория; такому-то снится, что он с кем-то конкретным (обязательно) долго поднимаются по очень крутой, практически отвесной ледяной скале; вблизи от вершины сновидец замечает черное углубление-отверстие ледяной пещеры, при этом он испытывает волнение в ожидании неведомого и одновременно очень боится упасть;

толкование: бесконечное выяснение подробностей сна, его многократное прослушивание, уточнение деталей; долгое, скрупулезное выявление и интерпретация ассоциаций, с привлечением сновидной символики — а здесь она представляется исключительно сексуально насыщенной, длинная борьба за признание сексуального подтекста этого сновидения самим сновидцем;

объяснение: это эротический сон; скорее всего, он связан с ощущениями, испытываемыми во время поллюции.

Юнгианский анализ:

описание: и тогда ему приснился сон, в котором он совершал подъем по величественной, сверкающей льдом скале, крутой, почти отвесной; вверху виднелась таинственная пещера; он еще не знал тогда, что это должно означать; чувст-

во неведомого, ожидание встречи с ним захлестнули его; одновременно с этим он страшился падения;

толкование: долгий поиск кросс-культурных аналогий, далекие и натянутые культур-философские ассоциации, медленный подбор довольно произвольных архетипов с конечным выбором-озарением; последующая обработка с наделением сновидения некими пророческими функциями;

объяснение: в сновидении был представлен архетип — «Самости» например.

Психометодология:

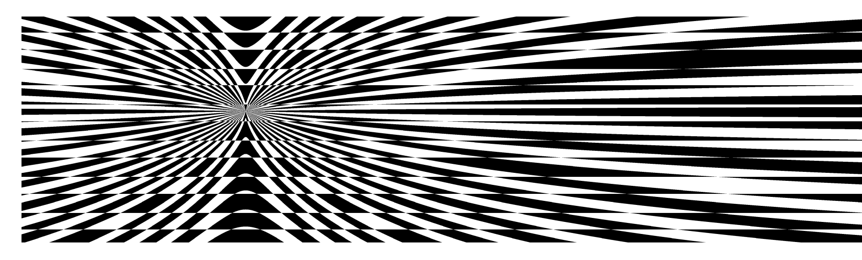
описание: использование естественного, нативного языка [сновидца];

толкование: поверхностный ассоциативный анализ — для исключения случайных образов, идеом, а затем — приложение мнестических техник, применение гностических (соотнесение в континууме «мифологема — эпистема») и темпоральных приемов и прочего;

объяснение: это типовое реликтовое сновидение.

* * *

Таковы реалии снотолкования. Оно все еще далеко от совершенства. Но, главное, каждый толкователь бесконечно далек от тебя. Только ты сам можешь понять свои сны. И тогда ты увидишь их все, сразу,— твои реликтовые, архаические, готические, трансцендентные, повседневные, архетипические сны,— это и будешь ты сам.

P. S. Сомниология в пространстве психоического дискурса. Контексты

Каково место снотолкования, на научный лад его можно было бы назвать *сомниологией*, в системе координат психоического дискурса, дискурса о психическом, во всем многообразии его проявлений? Каковы перспективы снотолковательной практики? Что говорят об этом современные техники, например *психометодология*?

Очевидно, что сомниология — отнюдь не регламентированная отрасль научно-медицинского знания; но она, при всей неопределенности и разноплановости толковательных традиций, признается некоей обобщенной практикой.

Имеют ли сны значение? — Да, безусловно.

Прежде всего, они могут свидетельствовать об изменении характера самого сна,— это важно для неврологии, неврозологии, «большой» психиатрии. Далее, их тональность может иметь определенное диагностическое значение —

речь идет о снах-кошмарах, о сновидениях с повреждениями функций тела и органов, о сновидениях страха и боли, о повторяющихся и серийных снах, об эротических сновидениях, даже о сновидениях-полетах и некоторых других; сны диагностичны — так считается в эпилептологии, разных ветвях психиатрии, хотя и не совсем официально. Сны также раскрывают содержание переживаний сновидца, что имеет значение для психологии-психотерапии, особенно психоаналитически-ориентированных вариантов и психометодологии. Наконец, определенные психопатологические состояния именуются «сновидными», по сходству переживаний-ощущений.

Итак, каковы же контексты сомниологии,— ее диагностический, психопатологический, психотехнический, эротический и прочие контексты?

* * *

Что касается диагностического значения сновидений, то здесь мы наблюдаем характерную редукцию, низведение значений и смыслов любых снов до патофизиологических интерпретаций.

Так, например, в поле представлений физиологической традиции сновидения *с изменениями головы* полагаются вызванными *головной болью*; практику распознавания — правильнее будет назвать ее диагностикой — локализации, интенсивности и характера этих болезненных ощущений, на основании анализа содержания сновидений, следует признать довольно изощренной.

Полагается, что в случае наличия головной боли в сновидениях часто отмечаются стойкие зрительные сцены, связанные с ношением неудобного или безобразного головного убора, а также странные прически, лысины, изменение формы головы, ношение тяжести на голове и другие, как правило неприятные, сцены, связанные с головой.

Взглянем на подобного рода сновидения — нас интересует прежде всего их интерпретация[1]: все они, повторю, считаются вызванными головной болью, невзирая на их тематику, сюжет, испытываемые ощущения / чувства и прочее.

«В ночь на 17/III 1956 г. я имел сновидение, в котором "...шел по доске, на ней лежала лобная часть головы с живыми глазами, смотрящими на меня, лоб желтого цвета. Затем все это превратилось в полужидкую желтую массу неприятного вида". При пробуждении побаливала голова в лобной части, было давление в глазах».

«Н. в ночь на 20/X 1950 г. в одном из сновидений видел людей с резко удлиненными головами. Во время пробуждения ощущал легкую боль в волосистой части».

«Иногда в сновидении при головной боли бывают необычайные сцены. Так, например, в ночь на 20/IV 1956 г. в одном из сновидений "...я видел человека, у которого было пять голов с черными волосами". А при пробуждении ощущал боль в волосистой части головы».

Контексты

«Т. в ночь на 14/V 1950 г. имел сновидение, в котором "...много людей сидело полукругом вокруг него, особенно ясно выделялись головы с очень черными волосами. Эти головы покачивались в такт из стороны в сторону, как будто сожалея о его участи". Когда, проснулся, то ощущал боль в волосистой части головы».

Если головная боль имеет значительную выраженность, то в сновидениях чаще появляются зрительные сцены, связанные с заболеваниями или повреждениями головы.

«В ночь с 4 на 5/IV 1955 г. сон был тревожный, часто просыпался и каждый раз ощущал головную боль или тяжесть в теменной, лобной и затылочной областях. Сновидений было много, и все они яркие. В одном сновидении "я находился на родине в Казахстане, день был солнечный; лежал на спине, в руках держал и рассматривал отделенную лобно-теменную часть своей головы, которая походила на часть срезанного арбуза. В отделенной части ясно видел срез головного мозга соответствующей конфигурации, сероватого цвета. Затем прикладывал отделенную часть к голове, при этом кончиками второго и третьего пальцев правой кисти ощущал места соприкосновения частей головы, проходящие от верхней части лобной к верхней части затылочной области. Части головы хорошо подошли одна к другой и срослись, не вызывая каких-либо нарушений функций головы. Думал: как странно, что так легко можно присоединить одну часть головы к другой". Когда проснулся, то

в комнате было душно, лежал на спине, болела голова в лобно-теменной области, именно в той части, которая в сновидении отделялась. В кончиках второго и третьего пальцев правой кисти была парестезия очень легкого ноющего характера. В эту ночь еще было пять сновидений, в которых имелись назойливые зрительные сцены, связанные с головой. В одном видел товарищей в больших черных папахах; в другом, как и в первом сновидении, была сцена с отделением части головы, в третьем "ходил с подушкой на голове и даже ощущал ее тяжесть", в четвертом "участвовал в войне, видел казаков в больших черных папахах и лысого командира своей части", в пятом видел "своих братьев и соседей по квартире с пышными, но небрежными русыми прическами". И во всех случаях при пробуждении были головная боль и другие неприятные ощущения».

Сновидные сцены, связанные с головой, часто носят повторяющийся, даже непрерывный характер: они упорно появляются в нескольких сновидениях одной ночи, до тех пор пока имеется головная боль, и исчезают, как только она проходит.

И еще одно сновидение — его картины прямо-таки из какого-то бестиария. Однако это все та же головная боль.

«К. в ночь на 6/XII 1958 г. имел сновидение, в котором "...один из его знакомых был избит, голова в крови, привязан волосами к висящему металлическому канату, по которому его передвигали". При пробуждении были тянущая боль в волосистой части головы и головокружение».

Контексты

Таким образом, сновидения с картинами изменений головы — это всегда тривиальное следствие головной боли; эта констатация позволяет считать их диагностическими.

А вот другой пример: «Мы наблюдали несколько человек, которые определенно утверждали, что появление сырого мяса и особенно его еда в сновидениях предвещали болезнь». И далее: «У одного из таких лиц мы записали несколько десятков подобных сновидений. Из расспросов этого человека выяснилось, что еще в детстве он часто слышал от отца и матери рассказы о том, что видеть сырое мясо — к болезни. Будучи впечатлительным мальчиком, он и тогда уже обратил внимание на это явление, следовательно, и тогда уже образовалась условно-рефлекторная связь болезни с сырым мясом. В юности ему пришлось длительно болеть, и в это время он видел часто сновидения неприятного характера, в них вначале редко, а затем все чаще и чаше стали появляться зрительные сцены сырого, кровавого мяса, его еда, и дело дошло до того, что еще вечером перед сном он уже боялся увидеть во сне сырое мясо, так как за подобными сновидениями всегда следовало ухудшение состояния здоровья. В этом примере вначале непрочная связь зрительного образа мяса с заболеванием в состоянии бодрствования была внушена окружающими лицами, затем, случайно появившись первый раз во время заболевания, стала закрепляться самим больным и, надо отметить, закрепилась настолько прочно, что всю последующую жизнь при заболеваниях у него появлялись в сновидениях зрительные сцены, связанные с сырым мясом».

***

Хотя сегодня вопрос об отношении сновидения к галлюцинаторным переживаниям и не актуален, но клиника галлюцинаторных расстройств довольно тесно соприкасается с измененным характером сновидений, и некоторые психопатологические синдромы носят названия «сновидных», или «онейроидных».

«В тот момент, когда его плоть стала сминаться, разбрызгивая жидкую кровь и разрываясь на неравные части, где-то вдали, впереди от его лица, тонко закричали женщины-волки. Он закричал в ответ, и боль отступила, и он успел подумать, что одиночество его прошло. Ему надо было позвать их раньше, и тогда ему не понадобилось бы столько боли...

Его хрустальный, звенящий, серебряный мир делал его одиноким. Его друзья умирали рано. Его дети еще не рождались. Его женщины ходили за ручки с мамами, запрокидывая кукольные лица и вбирая серьезными глазами прозрачные осени и влажные зимы. Он жил долго, потому что года были большими, месяцы сменялись медленно, и каждый был по-своему совершенен. Дни были просто огромны, а когда они начинали убывать, удлинялись ночи.

Его плоть сминалась, рвалась на куски, попадая в лица раздевавших его, заливая их руки красным, а они ничего не замечали, только отводили глаза. Они были так заняты им, что не заметили, как за их спинами поднялось слишком красное солнце, и выдавило квадратики стекол, и наполни-

ло комнату, обездвижив лежащих, и сияло, отчего их лохматые головы стали казаться темными злыми пятнами.

Когда он умер, о нем сделали запись в журнале наблюдений.

Наутро он проснулся и увидел, что солнца уже нет, и подумал, что оно схлынуло, ушло совсем, и только потом заметил, что оно пенится в банке на подоконнике и плещется в медленных глазах других.

Ему принесли передачу, но сердито, ведь вчера он доставил столько хлопот, и покормили с ложки, так как он все еще был привязан, что было плохо, но не через зонд, как обещали накануне, и это было хорошо. Потом он долго елозил по койке, боролся с руками, пытаясь порвать тягучие чулки, и незаметно уснул, и был развязан.

Его показали студентам, и те брали его руку и отпускали, и она парила, что их удивляло, а учителя радовало, так как ему удалось продемонстрировать каталепсию.

Когда он получил достаточно прозрачных уколов, а потом цветных таблеток и его ягодицы стали жесткими, как сиденья трамвая в его детстве, он стал как все, лишь иногда его лицо смешно кривилось.

Наконец его отпустили, и он пошел домой, чувствуя себя все более одиноким».

* * *

Как бы то ни было, но некоторым снотолковательным практикам — практикам конфронтирующим и жестко регламентированным — удалось добиться некоего, довольно условного,

научного признания: они попросту были встроены в инструментальный психотехнический аппарат различных видов психотерапии. Наиболее известными из них являются *психоаналитические интерпретации сновидений*, *физиологическая снотолковательная традиция* и *психометодологическое истолкование снов*.

Психоаналитические интерпретации — которые были подробно рассмотрены выше — очень интересны и притягательны; эта своеобразная манера толкования вообще заразительна. Обратимся к Фрейду; он говорит[2]: «Я привожу здесь подробно... сновидение моей пациентки, в котором выделяю все, имеющее сексуальный смысл. Прекрасное, на первый взгляд, сновидение совершенно перестало нравиться моей пациентке после его толкования».

Предварительное сновидение: «Она идет в кухню к двум служанкам и бранит их за то, что они не могут справиться "с такими пустяками". Она видит в кухне на столе множество всевозможной посуды. Служанки идут за водой и должны для этого погрузиться в реку, доходящую до дома или до двора».

Главная часть (ее жизнь): «Она спускается вниз (высокое происхождение) и перелезает через какие-то странные ограды, или заборы, сплетенные из сучьев в виде небольших квадратов. (Сложный комплекс, объединяющий два места: чердак дома ее отца, где она играла с братом, объектом ее

позднейших фантазий, и двор дяди, который часто ее дразнил.) Они, в сущности, вовсе не приспособлены для лазания: она все время ищет, куда ей ступить ногой, и радуется, что нигде не цепляется платьем и что имеет все же приличный вид. (Желание, контрастирующее реальному воспоминанию о дядином доме, где она ночью, во сне, часто сбрасывала с себя одеяло и обнажалась.) В руках (как ангел — стебель лилии) у нее большой сук, похожий на целое дерево: он густо усеян красными цветами, ветвист и велик (невинность, менструация, дама с камелиями). Она думает почему-то о цветах вишневого дерева, но нет, цветы похожи на махровые камелии, которые, правда, на деревьях не растут. Во время лазаний у нее сперва один сук, потом два и затем опять один (соответственно нескольким лицам, объектам ее фантазии). Когда она добирается донизу, нижние цветы уже почти все опали. Внизу она видит слугу: у него в руках такой же сук, и он его как бы "чешет", то есть деревяшкой соскабливает густые пучки волос, которыми он порос, точно мхом. Другие рабочие срубили несколько таких сучьев в саду и выбросили на улицу, где они и лежат; прохожие забирают их с собой. Она спрашивает, можно ли ей взять такой сук. В саду стоит молодой человек (совершенно незнакомый ей, чужой); она подходит к нему и спрашивает, как пересадить такие сучья в ее собственный сад. (Сук, сучок издавна служит символом пениса.) Он обнимает ее, но она сопротивляется и спрашивает его, какое право имеет он так с ней поступать. Он говорит, что он

вполне вправе, что это дозволено. (Относится к предосторожностям в брачной жизни.) Он заявляет ей о готовности пойти с ней в другой сад, чтобы показать ей, как нужно пересаживать, и говорит ей что-то, чего она толком не понимает: мне и так недостает трех метров (впоследствии она говорит: квадратных метров) или трех клафтеров земли. Ей кажется, будто он потребует у нее награды за любезность, будто он намерен вознаградить себя в ее саду или же обойти закон, извлечь для себя выгоду, не нанося ей ущерба. Показывает ли он ей потом что-нибудь, она не знает».

Физиологическая традиция не останавливается на пассивном толковании сновидений — толкованиях на один особый лад сотен и тысяч разнообразных сновидений — и для утверждения своих идей проводит разнообразные — впечатляющие, но малоубедительные — эксперименты с вызванными сновидениями, о которых будет сказано чуть ниже.

Вот образчик физиологического толкования сновидений, связанных с видением умерших родственников; приведу его дословно.

«П., перенесшая микроинфаркт миокарда во время похорон мужа на кладбище, в последующем при сердечных расстройствах часто видела в сновидениях кладбище, на котором покойники, а чаще муж, хватали ее за область сердца. В этом случае начало сердечного заболевания связалось со зрительными сценами кладбища, покойника, и в последую-

щем при сердечных расстройствах во время сна в сновидениях по условно-рефлекторным связям появлялись эти сцены».

Очевидно, что это толкование довольно бесцеремонным образом игнорирует все иные мотивы сновидения, кроме физиологических.

Вот еще один пример.

«...В сновидении "...я видел малознакомых людей, среди них один слепой, веки у него закрыты. Окружающие его люди говорят, что он может босыми ногами находить целебные источники. Одет слепой небрежно, в серый рваный костюм с заплатами на коленях и бахромой внизу. На голове старая кепка. Стопы у него очень большие, запачканы грязью. Ходит он по грязной земле, местами покрытой снегом. То он подходит, то уходит от родника, как будто нащупывая ногами направление. Затем заходит в воду родника, ясно вижу уродливо изогнутую подошву его правой стопы. Я думаю, что он может простудиться. Моя правая стопа тоже оказалась в роднике, вынимаю ее из воды, пытаюсь переобуться, ясно вижу подошву своей правой стопы, на ней комком сбился мокрый носок, пробую отогреть ее, тру правой кистью, при этом начинаю ощущать тепло в правой стопе. Затем нахожу бурки и переобуваюсь в них, но не могу найти носки, а бурки оказываются малы, не могу надеть их на ноги". При пробуждении была ноющая с теплом болезненность в стопах и голенях, в подошве правой стопы легкое жжение, в правой кисти ощущение теп-

ла, во всем теле неприятное ощущение, чувство тяжести в голове, в веках — ощущение, похожее на онемение».

А вот интерпретация этого сна: «Попытаемся разобрать данное сновидение несколько подробнее. Сравнивая самочувствие при пробуждении и образ слепого в сновидении, нетрудно заметить, что мои ощущения своеобразным путем проявились в сновидении видом слепого. А именно, неприятные ощущения в голове и теле проявлялись небрежным головным убором и одеждой, ощущение онемения в веках — слепотой его. Раздражение в ногах выразилось измененной формой стоп, сценой хождения его по снегу и грязи, вхождением в воду родника. Все это дополнилось сценой с собственными ногами, особенно с правой стопой (попадание ее в родник, отогревание ее и последующее переобувание).

В этом сновидении заметен интересный факт: в начале сновидения слепой ходил по земле, покрытой снегом, затем заходил в воду родника, моя правая стопа тоже попадала в родник, и я пытался ее отогреть растиранием. Такая сцена могла быть только при ощущении холода в стопах, особенно в правой, что, вероятно, и было в тот момент сна. Затем в стопах появилось ощущение тепла, проявившееся сценой отогревания правой стопы и переобувания в теплую обувь. Это сновидение интересно и в том отношении, что позволяет проследить изменение ощущений в организме во время сна и судить даже о тех кратковременных ощущениях, которые к моменту пробуждения исчезли».

Контексты

Психометодология подразумевает особую роль памяти в сновидении,— а именно различных этапов чувственных впечатлений, возможно, родящихся с культурными типами,— какими мы представляем их сейчас. Поэтому *реликты*, *архаика*, *готика*, *трансцендентность*, *символика* снов — реальность. Они действительно таковы, но каждый из них помножен на примененный, приложенный к нему метод — стилистика изложения-описания сна, способ интерпретации, манера объяснения.

Однако психометодология имеет и свои сны — это те сны, в которых смешение [восприятий] реальности происходит на уровне подсознания.

«Бытовой вроде бы сон — у какого-то амбара стоит фургон с мукой; вроде бы его разгружают, во всяком случае двери фургона с тыла распахнуты, вокруг белая, какая бывает при разгрузке муки, пыль. Вхожу в этот амбар. Вижу какие-то шкафчики: раскрытые дверцы, верхняя полочка; они то ли железные, то ли каменные. Чувствую необходимость попасть куда-то, проникнуть, добраться. Пытаюсь войти в вещество, в плотную стенку в ячейках этого шкафчика, почувствовать его внутреннюю структуру, строение материала. У меня вроде бы получается; вхожу в предмет».

И другой, похожий, сон.

«Хочу преодолеть живую изгородь между участками возделанного поля (?). Вижу дренажную канаву, уходящую в небольшую дыру в изгороди. Внезапно я превращаюсь в ма-

ленькую серую крысу. Протискиваюсь сквозь канавки. Желание устремиться вперед».

* * *

Не вызывает сомнений тот факт, что сновидение эротично,— и это отнюдь не постулат Фрейда. Приведу всего два эротических сна — и они сильно отличаются от тех сексуальных снов, которые демонстрирует психоанализ.

«Я — среди леса, в его сердцевине, в глухом бору; сижу на чем-то мягком, напоминающем кресло; меня, точнее нас — я вижу женское тело, наискось лежащее на мне, чувствую его тяжесть,— окружают наклонные прозрачные плоскости. Я думаю — так кажется мне во сне,— что это Королева леса; странно, но прикосновения к ее телу меняют окружающее (пейзаж, ландшафт, картины природы?). Я нежно касаюсь Королевы леса. Мои прикосновения изменяют все вокруг. Я трогаю розовые ареолы — и лес расступается, светлеет; провожу рукой по ложбинке груди — деревья смыкаются, нависают, плотнеют; глажу выпуклый животик — и лес шумит, качает вершинами, прозрачный сумрак темнеет. Я беру губами ее волосы — и ветви прижимаются к стволам, ютятся. Она чуть разводит гладкие ноги — и верховой ветер опускается в подлесок, а среди крон проступает закатное небо. Когда я дотрагиваюсь до ее лица — лес возвращается в свое прошлое; если бы я поднялся, встал, то смотрел бы поверх деревьев, поверх их салатных верхушек. Я пытаюсь заглянуть ей в глаза — но у нее нет

глаз,— качается марево далекого леса: изумрудная лента на нижнем краю грозового небосклона. Она красивая и смешная, эта Королева леса, она вроде глупая, но гораздо мудрее меня, она вообще другая; я даю ей имя».

И другой эротический сон.

«Вижу себя между двух тонких тел; у этих девочек, кажется, одинаковые имена. Их лица надо мной; одна нежно целует другую, я вижу их близко, очень близко. Они как бы не замечают меня, одна перебирается к другой, наступает на меня круглыми коленями, нарочно. Они сплетаются, одна на другой, толкаются языками, кусают друг другу губы; я лишний в этой красивой игре. Конечно, они видят меня, но дразнят, не пускают, ждут, пока я попрошу; я же молчу, зачем просить — все будет и так, они — для меня, мы друг для друга. Их похожие торчащие соски, вишневые и кремовые, скользя, упруго толкаются; они меняются — нежный пунцовый рот у жаркой влажной ложбинки, быстрый смешной язык гладит жесткие волосы, горячие толчки дыхания. Тонкий аромат над постелью в абстрактном рисунке — у них разный запах, по-своему приятный; там, где тела соприкасаются, они быстро влажнеют. Сон нестоек — вот одна на другой, раскинув ноги; я приникаю сверху, начинаю двигаться; живая пирамида дрожит. Ловлю взгляд той, что внизу; она насмешливо улыбается; та, посередине, словно в забытьи,— ее стон почти не слышен, я скорее угадываю его. В своем удвоенном

наслаждении она бессознательно целует ту, что под ней; она поворачивает голову, чтобы поцеловать меня, я ловлю губами край ее рта; ее глаза распахнуты. Сон снова меняется — они садятся на меня, лежащего, накрывают мне лицо и бедра; я слеп и счастлив, я дышу ими, они подшучивают надо мной; старайся — говорят они. Потом мы играем: я вижу их запрокинутые лица; кто примет глубже — терпят, дрожат, держат друг другу руки, после кашляют, смеются. Я пытаюсь определить их по вкусу, кто — где, но запах мешает, и я всегда угадываю точно; они сердятся, они говорят — ты подсматриваешь, это нечестно. Другая сцена: одной из них становится грустно, я вижу, я чувствую это. Пора просыпаться — говорю я себе, я не могу допустить, чтобы им было плохо. Пробуждение».

* * *

И еще несколько слов — о том, *как увидеть сон.*

Сновидение — особенно если речь идет о поверхностном, прерывистом сне — позволяет моделировать себя, и многие могут подтвердить это на своем примере: так часто, особенно в утреннем прерывистом сне, ты волевым усилием пытаешься выстроить логические цепочки, провести аналогии, воссоздать образы. Ты как бы разгоняешь этот механизм, а потом с интересом наблюдаешь за тем, как он работает. Сновидение вяло, инерционно запускается — сновидение, почти лишенное внешних стимулов — каковы суть физиологические стимулы или какие-то внешние раздражители. Некоторый навык позволяет даже выстроить сюжет.

Контексты

Существует — довольно давно — традиция вызывания сновидений в гипнозе. Вот пример такого эксперимента[3] — в данном случае сон вызван нанесением *холодового раздражения*.

«Такой смешной сон... Вы представить себе не можете... Будто я мчусь на лошади и выезжаю на яркую светлую поляну. Глазам больно от ослепительного снега. Вижу — сидит зайчишка; он бежит, а лошадь за ним. Я держусь не за поводья, а за гриву. Скатилась с лошади, прямо носом в снег уткнулась. Лошадь небольшая такая, крестьянская. Ведь я окончила курсы, давно, в 1924 году. Как я окончила курсы, меня послали работать в Казахстан. Мне дали отряд скорой помощи. Я тогда комсомолкой была. Вьючная лошадь под седло, конюх, санитар-переводчик и я. Лошадки небольшие, горные лошадки».

Вот анализ этого сна: «Сомнамбулическая фаза. Каталепсии нет. После пробуждения не помнит, что происходило во время гипноза.

Снилось: скачет верхом на лошади, выехала на поляну, яркий ослепительный снег, поскакала за зайцем, свалилась с лошади в снег.

Во время сна, в 11.44 — запрокинула голову на подушке, в 11.47 уткнулась лицом в подушку — движения, подтверждающие рассказ испытуемой о скачке верхом на лошади, с падением лицом в снег. Световое раздражение отразилось в центральном образе яркой, светлой поляны, ослепительного снега.

Основа сновидения — оживление под влиянием светового

раздражения нервных следов, оставленных впечатлением жизни в Казахстане, когда часто приходилось ездить верхом.

Эмоциональный тон сновидения — воспроизведение связной картины действительности, типичное для лиц художественного типа высшей нервной деятельности».

Есть и фармакологически вызванные сны-видения — но они столь тесно смыкаются с наркотической практикой, что рассматривать их подробно не стоит — это особая область измененного сознания. Приведу только один сон, в котором отчетливо — под влиянием наркотика — изменения сознания проявились в довольно-таки связной форме, даже сюжетном сне с желанием изменения лица (сон этот оформлен как текст, уже даже с рефлексиями). Как всегда, такой сон начинается внезапно, как всегда, в нем видится третье лицо, как всегда, в нем присутствуют аллегории — которые Юнг, к слову, счел бы архетипами; как всегда, в нем ты сразу попадаешь в целый водоворот чувств, в путину горя, раскаяния, стыда.

«Он плакал и просил Божественного Ваятеля изменить его лицо, подправить скучные и меняющиеся к худшему черты, искаженные, кажется навсегда, отчаянием, запоздалым раскаянием случайного, обыденного греха. Не понятый, или понятый слишком хорошо, он хотел быть неузнанным, стать неузнаваемым.

Мы — в своей косной религии — не можем откупиться от Бога чем-нибудь простым и необременительным, у нас только слова, одинокие диалоги, затверженные с искажениями молитвы, нелепо постоянные в быстром меняющемся

мире, скорбно возвышенные, косо впечатанные в воздух торопливым крестом. Тусклые безнадежные диалоги между нетерпеливым кающимся и безразличным немым Господом.

Он, рыдая, просил Ваятеля изменить если не сами черты, то хотя бы выражение лица и глаз, ведь хорошо известно, что глаза — зеркало души. Он хватал его тонкие руки, покрывая их поцелуями, обещая невесть бог что, но Божественный медлительно, и в то же время игриво отстранялся, как бы давая ему понять, что просить его о чем бы то ни было бесполезно. Он кокетливо прикрывал глаза, закатывал их, томно вздыхая, изящно зевал, прикрывая очерченный рот тыльной стороной руки.

Они кружили по белоснежному скульптурному саду, среди тонких мраморных и гипсовых фигур с ломкими птичьими головами и одухотворенными олеными мордами с изысканными, оправленными в серебро рогами, в сплетении ветвей которых тут и там мелькали пустоголовые классические маски, издававшие при касании нежный звон. Поодаль теснились приземистые глиняные скульптуры с львиными головами и потраченные временем грубые сфинксы.

Он плакал, умолял, просил, но Божественный все так же ускользал от его прикосновений и со значением указывал на неоконченные тела и лица, в которые еще не вдохнули жизнь, и на едва оформленные скопления глины, ждущие его умных рук,— так много работы, не до тебя.

Наконец он устал просить и остановился. Он подумал, что, может быть, Божественный действительно утомлен, или у него и впрямь много работы, или же он просто равно-

душен к нему, столь мелкому, что на него и времени тратить не стоит. И тогда он изловчился и сорвал ближайшую к нему маску, при этом кусочек рога в серебряной оправе отломился и с тихим звоном упал на мраморный пол. С маской в руках он бросился прочь из этого противоестественного павильона, предоставив Божественному паясничать в одиночестве или заниматься своими творениями.

Тем не менее Ваятель нашел в себе силы преодолеть свою нелюбовь к словам, вырвался из плена дурашливого веселья и, бросив быстрый взгляд на поврежденную фигуру, с ветвей которой была сорвана маска, поспешил к окну.

— Остановись! — крикнул он.— Ты взял посмертную маску, уже бывшую однажды в ходу,— хотел добавить он, высунувшись в окно, но того уже и след простыл.

Тогда Божественный закрыл окно, подошел к обломку рога, поднял его и приставил обратно. Когда он отнял руку, обломок остался на месте; целостность структуры была восстановлена. Он погладил оленя по голове, и тот улыбнулся ему влажными глазами, как умеют одни только люди.

Беглец остановился лишь спустя несколько кварталов, чтобы отдышаться и рассмотреть свою редкостную добычу. Это тебе не то, что женщина; лучше, чем книга,— подумал он. Это новое лицо, иная жизнь, начинающаяся прямо здесь, именно сейчас, любые возможности. Ты можешь забыть и никогда не вспоминать, потому что забытым будет сам процесс забывания.

Он вновь заспешил, в прозрачных сумерках, легком горьком воздухе; маску он нес в руке, чуть отведенной в сто-

рону, не желая и словно бы опасаясь смотреть на нее сейчас, на ходу, наспех. Он интуитивно чувствовал, что по-настоящему следует рассматривать уже измененное маской лицо, а созерцание одной только маски ничего не даст, а может, и исказит последующие впечатления.

Он пересек улицу и подошел к спящей витрине подле двурогого фонаря. Он мельком взглянул на свое отражение, затем опустил голову и прижал маску, суетливо разглаживая ее шершавую поверхность, пытаясь приладить ее к своему лицу.

Но когда он поднял голову и взглянул на свое отражение, то понял, что ничто не изменилось. И еще он увидел, что маска была трагической: темные овалы глаз, уголки пустого рта опущены вниз. Он внезапно осознал нелепость ситуации: скучный человек стоит перед тлеющей витриной, прижимая к лицу белую гипсовую маску, по-театральному жалкую, в тщетной надежде измениться. Уходить в себя в стремлении дойти до того времени, когда что-то пошло совсем не так,— все равно, что бежать по рушащемуся, обрывающемуся мосту, стремясь вернуться в свое безопасное, пусть даже унылое, прошлое.

Движимый щемящей досадой, он отшвырнул маску, и та упала с глухим звуком, расколовшись на две неравные части; посреди застывшего белого лица словно вбили мокрый асфальтовый клин. Он наклонился над ней. Краем она упала на листья, и в верхнем свете одна глазница сияла чернотой, другая теплилась безмятежным желтым светом, от-

раженным от влажного листа; на безупречных скулах запеклась жирная грязь».

* * *

И еще одно интересное явление — его, не без иронии, можно назвать *плейотропным эффектом* сновидения. Это как раз тот феномен, о котором все знают, но который никто не может объяснить, хотя теорий на этот счет предостаточно: почему один и тот же внешний стимул (раздражитель) вызывает совершенно различные сновидения, причем даже у одного и того же человека?

Вот сны, приснившиеся одновременно: они были вызваны одной, весьма тривиальной, причиной — слабым шумовым раздражением (это было гудение движущегося лифта).

«Возле полосы деревьев на краю поля (или, скорее, луга) в высокой, по колено, траве стоит молодой человек. Обращает на себя внимание контраст: темно-зеленый лес и бледно-салатная, катящаяся волнами, трава. Вижу его как бы со спины, довольно близко. К нему, бредя по колено в траве, приближается девушка в длинном белом платье. Я чувствую, что между ними очень близкие, любовные отношения. Девушка подходит к нему, улыбаясь. Их разговор длится всего несколько секунд; о чем они говорят, я не слышу. Чувствую, что произошла какая-то трагедия. Внезапно лицо девушки меняется, она начинает плакать, отшатывается от него, поворачивается спиной и начинает убегать. Вначале она бежит очень быстро, но постепенно каждый

ее шаг становится все медленнее и медленнее, словно начинают замедлять пленку. Она оглядывается, лицо ее искажено ужасом; оборачиваясь, она что-то кричит парню, и ее слова, также замедляясь и растягиваясь как движение, превращаются в низкий музыкальный тон. Вслушиваясь, можно услышать, что на самом деле это слова, но слышишь все равно гудение, наподобие звука валторны, протяжный, разных тональностей гул. Она, видимо, кричит очень громко, на пределе, потому что звук не глухой, а пронзительный; от этого крика-музыки рождается ощущение ужаса, тревоги. И тут я начинаю ощущать, что чувствует этот парень, который все это время стоит, не двигаясь, только провожает взглядом девушку. Лица его я не вижу. Только чувствую его щемящую тоску, до боли в сердце; тоску, которую ощущаешь при расставании с любимым человеком или его смерти. Тоска побеждает ужас; жуткое ощущение потери.

Картинка меняется: я вижу ритмично танцующих под тот же крик-музыку молодых женщин в какой-то национальной одежде; они движутся также замедленно; руки раскинуты, они касаются плеч друг друга, очень медленно переставляя ноги. Время от времени они поворачивают голову — то влево, то вправо, двигаясь синхронно. На головах у них — широкополые шляпы, под ними повязаны белые платки. Присмотревшись к ним, понимаю, что это не шляпы, а тяжелые длинные кисти, пришитые по краям платков: на самом деле женщины танцуют очень быстро, и очень быстро вращают головами,— и, вращаясь, эти ки-

сти сливаются в почти материальную плоскость, выглядящую как широкие поля шляпы.

Пробуждаясь, я продолжаю слышать этот крик, уже почти совсем музыку; мне очень хочется вернуться туда, на луг, чтобы увидеть продолжение, потому что у меня остается ощущение тоски и хочется от него избавиться, понять происходящее» (Лина).

И второй — теперь уже мой — сон.

«Сон сумбурный, начинается все вроде бы с того, что мы с моим секретарем и еще одной парой собираемся ехать куда-то за город; супруга не возражает. Я нахожусь в своей старой большой квартире на улице, засаженной акациями, причем на балконе — ажурные кованые, объемные решетки, какие у меня в настоящее время на балконных проемах. Вызываю секретаря ночью, чтобы обсудить с ней прогулку. Она поднимается, карабкается по наружной стене дома, цепляется за решетку, пролазит сквозь нее. Мы говорим, сидя в залитой коричневым сумраком комнате; мягкая мебель при этом расположена посреди комнаты, как у моей крестницы, но как никогда не было у меня. Утром я снова просыпаю, но не звоню ей, хотя на часах уже двенадцать. Во сне есть множество мелких деталей, подробностей — мыслей, сборов, закупок каких-то продуктов, которые я не уже помню (вспоминается, однако, что у меня какая-то маленькая машина — отчетливо вижу ее небольшой, какой-то искаженный-мятый багажник).

Контексты

Затем снится здание, это вроде бы ночной клуб — связь с предыдущим сном не утрачивается. Вроде бы мы хотим здесь встречать какой-то праздник. В нем восемь или восемьдесят этажей. Как развернулись, расстроились — возникает мысль.

Потом вижу сцены группового секса, в которых участвует какой-то худой немец. Они довольно длительные и малоинтересные. Я участвую нехотя; испытываю опасения чем-то заразиться болеть; никаких сексуальных ощущений нет. Затем едем с этим немцем в трамвае, он говорит как-то невнятно, возможно с сильным акцентом (содержание его речи я уже забыл), отворачивается, склоняя лицо. Я говорю ему, смешивая немецкие и французские слова: "Ich arbeite à l'hôpital". Он смотрит на меня с отчуждением и безразличием. Я говорю по-русски: "Это я показываю тебе свои познания в немецком". Он не реагирует. Пытаюсь сравнить произнесенную конструкцию с аналогичной французской, проговариваю ее про себя: "Je travaille à l'hôpital".

Затем картины сна меняются. Мы, все еще с этим немцем, поднимаемся лифтом на шестьдесят с чем-то этажей здания. Приходит понимание — это этажи, уровни застройки земной поверхности, Земли; это века, и посредством лифта можно свободно по ним перемещаться. Я выхожу через обшитые белым пластиком автоматические двери, прохожу через довольно большой холл, и выхожу будто бы на площадку. И замираю — чуть левее меня вздымаются, громоздятся гигантские конструкции, вперемешку с природны-

ми — а может быть, и искусственными холмами — на них нарядные деревушки, какие-то домики на склонах, фруктовые, кажется, деревья, возделанные участки земли — все это, подчеркну, идиллически красивое, пасторальное, теплых, пастельных тонов с включением оранжевого, красного, желтого, коричневого, бежевого, какие-то короба — стеклянные, стальные. Все сделано с умом, каждая пядь земли занята, ухожена, полезна. Перспектива искажена, словно висишь на чудовищной высоте. В дымке теряются титанические застройки Земли будущего; они вызывают легкий шок.

Возвращаюсь — я хочу попасть в более поздние столетия, туда, ближе к восьмидесятым векам, хочу увидеть все до конца. Что-то мешает этому, какая-то мелочь, и картина сна снова смешивается, сохраняя, тем не менее, главную нить.

Я с отцом нахожусь в небольшой, отделанной пластиком комнате, куда нам приносят чай. Я точно уже не помню, что происходит, но я куда-то выхожу — возможно, я таки посещаю эту "шахту времени". По возвращении кто-то из обслуживающего персонала — это высокая, стройная девушка со светлыми кудряшками — приносит постоянно чай. Она старается делать все стереотипно, чтобы попасть в тот же момент времени, завершить весь антураж, воспроизвести его к моему возвращению, чтобы я не заметил, что время весьма подвижно. В одно из своих возвращений я вижу, что она не успевает завершить полный цикл; промахиваются и те, кто как бы удерживал комна-

ту и ситуацию статичной во времени. Они ошибаются — сначала в мелочах, а затем во все более крупных деталях — у девушки в руках две прозрачные фарфоровые чашки-пиалы, одна из них пуста — она не успела заменить чашки, я застиг момент подмены. Я начинаю замечать и иные детали — в левом дальнем углу комнаты нет ступеней, ведущих вниз, и ограждающей их маленькой балюстрады-перил.

Они — обитатели этих поздних веков — открываются, и на каком-то маленьком телевизоре, подвешенном на кронштейне над холодильником, стоящим тут же, в комнате, демонстрируют хроники произошедшего на земле за эти века. Мы смотрим это все вместе — я, отец, эта похожая на стюардессу девушка, какой-то ребенок, еще, кажется, одна женщина. Я пытаюсь что-то есть. В ускоренном темпе прокручивают картины изменений, рисуют историю планеты широкими, крупными мазками; она на удивление тривиальна — космические войны, объединение людей с несколькими инопланетными расами, демарши противников этой коалиции. Я вижу земных лидеров, слышу их призывы к объединению и к войне: они странным образом напоминают и кадры немецких хроник времен Второй мировой войны, и библейские тексты.

Тем не менее, глядя на все это, я безудержно рыдаю — сквозь меня словно проносятся эти бесчисленные века; я же остаюсь здесь, в новом времени. Я плачу вначале тихо, чувствую, как слезы текут по лицу, как оно искажено, а затем не могу уже более сдерживаться. Где-то в глубине бьется мысль: меня проверяли, чтобы оставить здесь ра-

ботать, постоянно, профессионально, навсегда — я, очевидно, подошел, я делал все так, как нужно. Я хочу удалиться от них, чтобы привыкнуть к знанию об огромности нового мира, об огромности пространства, высоты и, главное, времени» (Вадим).

* * *

Экзегетика снов огромна — и в тексте Соважа, действительно, представлены только европейские снотолковательные традиции, да и то не все, лишь основные. Мне хочется повторить вслед за автором: есть множество других этнокультуральных традиций объяснения сновидений — и они, кстати, еще более далеки от формальной позитивистской науки и еще ближе к рецептуре бытовой символики-мифологии.

В.В. Чугунов

Примечания

[1] Примеры сновидений и их толкований взяты из: *Касаткин В. Н.* Теория сновидений (некоторые закономерности возникновения и структуры) / Под ред. Д. А. Бирюкова; предисл. Н. П. Бехтеревой.— М.: Медицина. Ленинградск. отд., 1967.— 352 с.

[2] Здесь и далее цит. по.: *(Freud S.) Фрейд З.* Толкование сновидений: Пер. с 3-го нем. изд. М. К.; испр. и доп. по 7-му нем. изд. Я. М. Когана (с. 1 — 176).— К.: Здоровье, 1991.— 384 с.

[3] Ниже цит. по: *Вольперт И. Е.* Сновидения в обычном сне и гипнозе / Под ред. Д.А. Бирюкова.— Л.: Медицина. Лениградск. отд., 1966.— 356 с.

Содержание